

ИСТОРИЯ ПЕТЕРБУРГА

№ 4 (14). 2003

Содержание

П. А. Подболотов

Уважаемые читатели журнала
«История Петербурга!»

3

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГОРОДУ

Н. И. Сергеева

Дворцовые тайны

4

В. Е. Павлов

Троицкий мост

13

И. А. Пономарев

Таврический сад. *Продолжение*

19

СОВРЕМЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Н. Н. Масленникова

Школа историков в Университете культуры
и искусств. Воспоминания

26

ПИСАТЕЛИ О ПЕТЕРБУРГЕ

Н. А. Лейкин

Мои воспоминания. *Продолжение*

30

ДУША ПЕТЕРБУРГА

Е. Е. Васильева

Город в песне, или Путешествие из Петербурга
в Москву, или Прощание с Петербургом

36

В. А. Шляпников

Три слова об органе, или «Органная Атлантида»
Петрограда—Ленинграда

45

БУДНИ И ПРАЗДНИКИ

А. Ф. Белоусов

«Как некий новый род...»:
смолянки, монастырки, институтки

51

С. А. Рейсер

Дворник

57

Р. Э. Павлова

Хранители петербургских дворов, или Почему
дворник не веселится

60

А. Ф. Некрылова

Христиан Леман (из истории балаганов
в Санкт-Петербурге)

64

ГОРОД В XX ВЕКЕ

А. В. Блюм

Ленинградская печать в годы большого террора:
хроника цензурных репрессий 1937 года.
По донесениям Леноблгорлита в Особый отдел
Ленинградского обкома ВКП(б)

73

ИСТОРИЯ – СЕГОДНЯ

А. Д. Марголис

Анциферовские премии

77

Е. С. Протанская

Проект петербургских ученых к 300-летию города

79

И. А. Шомракова

Историко-книгovedческая школа
в Санкт-Петербургском государственном
университете культуры и искусств

84

О. Б. Папкова

Выставка «Два града Петровых» в музее
Петрозаводска

86

СЛУЖИЛЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Б. Г. Китис

Герой Измаила в доме Бецкого

87

Командующие войсками Ленинградского
военного округа

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

Маркиан Михайлович Попов

89

Трифон Иванович Шевалдин

92

РЕЦЕНЗИИ

А. Ф. Векслер

Книги о Петербурге в год его трехсотлетия

93

С. Н. Полторац

«Санкт-Петербург. 300 лет истории»

95

Г. Л. Соболев

Капитальный труд петербургских архивистов

97

Викторина «Из истории Санкт-Петербурга»
(четвертый тур). *Составитель Н. П. Матвеев*

99

Сведения об авторах

100

Главный редактор

С. Н. Полторак, доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

Л. И. Амирханов

Б. Д. Гальперина, *доктор исторических наук*

Р. Ш. Ганелин, *доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН*

Н. К. Гуркина, *доктор исторических наук, профессор*

В. С. Измозик, *доктор исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

А. Н. Кашеваров, *доктор исторических наук, профессор*

Ю. А. Лимонов, *доктор исторических наук, профессор*

В. М. Лурье

Г. В. Михеева, *доктор педагогических наук, профессор*

Ю. В. Мудров

В. Е. Павлов, *доктор технических наук, профессор*

Р. Э. Павлова

В. Н. Плешков, *доктор исторических наук, профессор*

В. Л. Пянкевич, *доктор исторических наук, доцент*

Т. А. Славина, *доктор искусствоведения, профессор*

А. А. Смирнова, *кандидат исторических наук, доцент*

Т. М. Смирнова, *доктор исторических наук, профессор*

Г. Л. Соболев, *доктор исторических наук, профессор*

В. П. Третьяков, *доктор психологических наук, профессор*

И. М. Триодина, *кандидат культурологии*

С. Б. Ульянова, *кандидат исторических наук, доцент*

А. Н. Чистиков, *кандидат исторических наук*

В. П. Яковлев, *кандидат исторических наук, профессор (заместитель главного редактора)*

Журнал основан и зарегистрирован 20 июля 2000 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 2-4602

Выдано Территориальным управлением по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Учредитель С. Н. Полторак

Адрес редакции

195251, Россия, Санкт-Петербург-251, Политехническая ул., 29

Тел. (812) 324-66-13

E-mail: nestorklio@mail.ru

<http://www.nlr.ru/petersburg/spbhistory/index.html>

Редакция журнала принимает к рассмотрению материалы и иллюстрации в одном экземпляре объемом до 0,5 п.л. (электронная версия обязательна). Материалы не возвращаются и не рецензируются.

Подписка на журнал «История Петербурга»

осуществляется по каталогу агентства «Роспечать»

Индекс 14244

© «История Петербурга», 2003

© Авторы публикаций, 2003

© Издательство «Нестор», 2003

Перепечатка публикаций допускается с согласия редакции журнала.

Ссылка на журнал «История Петербурга» обязательна.

На 1-й странице обложки — Панорама города Санкт-Петербурга Ш.-К. Башелье по оригиналу Ж. Бернардаши. 1853 г. Литография, акварель.

На 4-й странице обложки — Вид на Лебяжью канавку и часть Летнего сада. Неизвестный художник. 1820-е гг.

Уважаемые читатели журнала «История Петербурга»!

Этот номер, как и другие, посвящен истории нашего города. Он отличается только одним — почти все авторы этого выпуска преподавали или преподают в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств.

Нашему университету всего 85 лет, и это небольшой срок для университетской истории. Но нам повезло, с самого начала наш вуз располагался в центре северной столицы, в блистательных дворцах постройки Кваренги, Старова и Растрелли, в особняках Бецкого, Салтыкова и Кантемира. Дворцовые залы и кабинеты, где нам выпала честь читать лекции, видели великих государей и поэтов, послов и военачальников, просветителей и меценатов. Каждая комната, зал на протяжении более двух столетий имели свою историю. В них мог быть и танцевальный зал, и госпиталь, кабинет посла и типография, квартира и деканат. Дух прежних великих обитателей и необычайные события, которые происходили в этих аудиториях университета, словно увеличивают время нашей истории и обязывают нас особенно внимательно относиться к историко-филологической школе, которая с самого начала существования нашего университета занимала в нем виднейшее место. Студентам разных поколений читали лекции замечательные историки и филологи, про-

фессора института, академии культуры, а теперь университета культуры и искусств С. А. Рейсер, С. Б. Окунь, Б. Я. Бухштаб, В. А. Мануйлов, А. М. Панченко, С. С. Ланда, А. И. Новиков, Э. В. Соколов. Многие авторы статей, вошедшие в этот номер — их благодарные ученики.

Желаю всяческого процветания вашему журналу, занятому столь благородным делом — раскрытием новых страниц истории Санкт-Петербурга.

*Ректор Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств
доктор исторических наук, профессор П. А. Подболотов*

Дворцовые тайны

Н. И. Сергеева

Совершая прогулку по Дворцовой набережной Санкт-Петербурга, нельзя не обратить внимания на два дома, стоящие особняком от других строений, словно на острове. С севера — река Нева, с востока — Лебяжья канавка, а за ней — Летний сад, с запада — площадь, украшенная памятником А. В. Суворову в образе Марса, с юга — поле, названное именем этого бога. Линия Дворцовой набережной как бы обрывается на этих домах, вновь возникая за площадью и мостом, переброшенным здесь через Неву, — Троицким. А за ним — начало Петербурга. Первая площадь — Троицкая, первое военно-стратегическое сооружение — Петропавловская крепость, первое духовное строение — собор, украшенный устремленным ввысь золотым шпилем, увенчанным крестом и фигурой ангела, гуща деревьев, в которой скрывается первое гражданское сооружение — домик Петра I.

История этих домов началась ближе к концу XVIII века, и строительство их завершило оформление Дворцовой набережной, ставшей к тому времени главной, можно сказать — парадной, набережной Санкт-Петербурга. Дома эти справедливо называют не только архитектурными, но и историческими памятниками. Они представляют собой прекрасный образец раннего классицизма; с их «жизнью» связана жизнь государственных деятелей, вельмож, сановников и особ менее важных и титулованных, но как-то так получилось, что большая часть этих владельцев и обитателей считали своим долгом служить просвещению России, делам благотворительным и милосердным.

Не следует эти стремления возводить в ранг великих, бескорыстных и святомученических деяний. Это были люди вполне земные, получавшие от своей деятельности не только духовное удовлетворение. Однако им было свойственно понимание необходимости того, чему они посвятили свою жизнь, и в конечном итоге для многих из них благотворительность, просветительство стали делом, которому они посвятили себя беззаветно.

Лебяжий канал.
Открытка издательства «Аврора».
1985 г.

Если мы сейчас превозносим таких людей из нашего исторического прошлого, теряя подчас чувство меры, то во времена их жизни от них ждали чуда, быстрого свершения, но не обнаруживая их проявлений, теряли веру, посмеивались, развенчивали. Широко известны сатирические стихи, сочиненные в связи с выпуском смолянок — воспитанниц первого закрытого женского учебного заведения, к созданию которого имел прямое отношение И. И. Бецкой, владелец одного из заинтересовавших нас домов. «Воспитал кур, монастырских дур», — такими словами была отмечена просветительская деятельность этого человека. Но вместе с тем благодарность потомков была проявлена в установлении в 1868 году памятника И. И. Бецкому — бронзового бюста в сквере перед главным корпусом Санкт-Петербургского воспитательного дома (набережная реки Мойки, 48).

Это вступление кажется необходимым, потому что и облагораживающие окружающей среды, природы является фактом просветительской деятельности. Постройка домов, названных в начале статьи, является ее частью. Дома эти хорошо известны. Один вошел в историю как дом Бецкого —

Ольденбургских, другой — Салтыковых. Оба дома — многофасадные. Дом И. И. Бецкого числится по Дворцовой набережной под № 2, по набережной Лебяжьей канавки — № 1, по Миллионной улице — № 1, дом Салтыковых имеет № 4 по Дворцовой набережной, № 1 — по Суворовской площади и № 3 — по улице Миллионной. У каждого дома своя история, богаты биографии и их владельцев. Написано о них много, хотя утверждать по количеству публикаций, что история восстановлена и можно отложить перо, — неверно. Еще многие вопросы требуют изучения, внесения ясности, большей корректности в толковании фактов, касающихся не только самих домов, но и людей, связавших с ними свою судьбу.

Например, некий автор статьи, опубликованной в 1986 году, утверждает, что первым владельцем дома на Миллионной улице, 1, был де Рибас, а от него особняк перешел к министру просвещения при Екатерине II И. И. Бецкому¹. Что ни слово, то фантастика: де Рибас никак не мог быть строителем, говоря современным языком, столь фешенебельного дома, построенного в таком элитном месте; называть это здание особняком весьма легкомысленно; министерств в эпоху Екатерины II еще не было, хотя И. И. Бецкой действительно являлся советником императрицы по вопросам образования и воспитания. Но особенно удивляет то, что другой автор, издавший свою книгу уже в 2001 году, передает эту версию слово в слово².

Повторю уже известное. Дворцовая набережная (она ранее называлась Верхней) застраивалась с запада на восток, против течения Невы, и нумерация домов начиналась от Адмиралтейства. В итоге интересующие нас дома, построенные в конце набережной у Лебяжьей канавки, имели большие номера, и они менялись: с 16 до 22. Как справедливо указывает И. Е. Краснова в работе, посвященной источникам для изучения домовладения Санкт-Петербурга, эти изменения в нумерации домов являлись результатом объединения или разделения участков, когда номера домов

Фасад дома И. Бецкого (до 1830-х гг.). Марсово поле

сдвигались³. Это следует учитывать при сравнении адресных книг и росписей разных лет. Значит, нумеровались не только дома, но и участки, отведенные под их строительство. Об этом, например, свидетельствует роспись домов Петербурга, составленная в 90-х годах XVIII века и хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (0.IV.56)⁴. Здесь указаны дома 18 – (ныне 10) покойного Бецкого и 22 (ныне 2) вице-адмиральши Дерибасовой, либо дочери, либо воспитанницы И. И. Бецкого; 21 (ныне 4) – графа Салтыкова, а также 20 как порожнее место – графа Салтыкова⁵.

Но, как известно, на участке, завершающем Дворцовую набережную (с 30-х годов XIX века начинающем ее), должны были быть построены три дома еще в 80-х годах XVIII века. Именно тогда, точнее в 1784 году, в Управу благочиния было представлено ходатайство об отводе под застройку «проезжих мест, лежащих по Дворцовой набережной между Мраморным дворцом и Летним садом»⁶. Это место пустовало с 1773 года: выстроенный там ранее Ф. Растрелли деревянный «Оперный театр в Еловой роще» был разрушен, и столь зримое место (у Летнего сада) представляло собой неприглядное зрелище. Стремление придать ему приличный вид явилось, так можно предполагать, одной из побудительных причин для подачи прошения на застройку этой местности домами, так как одним из просителей был И. И. Бецкой, возглавлявший Комитет по строению домов и садов в Петербурге. Авторов прошения было трое: кроме И. И. Бец-

кого – П. А. Соймонов, А. Р. Воронцов. Все трое были в чинах значительных и прославили себя не только делами государственными, но и как люди просвещенные и по убеждениям своим – просветители.

Иван Иванович Бецкой⁷ (3 февраля 1704 – 25 августа 1795) – незаконный сын «последнего боярина»,

генерала-фельдмаршала, сенатора, князя Ивана Юрьевича Трубецкого – получил блестящее европейское образование. Впервые приехал в Россию в 1721 году, по одним, в 1729 году, по другим сведениям, и сразу включился в политическую деятельность: поддержал сторонников Анны Иоанновны при возведении ее на престол, способствовал утверждению на престоле младенца Ивана VI Антоновича, при Елизавете Петровне был назначен в Коллегию иностранных дел. Однако в 1747 году уехал во Францию и вновь возвратился в Россию в 1762 году по вызову Петра III. Началась его служба и служение Отечеству. К тому времени, когда было подано прошение в Управу благочиния, И. И. Бецкой был действительным тайным советником, камергером, награждался Золотой медалью (16 декабря 1773 года), был президентом Академии художеств (1764–1794), личным секретарем Екатерины II (1762–1779) и вообще пользовался ее особым вниманием и покровительством. Он был при императрице кем-то вроде советника по вопросам воспитания молодежи и был признан ее сподвижником, что под-

Портрет президента Академии художеств Ивана Ивановича Бецкого. А. Рослин. 1770-е гг.

тверждает установка его фигуры на пьедестале памятника Екатерине II в сквере на площади Островского.

И. И. Бецкой принимал самое активное участие в организации и попечительстве ряда просветительских и воспитательных учреждений, среди которых Московский воспитательный дом (1763), Воспитательное общество благородных девиц (1765), Сухопутный кадетский корпус и прочее. Важно отметить, что И. И. Бецкой не просто создавал и руководил, а реализовывал определенную программу. Его жизнь во Франции не прошла бесследно. Знакомство с Вольтером, Д. Дидро и другими просветителями, а ранее, еще в России, дружеские беседы с поэтом Антиохом Кантемиром способствовали формированию его мировоззрения. Нет, он не был противником ни абсолютной монархии, ни крепостного права, ни сословного неравенства, но он увлекся и стал деятельным сторонником той педагогической системы, которая ставила своей целью воспитание «новой породы людей», представители которой станут «прямыми гражданами полезного общества и служить оному украшением». Он стремился к тому, чтобы воспитать эту новую породу просвещенных и гуманных дворян, купцов, промышленников, в единичных случаях даже наиболее талантливых крестьян, а чтобы дети и юношество не видели «людских пороков, неравенства, порабощения человека человеком, деспотии», предполагалось воспитывать их в закрытых учебных заведениях, как в вакууме. Конечно, это утопия, но в ней было много благородства. Можно сказать, что Иваном Ивановичем была разработана целая воспитательная программа, нашедшая отражение в труде под названием «Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоюбого пола благородного и мещанского общества», изданном в трех томах в 1789–1791 годах.

В связи с тем, что главным героем нашего повествования будет И. И. Бецкой, считаю необходимым рассказать о нем, как о человеке, о его характере, поступках. Обычно в работах, посвященных Ивану Ивановичу, приводится материал, который раскрывает его как политического деятеля, просветителя, но не как человека. Я не скажу ничего нового, а только приведу некоторые сведения, видимо, не очень доступные, заключенные в публикации, подготовлен-

ной историком, философом, психологом И. С. Чистовичем⁸. Знание их необходимо и для понимания действий Бецкой в связи со строительством домов. Отмечу сразу, судя по этим сведениям, Бецкой был необычным человеком, отличавшимся от других людей, занимавших столь же высокое положение. И. И. Бецкой, сообщалось в указанных материалах, «был росту большого, двух аршин восьми вершков (около 178 см. — Н. С.), сложения худощавого, в пище и питии был весьма воздержан, и кроме воды ничего не употреблял». Но он был и гостеприимен. Кроме приема частных визитеров, таких как, например, сама императрица Екатерина II, император Австрии Иосиф II, шведский король Густав Ваза, он каждое воскресенье устраивал «большой обеденный стол», организовывал балы для воспитанников учебных заведений, которыми он руководил. В юном возрасте с ним случилась беда: во время учения в кавалерии он упал с лошади «и был помят эскадроном», что сильно сказалось на его здоровье, чем, вероятно, объяснялся и строгий режим его жизни.

В материалах отмечались присущие ему благородство и гордость. На настоячивые предложения отца, сестры, императрицы — Елизаветы Петровны, а потом и Екатерины Алексеевны принять фамилию князей Трубецких он всегда отвечал, что «он известен стал под именем Бецкого (усеченная часть фамилии Трубецкой. — Н. С.), то с этим именем останется и умрет».

Иван Иванович «был обращения весьма холодного и серьезного, но всегда человеколюбивого», особенно к подчиненным. Был внимателен к воспитанникам, не подвергал их наказанию, «но обращался с взысканием к начальникам за несмотрение их». Он был человеком необыкновенного характера, твердого, самостоятельного, нечестолюбивого, бескорыстного и самоотверженного...»; никогда не получал и не принимал от императрицы ни деревень, ни земель, ни денежных наград, «но много жертвовал собственностью своею для пользы общественной». Действительно, в его завещании нет разговора об изменениях. Для приращения средств на содержание воспитанников Воспитательного дома И. И. Бецкой открыл ломбард, в который на зарубежный манер можно было вносить деньги с процентным приращением капита-

лов, а также закладывать движимое и недвижимое имущество. Для примера другим он продал землю в Прибалтике, принадлежавшую Трубецким, и внес полученные деньги в ломбард. Биограф отмечал присущее Бецкому желание «быть общепользным», служить славе «Государей своих и Отечества своего».

Еще одна черта И. И. Бецкого — любознательность. Когда он узнал, что в Китае выводят цыплят с помощью духовых печей по несколько тысяч сразу, он и в своем доме завел подобное, стал заниматься выводом цыплят, «желая ввести в России употребление таковых печей».

Е. И. Жерихина, автор одной из работ, посвященных И. И. Бецкому, напоминает нам о грустном конце его жизни. В 1780 году он ослеп, Екатерина II определила к нему в 1792 году помощником графа Эрнста Миниха (сына генерал-фельдмаршала Бурхарда Миниха), который, по уверениям А. И. Соколовой, «воюет крепкою и сильною рукою, как бы был сам устройтеlem сего дома» (имеется в виду ломбард), что приводит Бецкого «в смятение» и он находится «беспреестанно в слезах». Она просит заступиться за него своего соседа Н. И. Салтыкова (младшего).

В последние годы И. И. Бецкий потерял возможность обращаться непосредственно к императрице и искал содействия в решении дел у ее последнего фаворита П. А. Зубова⁹.

Не меньшее место в деятельности И. И. Бецкого занимала забота о застройке и украшении Санкт-Петербурга. В 1762 году он возглавил и до 1794 года руководил работой Конторы строений домов и садов ее императорского величества. Нет сомнения в том, что ко всем постройкам и перестройкам в Петербурге того времени он имел непосредственное отношение. Можно быть уверенным в том, что инициатива в подаче прошения о застройке пустыющего еще места на Дворцовой набережной принадлежала ему, и он подобрал себе в «компанию» людей, близких по духу.

Александр Романович Воронцов (1741–1805) принадлежал к «громкой» фамилии людей, не чуждых и политической, и общественной жизни России. Брат известной Екатерины Романовны Воронцовой-Дашковой, которая поддержала в 1762 году Екатерину Алексеевну в ее притязаниях на императорский престол, а затем прославилась как директор Академии

Екатерина II — законодательница в храме богини Правосудия.
Д. Г. Левицкий. 1783 г.

наук и президент Российской академии. Сам Александр Романович начал свою деятельность на дипломатическом поприще: полномочный министр в Англии (1762–1764), затем в Голландии (1764–1768), а в 1773 году он перешел в Коммерц-коллегию и пробыл ее президентом до 1794 года. Его имя вошло в историю, как имя покровителя А. Н. Радищева.

Петр Александрович Соимонов (?–1800), статс-секретарь Екатерины II, отец известной в то время писательницы Софьи Свечиной.

9 мая 1784 года состоялось заседание Губернского правления, на котором было принято решение о разделе пустующего пространства на три участка и передаче их просителям на довольно жестких условиях: если за пять лет строения не будут возведены, то участки «для достройки другим продавать» — это во-первых, здания своим «великолепием, красотой и полезностью» должны соответствовать «славному по сей реке каменному берегу» — во-вторых, а проекты домов

надо было заказать лучшим архитекторам и предоставить на рассмотрение в Контору строения домов и садов ее величества» — в-третьих.

Вот здесь и начались проблемы. Дело в том, что, как уже отмечалось, возглавлял Контору строений И. И. Бецкой, но нам неизвестны ни годы постройки, ни имя автора — архитектора именно того дома, который строился на этом участке для него. Кроме того, в своем завещании, составленном 21 января 1794 года, И. И. Бецкой писал об этом доме, как о двух домах, что он отдавал в вечное и потомственное владение госпоже Анастасии Ивановне Дерibas «два (курсив здесь и далее мой. — Н. С.) каменные дома, построенные мною на пожалованном мне Е. И. В. месте в первой Адмиралтейской части, один по Дворцовой набережной, а другой по Миллионной, между Мраморным домом и Летним садом, на которое полученное мною от здешнего Благочиния данную при сем прилагаю...»¹⁰. Необходимо обратить внимание на то,

что одна половина здания, которое мы сейчас называем домом Бецкого (да и в то время в обиходе оно называлось так), построена на земле, пожалованной Екатериной II, а другая половина — на земле, полученной от Управы благочиния. Возникает вопрос: могли ли две половины дома возводиться в разное время и разными архитекторами как два самостоятельных строения? Вопрос напрашивается еще и потому, что в аналогичном случае постройки дома на соседнем участке, полученном П. А. Соимоновым одновременно с И. И. Бецким, строился один дом, как один дом он вошел и в историю, хотя фасады его были обращены также на набережную и Миллионную улицу.

Со строительством этого второго дома нет вопросов, там все ясно. П. А. Соимонов отказался от участка, не имея возможности соблюсти условия, поставленные управой, и новый владелец земли, весьма состоятельный петербургский купец Ф. И. Гротен, заказал постройку на нем дома уже известному архитектору Джакомо Кваренги. Строительство началось в 1784-м и завершилось в 1788 году.

В возведении дома или домов для И. И. Бецкого неясно главное: по проекту какого (или каких) архитектора (архитекторов) он строился и в какие годы. Есть несколько версий. Но возникают еще вопросы, связанные с этими домами: для кого они возводились и жил ли там И. И. Бецкой.

Вероятно, следует прежде всего рассмотреть вторую пару вопросов и выяснить, для кого строился дом. Дело в том, что у И. И. Бецкого уже был дом, в котором он жил. Адрес его известен — Дворцовая набережная, 10, и Миллионная улица, 11. Он следует за домом Д. Кантемира, второй дом от Мраморного переулка по Дворцовой набережной и третий по Миллионной улице¹¹. Этот дом имеет длинную историю. Мы коснемся только некоторых фактов.

Прежде всего, следует уточнить, каким образом этот дом стал собственностью И. И. Бецкого. Для большей ясности с помощью «Панорамы Миллионной улицы середины XVIII», части известной Стокгольмской коллекции, изданной в 2002 году Всемирным клубом петербуржцев, восстановим линию домов в пределах интересующего нас участка. В 1740-х годах здесь значились три дома под № 11: 11.1 — дом Гессен-Гамбургской; 11.2 — Фельтена; 11.3 — В. В. Долгору-

Так выглядели здания в конце XVIII — начале XIX в.

кого. В настоящее время, да и в XIX веке тоже, — это один большой дом. Соединение этих домов началось в 50-х годах XVIII века.

В 1754 году, как свидетельствуют архивные документы, дочерью покойного оберкухмейстера И. Фельтена был продан генерал-майору и камергеру Ивану Ивановичу Бецкому «двор, состоящий на Адмиралтейской стороне в Миллионной улице и по берегу Невы — реки (дом 11.2)... в межах ее светлости графини Натальи Ивановны Гессенгамбургской» (дом 11.1)¹².

Анастасия Ивановна, урожденная Трубецкая, по отцу приходилась сводной сестрой И. И. Бецкому¹³. Ее мать, вторая жена И. Ю. Трубецкого, — Ирина Григорьевна Нарышкина (1671—1749). Она была на четыре года старше своего сводного брата (родилась 4 октября 1700 года), опекала его и «жила с Бецким в одном помещении». Это был дом, обозначенный на панораме, как 11.1, «в межах» с домом Фельтенов.

А. И. Трубецкая — женщина далеко не заурядная. По воспоминаниям современников, она была «бесспорно, одна из прекраснейших женщин... Она блондинка, высока ростом и имеет прекрасные руки и чудный цвет лица. На веке правого глаза у нее маленькое черное пятно похожее на

мушку; но оно нисколько не вредит красоте и живости ее глаз, напротив делает их еще более выразительными; вообще она женщина весьма приятная и образованная». Это последнее, вероятно, делало ее не чуждой политике. Во всяком случае известно, что она в чем-то опередила княгиню Е. Р. Воронцову-Дашкову, известную наперсницу Екатерины II во время борьбы ее за престол. Анастасия Ивановна сумела завоевать расположение Елизаветы Петровны, находилась при ней во время дворцового переворота в 1741 году, за что была награждена орденом Екатерины Большого Креста и удостоена звания статс-дамы и фрейлины императорского двора.

Анастасия Ивановна дважды была замужем. Первый ее муж — крупная историческая личность, один из просвещеннейших людей начала XVIII века — Дмитрий Константинович Кантемир, валахский господарь, ставший сподвижником Петра I. В литературе закрепилось мнение, что на момент замужества ей было 12 лет. Следовательно, свадьба состоялась в 1712 году. Это не так. Первая жена Кантемира Кассандра Кантакузен умерла в 1713 или 1714 году. Сам Кантемир прибыл в Россию в 1711 году и до 1719 года жил в Москве. Анастасия Ивановна до 1717 года вместе с

плененным отцом жила в Стокгольме. Наконец, имеется письменное свидетельство, в котором датой свадьбы Анастасии и Кантемира в присутствии царя и царицы называется 14 января 1720 года, а 4 ноября 1720 года родилась их единственная дочь Смарагда (Екатерина)¹⁴.

Дмитрий Кантемир скончался в 1723 году, а в 1738 году княгиня Анастасия Ивановна стала супругой светлейшего князя Лудвига-Вильгельма Гессен-Гамбургского, генерал-фельдцейхмейстера, майора е.и.в. лейб-гвардии Преображенского полка. Как сообщала газета «Санкт-Петербургские ведомости», свадьба состоялась 21 января 1738 года, и ужин проходил в доме невесты, где по прибытии супругов «из поставленных перед палатами пушек учинена пальба»¹⁵. Без сомнения, эти палаты — тот самый дом на Миллионной улице, который мы обозначили под 11.1. Конечно, на свадьбе присутствовал любимый брат новобрачной И. И. Бецкой, который с 1741 года жил в Петербурге в доме своей сестры.

Дальнейшая судьба А. И. Гессен-Гамбургской связана с деятельностью мужа, она сопровождала его в деловых поездках, а в 1745 году увезла его больного за границу. После его смерти в Берлине 23 октября того же года

она несколько лет жила у своей дочери в Париже, а затем вернулась в Россию. Умерла она 27 ноября 1755 года и погребена в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Надгробная плита на ее могиле установлена братом. Согласно завещанию принадлежавший ей дом в том же 1755 году стал собственностью Бецкого.

Так стоявшие рядом два дома объединялись в одних руках и стали собственностью И. И. Бецкого: один по продаже, другой по завещанию. Но вряд ли Бецкой совершал какие-либо перестройки в домах, так как в 1756 году он опять уехал за границу и вернулся в Россию, как уже отмечалось, только в 1762 году. Этот период жизни Бецкого в Петербурге был ознаменован его быстрым возвышением и особым вниманием к нему императрицы Екатерины II.

И. И. Бецкой не был женат, но в его доме на особо привилегированном положении жила молодая особа по имени Анастасия Ивановна Соколова. История происхождения ее туманна, причудлива и чем-то напоминает историю жизни легендарной княжны Таракановой.

Кем эта Анастасия Ивановна приходилась Бецкому: побочной дочерью или была просто девушкой, взятой на воспитание? Чем она привлекала к себе внимание? Сыграла ли она какую-либо роль в строительстве Бецким нового дома?

Пожалуй, только в одном нет противоречия: все дружно определяют даты ее жизни: 1740–1822.

Современник А. И. Соколовой поэт Я. В. Княжнин сочинил в ее честь стансы:

*Источник жизни, благ податель,
К тебе, о Боже, вопию
И пред тобою, мой создатель
Мою всю душу пропую.*

К ней очень благосклонна, внимательна и ласкова была сама императрица Екатерина II. Она не только выполняла обязанности повивальной бабки при родах Анастасии Ивановны, но и сама давала детям имена. Это особая милость со стороны императрицы.

Иначе характеризовал ее английский посланник в России лорд Мальмебурн Джеймс Гарри (1780-е годы). Он отмечал отличительные особенности Анастасии Ивановны: «Большая уверенность, хитрость и глубокое знание всех петербургских сплетен делают ее разговор интересным»¹⁶. С большой долей презрения пишет о

ней А. Р. Воронцов: «Пресловутая Анастасия, впоследствии ставшая известной под именем Рибас, служила горничной у княгини Голицыной (имеется в виду дочь А. И. Гессен-Гамбургской и Кантемира Смарагда. — *Н. С.*), которая поместила ее у Клерон (французская известная актриса. — *Н. С.*) чтобы сия последняя развивала ее таланты...»¹⁷ Грубовато, но все же с долей восхищения воздает ей должное К. Я. Булгаков, сообщая в одном из писем брату: «Вчера хоронили старуху Рибасову. Ей было 89 лет (преувеличивает. — *Н. С.*), а все еще была бодра, жива и одевалась как шеголиха за 50 лет»¹⁸.

Сведения о ее происхождении столь же разнообразны. Вот одна из версий, изложенная профессором истории и директором императорского кабинета древних медалей и библиотеки в Вене Валентин Жамер Дюваль (1695–1775). Он познакомился с А. И. Соколовой во время ее пребывания за границей, и затем у них завязалась переписка¹⁹. Позже она была опубликована на французском языке.

Биографы И. И. Бецкого, и в частности, П. М. Майков, считали, что тот «фантастический» рассказ, который приводил Дюваль о Соколовой, был почерпнут из ее же слов. Дюваль называет ее «красивой черкешенкой», родившейся в Астраханском царстве на северном берегу Каспийского моря. В раннем детстве ее привезли в Петербург, где она каким-то образом познакомилась с княгиней Е. Д. Голицыной (дочь сестры Бецкого), ей она понравилась, и она взяла ее с собой в Париж. После смерти Голицыной в 1761 году муж покойной Д. М. Голицын и И. И. Бецкой привезли ее в Вену. Там в театре и познакомился с нею Дюваль. Через месяц Анастасия Соколова уехала в Петербург, ей было 20 лет, она обладала, как писал Дюваль, «очаровательной внешностью, прекрасным нравом, она имела счастье быть любимой камерфрейлиной Екатерины II». В период пребывания ее еще за границей Е. Д. Голицына позаботилась о ее светском воспитании и препоручила заботам известной французской актрисы Клерон.

Все, что рассказано о заграничной жизни А. И. Соколовой, соответствует действительности, подтверждается письменными свидетельствами. Единственное, что следует добавить, — это то, что первоначальным воспитанием еще девоч-

ки Соколовой занималась сестра Бецкого А. И. Кантемир-Гессен-Гамбургская, «гений покровитель брата», как ее называл один из биографов Ивана Ивановича.

Другая версия также свидетельствует о том, что А. И. Соколова была лишь воспитанницей И. И. Бецкого. Ее называют дочерью многолетнего художника Соколова, взятой на воспитание (свидетельство И. А. Чистовича).

И, наконец, третья версия, которую можно считать наиболее вероятной. Она изложена в «Некрологии», опубликованной по случаю смерти А. И. Соколовой — де Рибас²⁰ в «Отечественных записках» (1822. Т. 3). Согласно этому свидетельству, А. И. Соколова была побочной дочерью И. И. Бецкого и Екатерины Николаевны Ломан, урожденной Хрущевой. В своем завещании Иван Иванович назначил ей «по смерти» 360 рублей в год без объяснения причин, но автор некролога их поясняет. Итак — дочь, отсюда и особенность положения Анастасии Соколовой в доме Бецкого. Первый ее воспитатель — сестра Бецкого (может быть, она и названа была в ее честь), затем ее дочь — Е. Д. Голицына, после смерти которой в 1761 году Соколова вернулась в Россию и вступила в свою должность камеристки Екатерины II.

В 1776 году Анастасия Соколова стала супругой знаменитого Хосе (Осипа Михайловича) де Рибаса (1749–1800)²¹, сына испанца Мигеля Рибаса и француженки из Пармы Маргариты-Иоанны де Планке. Одни утверждают, что отец де Рибаса был кузнецом, другие приписывают ему знатное происхождение. Но, как бы там ни было, О. М. де Рибас, прибыв в Россию по приглашению Алексея Орлова, сделал много, в том числе и в своей карьере, дослужившись до чина адмирала. Он был воспитателем в Шляхетском корпусе и сына Екатерины II А. Г. Бобринского, он воевал и побеждал, он помогал в похищении княжны Таракановой и основывал Одессу. В память о своем праотце одеситы дали главной улице его имя — Дерибасовская. Он добился особой симпатии к себе И. И. Бецкого и был клеветом Г. А. Потемкина. А. В. Суворов говорил про М. И. Кутузова: «Его и Рибас не проведет», отмечая тем самым особую хитрость этого человека. Он готовился принять участие в заговоре против Павла I, но неожиданно скончался в своей карете. Предпола-

гают, что де Рибас был отравлен. Обо всех успехах, поступках и проступках О. М. де Рибаса теперь можно прочитать в книге И. М. Шкляжа «Тайна адмирала де Рибаса» (1996).

Для нас наиболее существенна та часть его биографии, которая связана с его женитьбой на дочери (воспитаннице) И. И. Бецкого — Анастасии Ивановне Соколовой. Это произошло в 1776 году. Много лет спустя в своем завещании И. И. Бецкий не оставил без внимания и своего зятя — де Рибаса. «В знак благодарности моей за дружбу ко мне, — писал Бецкой, — усердие и за все мне оказанные услуги от Господина Вице-адмирала и Кавалера Осипа Михайловича де Рибаса, отдаю ему в вечное и потомственное его владение, дом мой, стоящий в Большой Миллионной, противу главной Аптеки и на Набережную...»²², то есть дом по Миллионной улице, 11, и Дворцовой набережной, 10, частично купленный у наследников И. Фельтена, частично полученный по наследству от сестры.

Однако О. М. де Рибас недолго владел этим домом. В 1798 году он был вынужден его продать Павлу I за 110 000 рублей. В том же году Павел купил соседний дом (11.3) у капитана П. П. Рогозинского, завершив тем самым объединение трех домов в один большой по современной нумерации 11 по Миллионной улице и 10 по Дворцовой набережной. Дома эти, объединенные и перестроенные в 1799 году по заказу императора архитектором Дж. Кваренги, были преподнесены фаворитке Павла Анне Петровне Лопухиной²³.

Но вернемся к тому времени, когда объединение интересующих нас домов на Миллионной улице только начиналось и собственником их стал И. И. Бецкий.

Прежде всего следует отметить, что это был единственный дом, которым владел и в котором жил Иван Иванович до и после своего окончательного в 1762 году возвращения из зарубежных стран в Россию. Конечно, потребовалась перестройка двух домов в один. Когда и кто этим занимался, нам надо определить. Описание же внешнего вида дома имеется в публикации, подготовленной И. А. Чистовичем, о которой у нас уже шла речь. На странице 154 этой публикации мы читаем, что «Он [Бецкий] *первый* в своем доме, доставшемся ему от сестры Анастасии, во вторичном овдовении проживавшей в нем

(что на Дворцовой площади, ныне Кн. П. Гр. Гагарина), устроил террасу на подобие Семирамидиных висячих садов, прилегавшую к самому кабинету его, и выведенные цыплята гуляли на ней и в кабинете его».

Здесь допущена ошибка: не на площади, а на набережной, все же остальное вполне правдоподобно. Имеется этому и портретное подтверждение: изображение Бецкого сидящим в кабинете, а в руках его рисунок памятника, который им сооружен над могилой сестры в Александроневской лавре.

Иное мнение высказал историк Петербурга П. Н. Петров, которое разделяет современный петербурговед А. А. Иванов. В своей книге «Дома и люди» (1997) он возведение висячего сада в «старом», как его называл сам Бецкой, доме относит ко времени Павла I, когда по его заказу эти апартаменты перестраивались для новой хозяйки архитектором Дж. Кваренги. Довольный император наградил автора крестом Иоанна Иерусалимского.

О перестройке дома, предназначенного для А. П. Лопухиной, упоминал М. Ф. Коршунов в книге «Джакомо Кваренги» (1977). Он писал, что Кваренги возвел неподалеку от дома Н. И. Салтыкова на Дворцовой набережной, 4, им же спроектированный еще один «особняк, перестроив несколько домов, существовавших прежде на этом месте». Здание получилось «обширное, с колоннадой на фасаде и висячим садом со стороны двора». Более того, в книге имеется иллюстрация — чертеж проекта дома Гагарина, выполненный Кваренги. Этим автор подтверждает тот факт, что висячий сад в доме на Миллионной улице, 11, был построен в 1799 году Кваренги²⁴.

Однако наличие рисунка — проекта дома, где как будто бы обозначен висячий сад, ни о чем еще не говорит: это может быть фиксация того, что уже было сделано до перестройки домов по повелению Павла I, а кроме того, Кваренги любил копировать чертежи той или иной постройки. В этом случае в его коллекции мог храниться не только чертеж дома, по которому он перестраивался, но и другой, по которому осуществлялось соединение домов еще при жизни И. И. Бецкого. И самое главное, тот материал, который нам предлагает в своей публикации И. А. Чистович, с упоминанием о наличии сада на Миллионной улице, 11, заимствован из документов и сви-

детельств частных лиц того времени. Это более достоверный материал, и на его основе можно сделать вывод, что висячий сад в доме по Миллионной улице, 11, сооружен в 1760-х годах по воле И. И. Бецкого. Известно, что Екатерина посетила Бецкого в том доме в 1770 году, и вряд ли он мог решиться на то, чтобы принять ее в доме, где строительство было еще не завершено.

И наконец, еще один висячий сад, строительство которого относится ко второй половине XIX века. Это висячий сад в Эрмитаже.

Здание, примыкавшее к Зимнему дворцу и получившее название «Эрмитаж», было построено специально для размещения художественных коллекций, которые Екатерина начиная с 1764 года стала часто и все в большем количестве приобретать. Строительство Эрмитажа началось в 1766 году и окончательно завершилось в 1775 году. Первоначально возводилась та часть здания, которая обращена к Неве (северная), а затем приступили к сооружению корпуса, вернее дома, по Миллионной улице (южная). Оба здания на уровне второго этажа были связаны висячим садом. Авторами проектов являлись два архитектора: северной части дома — Ж. Б. Вален Деламот, южного — Ю. М. Фельтен. М. Ф. Коршунов и другие исследователи творчества Ю. М. Фельтена утверждают, что он имел непосредственное отношение и к проектированию невского фасада здания. Дом возводился в содружестве двух архитекторов, в котором первенствующая роль принадлежит Фельтену. Следует отметить также, что в 1765 году им было разработано специально для строительства Эрмитажа конструктивное основание для возведения висячего сада. Это позволяет говорить о Ю. М. Фельтене, как о пионере и мастере возведения висячих садов²⁵. Отсюда вопрос: мог быть автором висячего сада в доме Бецкого на Миллионной улице, 11, Ю. М. Фельтен? К тому времени имя его было уже известно, он выполнял архитектурные заказы для императорского двора и возводил дома для знати. Более того, сам И. И. Бецкий ценил Фельтена и покровительствовал ему. По его выбору Фельтен был назначен на должность главного архитектора Конторы строений е. и. в. домов и садов, президентом которой являлся Бецкой. По рекомендации Бецкого Фельтен будет назначен ди-

ректором Академии художеств. Фельтен строил здания для Воспитательного дома, для училища мещанских девиц, организатором которых являлся Бецкой, вместе с Бецким Фельтен осуществил надзор за возведением памятника Петру I. Когда Иван Иванович к концу своей жизни перестал быть интересным для Екатерины II, в опале оказался и Ю. М. Фельтен. Он был уволен в 1794 году с должности директора Академии художеств и уходил без всяких наград и благодарностей. Все это свидетельствует о прочной творческой связи Бецкого и Фельтена, об особых их отношениях, построенных на плодотворном сотрудничестве.

Когда пишут о новом доме И. И. Бецкого у Летнего сада, называют разные даты его строительства в течение 70–80-х годов XVIII века и разные имена проектировщиков. Среди авторов упоминают имена В. Деламота, Ю. Фельтена, И. Старова, В. Баженова. При этом каждый исследователь отстаивает авторство «своего» архитектора с учетом хронологии постройки и проводя архитектурный анализ здания.

Весь ход изучения вопроса, знакомство с литературой, обращение к документальному материалу, а также логические размышления и сопоставления позволяют высказать еще одно суждение, возможно, в наибольшей степени отражающее действительность. Мы уже установили, что строился не один, а два дома. Об этом в своем завещании заявлял и сам И. И. Бецкой. Следует обратить внимание, что старый дом Бецкого, соединенный из двух и также выходящий своими фасадами на север и на юг, нигде не рассматривался как два здания. В своем завещании Бецкой говорил о нем, как о доме в единичном экземпляре.

Эти же дома, которые И. И. Бецкой называет «новыми», строились, по моему убеждению, в разное время: то здание, которое стоит на Дворцовой набережной, 2, было построено первым в 70-х (1774–1775), другое, возведенное по линии Миллионной улицы, в 1784–1787 годах.

Начнем с первого. Ко времени его постройки А. И. Соколова была уже в годах, она пережила рубеж 30-летия, и замужество стало необходимостью. К тому же появился подходящий жених, уже знакомый нам О. М. де Рибас, который пришелся Бецкому по душе, он ему покровительствовал, высоко ценил, определил на службу в

Принц П. Г. Ольденбургский в возрасте около 30 лет

Шляхетский кадетский корпус фактически под свое руководство.

Анастасия Ивановна, по всей вероятности, по возвращении в Россию в 1763 году после заграничного образования и воспитания, жила в доме своей покровительницы А. И. Гессен-Гамбургской, а следовательно, и своего воспитателя (отца) И. И. Бецкого. В преддверии свадьбы (а она состоялась в 1776 году) необходимо было иметь отдельное жилье, о чем и позаботился Иван Иванович. На месте снесенного в 1773 году Оперного театра у Летнего сада, на освободившемся участке, пожалованном Екатериной II, как утверждал сам Бецкой, был возведен дом, который на сегодняшний день почти не изменил своего внешнего вида. Вполне вероятно, что его строителем был тот же В. Деламот, который возводил невиский фасад Эрмитажа. Судя по годам постройки дома, Деламот успевал его построить до отъезда за границу.

Второй дом, обращенный фасадом к Марсову полю (Миллионная, д. 1), строился в 1780-х годах, когда Бецкому была предоставлена земля по его прошению совместно с П. А. Соймоновым и А. Р. Воронцовым, представленному в Управу благочиния. К тому времени отношение Екатерины II к Бецкому стало прохладным. А он, как человек гордый, не мог просить императрицу о милости. Он избрал официальный путь и

обратился не только от себя, но и от имени своих, видимо, добрых знакомых в Управу благочиния.

Можно сделать и еще одно предположение, связанное с его здоровьем. Потребность в уходе вызвала необходимость изменить место жительства, и он пристраивает к первому, уже построенному зданию второй дом, той же архитектуры, которая была ему мила, к которой он привык, прожил в ней долгие годы, и главное во всем этом — висячий сад.

К кому ему было естественно обратиться? Конечно, к Ю. М. Фельтену, тем более что в те годы их содружество, и официальное, и личное, продолжалось; Бецкой хорошо знал Фельтена, а тот — знал вкусы своего покровителя.

Авторство И. Е. Старова сомнительно, и не только с точки зрения архитектурного решения нового дома Бецкого. Отношения между Фельтеном и Старовым нельзя было назвать хорошими из-за соревновательного духа их работы в Академии художеств. Вероятно, для того чтобы укрепить там позиции Ю. М. Фельтена, Бецкой добивался его назначения на должность академического директора. Екатерина II со временем изменила свои симпатии: в поле ее зрения попали новые мастера, и им она отдаст предпочтение. Так, по ее инициативе, без вмешательства Бецкого, главным архитектором Комиссии по строительству, все еще возглавлявшейся Иваном Ивановичем, был назначен И. Е. Старов.

Отсюда заключительный штрих. Дом Бецкого на Миллионной, 1, и Дворцовой, 2, возник как два пристроенные друг к другу в разное время здания. Встречающееся в литературе мнение о постройке дома то ли в 70-х, то ли в 80-х годах XVIII века следует трактовать утвердительно, но применительно к одному дому (по набережной) это 1770-е, применительно к другому дому (по Миллионной улице) — 1780-е годы. Отсюда и двойное авторство. Один, более ранний, дом построен В. Деламотом, другой, более поздний, — Ю. Фельтеном. Повторилось содружество, возникшее в период строительства Эрмитажа, что вполне естественно, особенно при учете положительного отношения Бецкого к этим зодчим.

Первый из этих домов строился для молодой четы — А. И. Соколовой и О. М. де Рибаса, которые вступили в супружество, как уже говорилось,

в 1776 году. Второй — возводился в связи с предполагаемым переездом туда И. И. Бецкого уже в конце жизни, и вызвано это было состоянием его здоровья.

Дальнейшая судьба дома: О. М. де Рибас умер в 1800 году, Анастасия Ивановна — в 1822 году. По ее завещанию первый дом по Дворцовой набережной перешел одной из дочерей де Рибаса Екатерине и ее мужу, петербургскому обер-полицейскому Ивану Савичу Гоголю;

другой — по Миллионной улице — второй дочери, Софии, супруге М. М. Долгорукого, кстати, деда известной княгини Юрьевской, морганатической супруги императора Александра II. Но уже вскоре, в 1830 году, оба дома от наследников И. И. Бецкого перешли принцу П. Г. Ольденбургскому. Дома опять перестраивались. Во время перестройки, которую осуществлял архитектор В. И. Стасов, на месте висячего сада был построен Белый зал, и

к 1841 году дом приобрел тот вид, который он имеет и сейчас.

Уже в 1920-х годах часть помещений была передана молодому тогда Коммунистическому политико-просветительному институту имени Н. К. Крупской. Затем весь дом стал жилым, а в 1960-х годах он вновь был передан студентам того же института, но назывался уже Ленинградским институтом культуры. Ныне это Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств.

¹ Приванов В. Улица Халтурина // Блокнот агитатора. 1986. № 1. С. 43.

² Измозик В. С. Пешком по Миллионной. СПб., 2001. С. 10.

³ Краснова Е. И. Источники для изучения домовладения Санкт-Петербурга // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург — 2003». СПб., 1996. С. 215.

⁴ Роспись домов Санкт-Петербурга. Конец XVIII века // ОР РНБ. О. IV. 56.

⁵ Здесь приводится старая нумерация домов, которая сохранялась еще в XIX веке. Изменения в номерах домов — длительный процесс, объяснения которого не требует замысел статьи, поэтому будет использоваться нумерация, действующая в настоящее время.

⁶ Баженова Е. М. Дом И. И. Бецкого на Марсовом поле (Дворцовая набережная, 2) // Ленинград весь на ладони: Информ. изд. о культур. жизни города. 1991. № 1 (2). С. 28.

⁷ Указывается не вся литература о И. И. Бецком: Майков П. М. Иван Иванович Бецкой и его система воспитания. СПб., 1904; И. И. Бецкой и его система воспитания: (Отзыв А. С. Лаппо-Данилевского о сочинении П. М. Майкова: Иван Иванович Бецкой. Опыт биографии). СПб., 1904. С. 61; Пятковский А. П. Замечательные русские деятели. Иван Иванович Бецкой: (Ист.-биогр. очерк) // Дело. СПб., 1867. № 4. С. 287, 308; Ерошкина А. М. Деятели эпохи просвещенного абсолютизма И. И. Бецкой. — и другие.

⁸ Материалы об Иване Ивановиче Бецком. Сообщены И. А. Чизовичем из бумаг походного семинара д.т.с. Ивана Савича Гоголя // Чтения в ИОИДР при Московском университете. 1863. Кн. IV. С. 151—156.

⁹ Например, письмо к П. А. Зубову от 9 февраля 1793 года: «...и осмелюсь сим спросить Вас, не прогневал ли я чем всемилостивую государыню мою?..». См.: Материалы об Иване Ивановиче Бецком... С. 99.

¹⁰ Завещание от главного попечителя Бецкого, воспитательного дома почтенному Санкт-Петербургскому Опекунному совету... С. 148.

¹¹ Пятковский А. П. Указ. соч., говорит о трех домах, принадлежавших И. И. Бецкому // Дело. СПб., 1867. № 5. С. 195.

¹² ЦГАОА. Ф. 285. Оп. 1. Л. 97—98, 405 (1754 год).

¹³ См.: Русский биографический словарь. М., 1916; Статс-дамы и фрейлины русского двора в XVIII века // Русская старина. 1870. Т. II. С. 487; Майков П. М. Указ. соч.; Пятковский А. П. Указ. соч. и др.

¹⁴ В литературе допускается ошибка: Анастасию Ивановну называют Екатериной и датой смерти указывают 1761 г. Это имя и год кончины ее дочери Смарагды.

¹⁵ Санкт-Петерб. ведомости. 1738. 26 янв. № 8. С. 62.

¹⁶ Лорд Мальсбюри о России в царствование Екатерины II. 1781—1783 годы // Русский архив. 1874. Кн. 2. С. 763.

¹⁷ Записки гр. Александра Романовича Воронцова // Русский архив. 1883. Ч. 3. С. 280.

¹⁸ Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу // Русский архив. 1903. № 3. С. 308.

¹⁹ Казнаков Ст. Дочь Бецкого и философ Дюваль // Старые годы. 1916. Окт.—дек.

²⁰ Некрология // Отеч. зап. 1822. Т. 3; Русская старина. 1875. Т. XIV. С. 222—224.

²¹ Шкляж И. М. Тайна адмирала де Рибаса. Одесса, 1996. С. 135; Биографии де Рибаса, Ришелье и Воронцова / Сост. В. А. Яковлев. Одесса, 1894. С. 31.

²² Завещание... С. 149.

²³ Это дом, который после смерти А. П. Лопухиной перешел ее супругу П. Г. Гагарину и уже в XIX в. был известен не как дом Бецкого или Рибаса, а назывался Гагаринским, а затем по имени новой хозяйки дочери Лопухиной и Гагарина Жеребцовой.

²⁴ Коршунов М. Ф. Джакомо Кваренги. Л., 1977. С. 66—67.

²⁵ Коршунова М. Ф. Юрий Фельтен. Л., 1988. С. 139.

Троицкий мост

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ)

В. Е. Павлов

Троицкий мост через Неву, открытый в мае 1903 года, оброс разного рода легендами. Одна из них — мост якобы строился в ознаменование 200-летия Санкт-Петербурга как подарок городу от Франции, с которой еще император Александр III пошел на сближение в противовес Германии и Австро-Венгрии и которая при императоре Николае II поддерживала Россию на дипломатическом фронте. В этом утверждении сразу две ошибки: Троицкий мост, как первоначально планировалось, должен был вступить в строй в 1901 году (а не к 200-летию города), и мост — совсем не подарок городу, так как французская фирма «Батиньоль»¹, строившая мост, получила за него солидный куш.

Но изложим вначале факты предыстории Троицкого моста, имевшие место в действительности (история моста началась после его открытия, и ей уже сто лет).

В 1803 году от Летнего сада к домику Петра Великого был наведен плашкоутный мост через Неву — Петербургский мост (он напоминал такой же мост, который под названием Исаакиевский² давно действовал ниже по Неве, связывая центр города с Васильевским островом). Петербургский наплавной мост простоял 20 лет и полностью пришел в негодность. Вот почему в 1824 году началась перестройка моста и подходов к нему. Проект нового плашкоутного моста создал знаменитый инженер П. П. Базен, только-только ставший директором Института корпуса инженеров путей сообщения и возглавивший после А. А. Бетанкура Комитет для строительных и гидравлических работ.

Базен прибыл на русскую службу из Франции в 1810 году. В проекти-

ровании моста Базену помогали инженеры А. П. Зуев и В. П. Лебедев. Проект моста учитывал изменения, произошедшие у Марсова поля — в 1818 году по проекту Карла Росси у Невы была устроена площадь, в центре которой поставили памятник А. В. Суворову (скульптор М. И. Козловский), перенесенный из глубины Марсова поля, где он стоял с 1801 года. Эта площадь, существующая до сих пор, называется Суворовской. Вот только памятнику не повезло: он с двух сторон опутан линиями трамвайных путей, которые недопустимо близко к памятнику проложили в конце 2002 года.

Новый мост, открытый в 1827 году, соединил Суворовскую и Троицкую площади. Это был самый длинный в Петербурге плашкоутный мост (более 500 м), который первое время называли Суворовским, а позднее — Троицким.

Этот мост простоял до 1893 года, а затем был перемещен ниже по течению Невы, освободив место строительству постоянного моста, и установлен на оси «Мраморный переулок — Заячий остров» (конные экипажи и пешеходы по этому мосту направлялись через территорию Петропавловской крепости и деревянный мост через Кронверкский проток на Петроградскую сторону в районе нынешнего Ортопедического института). Мост на новом месте простоял до 1903 года, а потом был полностью разобран³.

Троицкий наплавной мост, требовавший частого ремонта, задерживавший, иногда надолго, корабли, следовавшие по Неве, не устраивал быстро развивавшийся город. Двух постоянных мостов через Неву — Благовещенского, открытого в 1850 году, и

Литейного, открытого в 1879 году, было уже недостаточно, а Исаакиевский мост часто из-за сильного ветра и нагонной волны закрывался. В связи с этим 9 октября 1891 года Городская дума, рассматривая многочисленные обращения горожан и учебных заведений, приняла решение о строительстве постоянного Троицкого моста через Неву и объявила международный конкурс на его проектирование. Через полгода в Думу поступило 16 проектов. Конкурсная комиссия отдала предпочтение проекту известного французского инженера Александра Эйфеля (Эйфелеву башню в Париже, открытую в 1889 году, изучала российская делегация, присутствовавшая на Всемирной промышленной выставке, причем Эйфеля от имени делегации приветствовал знаменитый мостостроитель России, инженер путей сообщения Н. А. Беллюбский⁴). Этот проект, удостоенный первой премии в сумме 6 тысяч рублей, Городская дума приобрела для города, но дальнейшее продвижение этого проекта было приостановлено.

В 1896 году Городская дума объявила второй конкурс, на который были представлены три проекта, в том числе проект фирмы «Батиньоль», не рассматривавшийся на первом конкурсе. Этот проект (со сметой в 5 млн. 200 тысяч руб.) был одобрен Городской думой в феврале 1897 года и 5 июня был утвержден Николаем II⁵.

Представляет интерес информация, помещенная в журнале «Всемирная иллюстрация» (1880. Янв. — февр. С. 131) под названием «Третий постоянный мост через Неву». В ней говорится о проекте, представленном в Городскую думу Санкт-Петербурга французской фирмой «Эрнест Гун»

из Парижа. «Мост этот – арочной системы и состоит из пяти пролетов и одной поворотной части, представляющей для судоходства два прохода по десять саженей каждый. Проект этот отличается своей наружной изящностью и относительной легкостью сооружения. Опытность и солидность фирмы Эрнест Гуэн известна не только в Европе, но и у нас в России. Так, ею возведены все главные мостовые сооружения на Варшавско-Петербургской железной дороге, а также через Волгу – на Рыбинско-Бологовской». Видимо, о необходимости нового постоянного моста через Неву в Городской думе стали вести разговоры уже сразу после открытия Литейного моста, и в 1879 году, опережая события, проект моста, подготовленный французской фирмой, уже был готов. Именно этот проект «по странному обстоятельству» не был выдвинут на первый конкурс, а представлен был только на втором конкурсе. «Странные обстоятельства» – это идея некоторой части думцев, связанных с российскими предпринимателями, не допустить иностранцев к борьбе за выгодный заказ (об этом можно узнать из брошюры инженера Г. Ф. Романовского «О Троицком мосте», изданной в Санкт-Петербурге в 1894 году). И только беспристрастная техническая экспертиза проекта, проведенная известными российскими инженерами путей сообщения с участием архитекторов (среди которых были выдающиеся мостостроители Л. Ф. Николаи, Н. А. Белелобский и крупный архитектор И. С. Китнер), открыла дорогу французскому проекту.

Утверждение проекта фирмы «Батиньоль», видимо, объяснить можно и тем, что для его осуществления требовалось значительно меньше металла, и поэтому смета расходов была существенно меньше по сравнению с проектом Эйфеля. Правда, точных сравнительных данных найти не удалось.

12 августа 1897 года была проведена закладка моста. На торжественной церемонии присутствовали император Николай II и президент Французской республики Ф. Фор. Они, в присутствии многих зрителей, заложили по золотой монете в береговое основание моста со стороны Суворовской площади.

Как известно, в 1896 году император Николай II побывал в Париже, где принял участие в закладке моста «Александр III» через Сену (проект французских архитекторов Резаля и

Альба). Ответным был приезд президента Франции Ф. Фор на закладку Троицкого моста.

Ф. Фор посетил в Санкт-Петербурге Французское благотворительное общество, располагавшееся на Васильевском острове, и участвовал в закладке больницы для неимущих на территории общества, которая была открыта в 1901 году⁶.

Так, летом 1897 года началась работа по сооружению моста, вокруг которого в будущем стали развиваться необычные события.

Строительство Троицкого моста возглавил инженер И. А. Ландау, помощником которого был назначен инженер А. Флаше. Они были сотрудниками фирмы «Батиньоль» и основными авторами проекта моста.

Иван Августович Ландау (1855–1929) родился в Варшаве, позже стал

подданным Франции. Инженер, сотрудник конструкторского бюро французского строительного общества «Батиньоль», Ландау приехал в Россию в связи с подготовкой международного конкурса на проект постоянного Троицкого моста через Неву в Санкт-Петербурге. Фамилия его произносилась Ландо. Звали его Иваном Густавовичем, так как отец его был Густав Ландо. В России его стали называть на русский манер – Иван Августович Ландау⁷.

В 1894 году он переехал в Петербург, оставаясь сотрудником фирмы «Батиньоль». Видимо, руководство фирмы уже тогда рассчитывало на утверждение своего проекта, который явно готовился к конкурсу, но по каким-то причинам первоначально на конкурс не был выставлен (может быть, оттого, что конкурировать со

Вид на Петропавловскую крепость от разводного Троицкого моста. Современная фотография

строительной фирмой Эйфеля было не так-то просто.

В строительстве моста под началом И. А. Ландау приняли участие французские инженеры А. Флаше, М. Бернар, Е. Бонневе, Л. де Лонги и российские инженеры путей сообщения С. Н. Смирнов, В. П. Волков, Е. Д. Герценштейн.

И. А. Ландау еще в 1894 году получил официальную доверенность директоров общества Жюля Эдуарда Гуэна (сына основателя компании) и Пьера-Эрнеста Фуке на ведение всех юридических, финансовых, организационных и строительных дел по сооружению постоянного Троицкого моста, заверенную парижским нотариусом и министром иностранных дел Франции. Таким образом, главный инженер строительства Троицкого моста И. А. Ландау обладал всеми полномочиями, чтобы организовать сооружение уникального мостового перехода через Неву. Должность его официально именовалась так: уполномоченный представитель общества «Батиньоль». На всей рабочей технической документации по Троицкому мосту (более 30 папок с чертежами) стоит подпись Ландау⁸.

Городская дума создала исполнительную комиссию по возведению крупного инженерного сооружения и инспекцию технического надзора за строительством моста. В комиссию под председательством военного инженера генерал-лейтенанта А. И. Глуховского вошли крупные специалисты: инженеры путей сообщения Л. Ф. Николаи, Н. Б. Богуславский, Ф. Б. Зброжек и Г. Н. Соловьев, а также инженеры Н. А. Архангельский, Л. И. Новиков и А. П. Веретенников. В инспекцию вошли инженеры путей сообщения В. А. Берс и А. П. Пшеницкий, а также профессор Николаевской инженерной академии Г. Г. Кривошеин. Главным консультантом по всем техническим вопросам с российской стороны стал профессор Петербургского института инженеров путей сообщения Н. А. Белелюбский.

Исполнительная комиссия, тщательно изучив проект, внесла в него ряд изменений, с которыми авторы проекта согласились. В результате некоторой переработки проекта появилась гранитная эстакада, соединившая правый берег Невы с металлической частью моста (автор Г. Г. Кривошеин, архитектор В. П. Апышков).

Архитектурная отделка моста была выполнена французскими спе-

циалистами В. Шабролем и Р. Патульяром (они впоследствии были награждены за строительство Троицкого моста орденом Почетного легиона)⁹. Специальная комиссия Академии художеств – Р. А. Гедике, председатель, архитекторы Л. Н. Бенуа, А. Н. Померанцев, Г. И. Котов, М. П. Боткин (художник) и М. А. Чижев (скульптор), одобрила отделку моста, в том числе ростральные колонны-obelisks при въезде на мост. Каждая колонна – гранитный пьедестал и четырехгранный пирамидальный obelisk, украшенный с четырех сторон у основания рострами, поддерживавшими арматуру с круглыми светильниками. Каждый obelisk завершался фигурой двуглавого орла с распростертыми крыльями. Obelisks были сооружены из двух сортов гранита, отличавшихся обработкой и цветом, а пьедесталы – из розового гранита, завершения – из красного гранита, ростры кораблей – из патинованной бронзы (ростры отлиты по модели эстонского скульптора Амандуса Генриха Адамсона, автора скульптурного декора магазина Елисеевых, открытого в 1903 году – аллегорических фигур Промышленности, Торговли, Искусства и Науки, установленных на фасаде торгового дома).

На пьедесталах obelisks были установлены бронзовые мемориальные доски с нанесенными на них текстами, посвященными участникам строительства моста и другим событиям, связанным с закладкой и окончанием сооружения моста.

Вот их текст.

На левом obeliske: «Троицкий мост заложен 12 августа 1897 г. в память 25-летия бракосочетания Государя Императора Александра III и Государыни Императрицы Марии Федоровны, в третье лето благополучного царствования Государя Императора Николая II, в присутствии Императорских Величеств, Президента Французской республики Феликса Фора, Членов Императорской семьи, Представителей Иностранных Государств, Представителей Правительственных Учреждений и Городского Общественного Управления в бытность Министром Внутренних дел И. А. Горемыкина, Градоначальником Н. В. Клейгельса, Городским Головою В. А. Ратькова-Рожнова, Председателями подготовительных комиссий: П. П. Дурново и Ф. И. Жербина».

На левом obeliske сбоку: «От города технический надзор за построй-

кою моста имели старший инспектор Б. А. Берс, инспекторы: В. А. Сокольский, Г. Г. Кривошеин, А. П. Становой и А. П. Пшеницкий».

На правом obeliske: «Троицкий мост окончен в 1903 году в девятое лето благополучного царствования Государя Императора Николая II, в бытность Министра Внутренних дел В. К. Плеве, Градоначальником Н. В. Клейгельса, Городским Головою П. И. Лелянова, товарищем его С. А. Тарасова и членами Управы М. А. Аничкова, А. Н. Бутова, М. Ф. Еремеева, И. Т. Крюкова, И. П. Медведева, В. С. Петрова и В. А. Тройницкого. Постройка моста и составление проектов производились под руководством Исполнительной комиссии: председателя А. И. Глуховского и членов А. А. Архангельского, А. П. Веретенникова, П. Н. Казина, И. В. Клименко, Ф. Б. Нагеля, А. И. Кокшарова, А. Г. Редько, М. Ф. Андерсина и П. А. Лихачева, представителя от Министерства Внутренних дел Л. И. Новакова и представителей от Министерства Путей Сообщения Л. Ф. Николаи, Ф. Г. Зброжека, Н. Б. Богуславского, А. Б. Бернгарда и Г. Н. Соловьева при участии Комиссии от Императорской Академии Художеств под председательством Р. А. Гедике из членов Л. Н. Бенуа, А. Н. Померанцева, М. П. Боткина, Г. И. Котова и М. А. Чижева.

Металлическая часть моста с каменными опорами длиной 225 сажен построена французским строительным Обществом «Батиньоль» по проекту, им же составленному, при председателе Общества Ю. Гуэне и администраторах Е. Фуке и Л. Гальере. Каменная часть моста длиной 38 сажен построена А. Симоновым и Е. Кнорре по проекту Г. Г. Кривошеина».

На правом obeliske сбоку:

«Постройка моста русскими рабочими и из русских материалов производилась строительным Обществом «Батиньоль» при председателе Ю. Гуэне и администраторах Е. Фуке и Л. Гальере. От Общества «Батиньоль» состояли: строитель моста инженер А. Флаше, инженер-консультант инженер путей сообщения, профессор, тайный советник Н. А. Белелюбский, представитель Общества инженер И. А. Ландау, производители работ: Е. Бонневе, Л. де Лонги, М. Бернар и инженеры путей сообщения С. Н. Смирнов, В. П. Волков и Е. Д. Герценштейн» (из «Альбома работ по постройке постоянного через р. Большую Неву Троицкого моста,

дамбы и набережных между Кронверкским и Сампсониевским мостами», 1897–1903, Санкт-Петербург).

Пятипролетная постоянная часть моста, двухрукавный разводной пролет у левого берега Невы и трехпролетная гранитная эстакада у правого берега к маю 1903 года были готовы.

В соответствии с договором между городом и фирмой «Батиньоль» строительство велось русскими рабочими из отечественных материалов и должно было завершиться в 1901 году. В эти сроки фирма не уложилась и вынуждена была выплатить городской казне 150 тысяч рублей штрафа. Таким образом, затраты городского бюджета на строительство моста составили 5 млн. 50 тысяч рублей. Так что о подарке городу к 200-летию говорить не приходится.

К открытию Троицкого моста была изготовлена специальная памятная медаль. На лицевой стороне медали были изображения в профиль императоров Александра III и Николая II, а

между ними — императрицы Марии Федоровны. На обратной стороне — в центре: Троицкий мост и часть набережной; сверху надпись: Троицкий мост через р. Неву сооружен в память 25-летия бракосочетания императора Александра III и императрицы Марии Федоровны; внизу: заложен — 1897 г., окончен — 1903 г.

Открытие готового моста решили приурочить к празднованию 200-летия города — 16 мая 1903 года. На торжественной церемонии присутствовали император Николай II с супругой и вдовствующей императрицей. Городской голова П. И. Лебянов поднес императору и его матери бархатную подушечку с кнопкой, включавшей разводной механизм моста. Мост был вначале разведен, но через несколько минут (после нажатия кнопки) был сведен под громкие возгласы «ура!». По новому мосту прошла процессия с иконой Христа Спасителя. Церемония сопровождалась пушечным салютом из Петропавловской крепости и

колокольным звоном городских храмов. Так утром 16 мая началось празднование 200-летия города.

Инженер путей сообщения А. Л. Пунин, знаток архитектуры мостов, отметил удивительные особенности Троицкого моста: «Пролеты моста плавно увеличиваются к середине реки. Это не только удобно для судоходства, но и весьма экономично: чем глубже река, тем реже расставлены дорогие опоры. Вместе с тем, такой ритм пролетов создает своеобразную иллюзию нарастающего движения архитектурных масс. Когда смотришь на мост, особенно в туманный, пасмурный день, — а такие дни в Ленинграде не редки, — то кажется, что мост стремительно и энергично перебрасывается с одного берега на другой, упруго отталкиваясь от опор. Это ощущение еще более усиливается оттого, что его крайние пролеты сделаны в виде массивных гранитных арок; их небольшие размеры и овальные очертания, напоминающие мосты XVIII века, красиво оттеняют, подчеркивают изящество металлических конструкций. В облике моста были в полной мере выявлены огромные художественные возможности такого материала, как сталь. Это сооружение — один из лучших памятников «века металла» в архитектуре мостов»¹⁰.

Одновременно со строительством моста производилась постройка гранитных набережных, которые соединили Троицкий, Иоанновский и Сампсониевский мосты. По проектам талантливого инженера путей сообщения Ф. Зброжека (с участием архитектора Л. Новикова) были сооружены Петровская, Кронверкская и Петроградская набережные.

Петровская набережная (протяженностью 780 м) расположена на правом берегу Невы, от истока Большой Невки до Троицкого моста. Высокая гранитная стенка на свайном основании сооружена в 1901–1903 годах. Напротив домика Петра I по проекту Л. Беуда с участием Зброжека был устроен парадный гранитный спуск к Неве, украшенный изящными каменными мифическими львов «ши-цза», доставленных из Маньчжурии.

Кронверкская набережная, расположенная на правом берегу Невы — между Троицким и Иоанновским мостами (протяженностью 268 м), была создана в те же годы.

Петроградская набережная (протяженностью 1462 м) расположена на

левом берегу Большой Невки — от начала реки до деревянного Аптекарского моста. В начале была воздвигнута гранитная стенка от истока Большой Невки до Сампсониевского моста (и только в 1966–1968 годах она была продолжена до Гренадерского моста). Эти работы проводились Восточно-Финляндским гранитным акционерным обществом под руководством инженера А. А. Смирнова, а позже — инженером Е. К. Кнорре. Весь комплекс работ был завершен только в 1907 году.

История Троицкого моста изобилует многими событиями, отражавшими изменения в жизни России и города в течение всего XX века.

В 1903 году по Троицкому мосту пошла «конка». Конно-железная дорога связала Михайловскую площадь с Петроградской стороной. Но уже в 1908 году по двухпутной линии по Троицкому мосту началось движение трамваев (сразу три маршрута)¹¹.

В октябре 1918 года Троицкий мост получил новое официальное название — мост Равенства, но еще долго жители Ленинграда называли его Троицким.

В 1935 году мост стал называться Кировским, через 57 лет — 4 октября 1991 года — мосту было возвращено историческое название: Троицкий мост. Как ни странно, к этому названию все быстро привыкли, и старое название в разговорах уже почти не встречается.

В 1935 году у въезда на Троицкий мост были сняты мемориальные доски, много лет знакомившие жителей города и туристов с инженерами, трудом которых было возведено это великолепное сооружение — через Неву был переброшен мост, покоровший всех своей изящностью и легкостью.

На месте досок, к которым горожане привыкли и считали достоянием города, появились новые письмена. На левом обелиске — «По просьбе трудящихся Ленинграда, в память С. М. Кирова, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства, руководителя ленинградских большевиков — этот мост 15 декабря 1934 года назван Кировским». На правом обелиске — «Кировский (бывший Троицкий) мост заложен 12 августа 1897 года и торжественно открыт 16 мая 1903 года в день празднования двухсотлетия Петербурга. Мост строился под руководством видных деятелей русской техники и архитектуры: Л. Н. Бенуа, М. П. Ботки-

на, Р. А. Гедике, Г. И. Котова, Ф. Г. Зброжека, Л. Ф. Николаи, А. Н. Померанцева, А. А. Симонова, А. О. Томилина, М. А. Чижова и др.».

Вот так Троицкий мост стал ареной наступления новой идеологии на исторические события прошлого, что привело к искажению фактической стороны сооружения третьего постоянного моста через Неву.

Много лет понадобилось внучке И. А. Ландау — Симоне Густавовне, исследовавшей много фактического документов в архивах и исторической литературе (см. журнал «Звезда». 1999. № 8; 2001. № 12), чтобы обратиться к мэру Санкт-Петербурга А. А. Собчаку с просьбой — восстановить на Троицком мосту мемориальные доски, уничтоженные и бесследно исчезнувшие в советское время.

По решению А. А. Собчака была образована специальная комиссия, которая обратилась к Институту инженеров железнодорожного транспорта с просьбой рассмотреть этот вопрос и дать свои предложения. Ученый совет института принял положительное решение и 7 апреля 1992 года направил мэру города письмо следующего содержания:

«Существующая на Троицком мосту мемориальная доска, установленная после его переименования 15.12.1935 г. в Кировский, не отражает фактическую историю его создания и дает одностороннюю и неполную информацию об инженерах и архитекторах, внесших выдающийся вклад в проектирование и строительство одного из красивейших мостов города. Так, наряду с большой группой русских специалистов, частично указанных на существующей доске, в создании Троицкого моста особое место занимают инженеры и архитекторы французского строительного общества «Батиньоль», победившего на объявленном в 1890-х годах Городской думой С.-Петербурга открытом конкурсе на лучший проект (а также право строительства) будущего Троицкого моста, ввод в эксплуатацию которого был приурочен к празднованию 200-летия С.-Петербурга.

Среди этих инженеров и архитекторов — авторы проекта Шаброль и Патульяр, руководители строительства А. Флаше, И. А. Ландау и другие французские специалисты. На существующей доске не указаны также известные русские ученые и инженеры, игравшие важную роль в строительстве моста, в частности, круп-

ный инженер путей сообщения, профессор Н. А. Белелюбский...»

Текст мемориальной доски, реконструированный для изготовления:

«Мост сдан в эксплуатацию в 1903 году в дни празднования 200-летия С.-Петербурга. Построен по проекту французского Общества «Батиньоль». Значительный вклад в проектирование и строительство моста внесли французские и русские инженеры и архитекторы: Шаброль, Патульяр, А. Флаше, И. А. Ландау, Г. Г. Кривошеин, Е. Бонневе, Л. де Лонги, М. Бернар, С. Н. Смирнов, В. П. Волков, Е. Д. Герценштейн, А. П. Пшеницкий, Г. Н. Соловьев, Л. Ф. Николаи, Ф. Г. Зброжек, Р. А. Гедике, Л. Н. Бенда, М. П. Боткин, Г. И. Котов, А. Н. Померанцев, М. А. Чижов. Консультантом общества «Батиньоль» являлся Н. А. Белелюбский».

Однако Госинспекция по охране памятников Санкт-Петербурга только в середине 1993 года сочла возможным подготовить новые памятные доски (о чем сообщили Симоне Густавовне)¹².

25 июля 1994 года при участии мэра Санкт-Петербурга А. А. Собчака, представителей фирмы «СПИ Батиньоль» и французского консульства, инженерной и архитектурной обществности города в торжественной обстановке прошла церемония открытия воссозданных мемориальных досок Троицкого моста, изготовленных за счет средств фирмы «СПИ Батиньоль»¹³. (На церемонии присутствовали С. Г. Ландау, внучка И. А. Ландау, и его правнук С. А. Ландау.)

Тяжелый урон мосту нанесла блокада Ленинграда. В 1942 году в пролет моста попала немецкая авиабомба, рядом с мостом упал немецкий «мессершмитт». Мост вынуждены были закрыть, и только летом 1944 года восстановленный мост открыли, по нему началось движение — пошел трамвай, пошли пешеходы и началось движение автомашин.

В 1964 году заработал обновленный глубоководный Волго-Балтийский путь, возникла необходимость увеличить ширину разводных пролетов моста, ограничивавшую пропуск крупных судов.

В 1965–1967 годах реконструкция левобережной части моста со значительным увеличением судоходного габарита была проведена по проекту инженера путей сообщения Г. М. Степнова с участием архитектора Ю. И. Синецы¹⁴. Новое разводное

крыло теперь стало поворачиваться вокруг горизонтальной оси, и разводной пролет стал более широким (43 метра вместо 22,8 м).

Одновременно были расширены тротуары, а вдоль парапетов установили гранитные скамьи, появились новые гранитные спуски к Неве с площадками (излюбленное место отдыхающих горожан и туристов).

В 1977 году удалось расширить проезжую часть моста (интенсивное движение автотранспорта и трамвая потребовало производства этих работ).

Летом 1991 года была заменена гидроизоляция проезжей части моста от поверхностных вод с применением долговечного полиуретана вместо рубероида.

В октябре 2001 года началась капитальная реконструкция моста. Мост давно уже работал на износ. Ежедневно по мосту проезжали 62 тысячи автомобилей, автобусов и трамваев. Такую нагрузку могло выдержать только обновленное и усиленное мостовое сооружение.

В декабре 2002 года, когда были закончены основные работы, задерживавшие проезд транспорта, мост был открыт в присутствии губернатора Санкт-Петербурга В. А. Яковлева и

многих специалистов, участвовавших в реконструкции моста. За время реконструкции (14 месяцев) были восстановлены опорные части моста, заменены десятки тонн сгнивших металлоконструкций пролетных строений, обновлены системы водоотвода и гидроизоляции на русловой и эстакадной частях. Выполнен комплекс работ по реконструкции механизмов разводки, установлена система автоматического управления разводным пролетом. Реконструирована каменная облицовка береговых и русловых опор, полностью заменено дорожное покрытие проезжей части и тротуаров. Отреставрированы опоры трамвайной контактной сети, выполненные из литого чугуна в общей декоративной традиции Троицкого моста. Произведен монтаж трамвайных путей — укладка рельсов по современной технологии.

Одновременно с реконструкцией моста шла работа по реконструкции подходов к мосту — на Суворовской площади, на участке Каменноостровского проспекта от Троицкого моста до Кронверкского проспекта, заново построен Иоанновский мост, ведущий в Петропавловскую крепость, обновлены проезд вдоль Лебяжьей канавки от р. Мойки до набережной Куту-

зова и участок Садовой улицы от Инженерной улицы до Садового моста через Мойку¹⁵.

С января 2003 года продолжались работы, не препятствовавшие движению транспорта, — замена декора моста. По архивным чертежам и рисункам были восстановлены элементы декора, снятые с Троицкого моста еще в начале XX века. На гранитные обелиски, установленные со стороны Суворовской площади, возвращены позолоченные гербы и короны. Установлены 24 малых и 12 больших канделябров — литые чугунные столбы, украшенные вензелями, лепестками, бутонами. Восстановлено чугунное перильное ограждение моста. Обновленный Троицкий мост (общая длина моста — 582 метра, ширина — 24 метра) обрел свою первозданную молодость и будет долго служить городу.

Судоостроительное предприятие «Адмиралтейские верфи» 22 февраля 2003 года спустило на воды Невы новый нефтеналивной танкер для «Севкомфлота» России, имя которого «Троицкий мост»¹⁶. Будем надеяться, что это имя станет известным многим жителям нашей планеты и вызовет интерес к уникальному транспортно-му сооружению Санкт-Петербурга.

¹ Фирма «Батиньоль» основана в 1846 г. (первое название фирмы «Эрнест Гуэн и компания» было заменено в 1871 г. на другое — «Строительное общество Батиньоль» (Батиньоль — квартал в Париже, где обосновалась штаб-квартира общества). Эта фирма существует и по сей день под названием «СПИ Батиньоль» после слияния в 1968 г. с парижской фирмой электрической промышленности (Spie). Специалисты фирмы участвовали в прокладке тоннеля под Ла-Маншем, связавшего железной дорогой Францию и Англию (Ландау С. Мост в тумане: Страницы воспоминаний. СПб., 1996).

² Первый Исаакиевский мост длиной 298 м и шириной 8,5 м был навешен по указу императрицы Екатерины I бомбардир-лейтенантом Пальчиковым, но осенью шторм разрушил его, поэтому в 1733 г. пришлось возвести третий мост, который строил «ластовых судов мастер» Соловьев. Поперек Невы установили заякоренные плашкоуты, а между ними деревянные балки, поперечины и настил из досок. Чтобы пропускать суда, устроили разводные пролеты в двадцати метрах от каждого берега (их поднимали вручную, вращая специальные валы-бараны). На въездах поставили караульные мосты и до 1754 г. брали «мостовой сбор» с каждого пешехода и с каждой повозки. Мост несколько раз обновлялся, но был слабо устойчивым, особенно при большом волнении на реке. Поэтому в 1821 г. был открыт новый наплавной мост, но с каменными береговыми устоями, тротуарами, керосиновыми фонарями. Сооружен мостовой переход был по проекту знаменитого инженера А. Бетанкура, который в то время возглавлял Комитет для строений и гидравлических работ. В 1916 г. этот плашкоутный мост, перемещенный несколько ниже по Неве, сгорел (Михайличенко Б. Мост для Алексашки // Веч. Петербург. 1997. 26 сент.).

³ Антонов Б. И. Мосты Санкт-Петербурга. СПб., 2002.

⁴ Николай Аполлонович Белелюбский окончил Институт инженеров путей сообщения в 1867 г. К 1917 г. он обладал непререкаемым авторитетом в инженерных кругах. Он был кавалером восьми орденов (российских и зарубежных), в течение 25 лет был членом Инженерного совета Министерства путей сообщения, действительным членом Академии художеств, членом императорского Российского технического общества, членом комиссии по организации Политехнического института в Петербурге, членом Комитета по устройству Музея изящных искусств имени Александра III (Русского музея), членом Французского общества гражданских инженеров, почетным членом Бетонного института в Англии, почетным доктором технических наук Высшей технической школы Германии, президентом Международного общества испытания материалов. По проектам Н. А. Белелюбского в России было построено более 100 железнодорожных мостов, по его инициативе в России началось производство отечественного цемента (Косова Н. Е. Н. А. Белелюбский, его научное и инженерное наследие (1845–1922) // Проблемы культурного наследия в области инженерной деятельности. М., 2001. Вып. 2.

⁵ Бунин М. С. Мосты Ленинграда. Л., 1986.

⁶ Святыни Санкт-Петербурга // Историко-церковная энциклопедия. СПб., 1996. Т. 3.

⁷ Ландау С. Указ. соч.

⁸ Там же.

⁹ Антонов Б. И. Указ. соч.

¹⁰ Пунин А. Л. Повесть о ленинградских мостах. Л., 1971.

¹¹ От конки до трамвая. Из истории Петербургского транспорта. СПб.; М., 1993.

¹² Ландау С. Указ. соч.

¹³ Григорьев Д. Вернутся имена строителей // Веч. Петербург. 1994. 14 июня.

¹⁴ Антонов Б. И. Указ. соч.

¹⁵ Трефилов Ю. Троицкий снова в строю // Санкт-Петерб. ведомости. 2002. 16 нояб.

¹⁶ Танкер по имени «Троицкий мост» // Санкт-Петерб. ведомости. 2003. 4 фев.

Таврический сад*

И. А. Пономарев

С Таврическим садом связана история проекта моста через Неву русского изобретателя Ивана Кулибина, точнее, модели этого моста. Лондонское Королевское общество посулило «знатное награждение тому, кто сделает лучшую модель такого мосту, который бы состоял из одной дуги или свода без свай и утвержден был концами своими на берегу реки». Это объявление было опубликовано 4 мая 1772 года в «Санкт-Петербургских ведомостях». Англичане предполагали строительство подобного моста через Темзу в Лондоне. До этого нигде еще в мире не было столь длинных однопролетных мостов. Еще ранее (в 1769 году) Кулибин подметил несовершенство наплавного моста через Неву. Он начал проектировать однопролетный постоянный мост. В 1772 году, когда было напечатано лондонское объявление, им была построена первая миниатюрная модель моста для конкурса, проводившегося в начале 70-х годов XVIII века в Петербурге. Вместе с чертежами и расчетами она была передана на рассмотрение Академии наук. Академики отвергли проект Кулибина. Позднее неутомимый механик представил директору Академии наук А. А. Ржевскому новый проект моста. В конце 1774 года для последнего (третьего) варианта была построена модель в 1/10 натуральной величины, т.е. длиной 29,4 м и массой 5,4 т. 12 августа 1775 года началось изготовление модели, а к 1 декабря 1776 года она уже была окончена. Кулибин получил 1000 рублей от Потемкина, который любил и уважал его за честность и благородный характер. 27 декабря 1776 года проходили испытания модели в присутствии комиссии Академии наук. На модель нагрузили 3870 пудов (по другим данным — 5700), что намного превышало расчетную нагрузку. В завершение великий механик пригласил членов комиссии прогуляться по мосту. Модель простояла под нагрузкой 29 дней и блестяще выдержала испытание. Возглавлял экспертизу академик Л. Эйлер, который поздравлял И. Ку-

Проект Кулибина одноарочного деревянного моста через Неву. С гравюры 1799 г.

либина с успехом. Мастер получил от правительства специально вычеканенную медаль на Андреевской ленте, но средств на постройку так и не было выделено, и проект не был осуществлен. Задача, предложенная Лондонским Королевским обществом, была решена, но общество не заметило этого проекта. В 1777 году модель перевезли на «угольный двор» Академии наук (на углу набережной и 7-й линии Васильевского острова). Там она находилась 16 лет. В конце 1793 года по указу Екатерины II от 22 мая 1793 года и под руководством самого Кулибина модель, не разбирая, за 6 дней перевезли в Таврический сад. На большом пруду был устроен насыпной островок (его жалкое подобие можно увидеть и сегодня). На него можно было попасть лишь по двум мостам. Одним из них стала модель Ивана Кулибина. Там она простояла без ремонта много лет и 27 июля 1816 года обрушилась от ветхости.

Сад постепенно благоустроивался. Заплывшие илом или заросшие травой протоки очищались, выкапывались новые водоемы, углублялся большой пруд. Хозяйство велось успешно. Ежедневно свежие фрукты и овощи из Таврических оранжерей подавались к императорскому столу. В

дневнике Вильяма Гульда было записано: «Осмелюсь присовокупить, что огород Таврический может легко служить примером и почитаться первым в Северной России»²⁹.

Екатерина II предпочитала Таврический сад как место своих прогулок всем другим садам. В последние годы ее царствования сад находился в безукоризненном состоянии. Приезжавшие в Петербург иностранцы считали своим долгом посетить его.

Известно, что Павел I не любил свою мать, поэтому, когда в 1796 году Екатерина II умерла и он пришел к власти, гонению стало подвергаться все, что было связано с ее именем. В числе лиц, подвергшихся опале, оказались создатель Таврического дворца И. Е. Старов и творец дворцового сада Вильям Гульд. В августе 1799 года Гульд вместе со своей дочерью Елизаветой уехал в Англию, оскорбленный неуважительным отношением Павла I к любимейшему своему творению в Петербурге — Таврическому саду. «Мальтийский рыцарь» не нашел никакой работы любимому садовнику ненавистного Потемкина. Однако уволили его по собственному желанию (и временно) с сохранением жалованья. Сам дворец по приказу царя превратили в казармы

* Продолжение. Начало см. № 3 (13) за 2003 г.

лейб-гвардии Конного полка. В тот период в саду царило полное запустение.

Несмотря ни на что сад продолжал жить, и люди приходили отдохнуть в нем. Шведский художник Бенжамен Патерсен (1750–1815), рисовавший виды Петербурга конца XVIII столетия, оставил нам ряд картин, изображающих Таврический дворец и сад. Первая из них датирована «до 1797» и называется «Таврический дворец со стороны сада». На другом полотне («Таврический дворец со стороны Невы. 1797») мы видим изображение дворца не столько с Невы, сколько со стороны «ковша», который был вырыт перед дворцом. На акварели, относящейся к 1799 году («Вид на Таврический дворец со стороны Охты»), мы лишь вдалеке видим дворец. Эти изображения дают нам возможность взглянуть на Таврический дворец и сад глазами человека, жившего более двух веков назад. Мы можем сравнить их с нынешними видами дворца и определить, что сохранилось, а что утеряно.

В 1800 году поэт Александр Измайлов написал стихотворение «Таврический сад». Оно пронизано любовью к саду равнодушного посетителя. В нем нет упоминания о современном автору запустении, все пронизано ностальгией по ушедшему времени:

*Просто все в тебе и мило
Для меня ты лучший сад. —
Как приятно и уныло
Твой, лиясь, шумит каскад!*

После убийства Павла I на трон вступил его сын, Александр I. Новый император стремился показать себя последователем своей бабки, Екатерины II. По его распоряжению в 1802 году было начато восстановление Таврического дворца и приведение усадьбы в «первобытное состояние». Вернувшись через три года, Гульд продолжил работы в Таврическом саду. Он активно участвовал в реставрации садовой территории, которая продолжалась три сезона. Работами по восстановлению декора дворца руководил архитектор Л. И. Руска. Через год отделка дворца была закончена, и он приобрел свой, близкий к первоначальному, облик.

Восстановление сада не принесло сколько-нибудь существенных изменений и не повлияло на его планировку; в тот период был проведен ремонт северо-западной части, восста-

Таврический дворец со стороны сада.
Б. Патерсен (до 1797 г.). Холст, масло

новлено и реконструировано оранжерейное хозяйство и тепличные устройства.

Посетивший в 1805 году Петербург английский путешественник Роберт Кер Портер так описал сад и его создателя: «Все выдержано в английском стиле: романтические дорожки, сельские хижины... Этими красотами императорская фамилия обязана вкусу и усилиям г. Гульда, англичанина, давно живущего в Петербурге, который создает и ухаживает за этими весьма замечательными произведениями»³⁰.

В 1806 году Гульд вернулся в Англию, а в Таврическом саду его место занял Чарльз Мэннерс, тоже англичанин, который также проработал в нем 30 лет.

В начале XIX века дворец и сад находились в заведовании гоф-интендантской конторы, содержались тщательно и любителям уединенных прогулок могли доставлять большое удовольствие.

Разрешение посетить сад и дворец выдавалось в гоф-интендантской конторе или у смотрителя Таврического дворца. Обширный парк при дворце был недоступен для публики, окружен глубоким рвом и обнесен деревянным, заостренным наверху частоколом. Эта местность считалась почти загородной.

Для парка Таврического дворца архитектор Луиджи Руска в 1809 году создает новую каменную оранжерею вдоль Кировной улицы. Оранжерея Руска — это сильно вытянутая по горизонтали постройка. Главный (северный) фасад ее был обращен в сад, а южный фасад с застекленными оранжерейными окнами — на улицу. Это было вызвано необходимостью рас-

крыть внутренние помещения доступу солнечных лучей. Центральный двухэтажный павильон был соединен с двухэтажными флигелями одноэтажными галереями. Все три павильона акцентированы ионическими колонными портиками. Вокруг купольного зала центрального павильона группировались три связанных с ним помещения. Боковые павильоны являлись прямоугольными, близкими к квадрату, постройками со срезанными углами. В протяженных галереях между павильонами располагались оранжереи. В наши дни от этой оранжереи не осталось и следа³¹.

Опись 1810 года показывает нам, что кроме моста Кулибина в саду имелось еще четыре моста: деревянный, простой конструкции, и три каменных «с мраморными столбами, железной балюстрадой и чугунным помостом»³².

Таврическому саду за короткое время были посвящены два именных указа. Первый (от 29 августа 1814 года) — «...о подведомстве палисада Таврического сада Гоф-интендантской конторе: ...3. Палисад Таврического замка передать в ведомство Гоф-интендантской конторы, требуя от нее возврата издержанных собственных на палисад денег...».

Второй указ (от 5 мая 1826 года) — «О заведовании каналом, Таврический сад окружающим, Департаменту Путей сообщения. ...Его императорское Величество Высочайше указать соизволил; каналу, окружающему Таврический сад, быть в ведомстве Департамента Путей сообщения с тем, чтоб Гоф-интендантская контора отпускала в сей Департамент на содержание оногo канала в чистоте ежегодное по 1000 рублей из своих сумм».

К тому периоду жизни сада относится и история, связанная с созданием первого в России парохода. По легенде он именовался «Елизаветой» и был сооружен в 1815 году на петербургском заводе Чарльза Берда. Это была переделка «обыкновенной тихвинской» лодки с установленным паровым двигателем. Свои пробные плавания пароход «Елизавета» совершал на пруду Таврического сада³³.

В 1832 году журнал «Северная Минерва», издававшийся Иродионом Ветринским, поместил очерк «Прогулки в Таврическом саду». Это поэтическое описание не имеет имени автора, возможно, им был сам издатель. Возвышенным и красочным языком этого литератора хочется показать сад того периода. Сначала несколько слов о дворце: «Дворец стоит как лебедь между окружающими его строениями на проспекте, идущем от Литейного двора и Арсенала к Смольному монастырю. Огромный зеленый купол его гордо озирает смиренную, безмолвную по утру окрестность»³⁴. Далее о саде: «Сад сей представляющий собою вид зеленеющего весною квадрата. <...> Входить в сад сего Дворца надобно через самый дворец». И вот перед нами сад: «По выходе из залы в сад душа как бы освежается и отдыхает; ароматы цветов, окружающих Дворец, льются в чувства, доставляя им живейшее наслаждение! Шум водометов погружает душу в некоторое сладостное забвение, или наводит тайные думы о красотах природы и удовольствиях тихого уединения. Светлый пруд пестреет разноцветными флагами в линию поставленного на нем флота, состоящего из нескольких выкрашенных зеленою краскою лодочек (ныне нет в саду сей флотилии); белый лебедь величаво плавает по зеркальной поверхности пруда, по берегам коего вьются усыпанные желтым песком дорожки; свежая весенняя зелень холмов, как бархат расстилается перед глазами; в тени зеленеющих берез и лип раздаются песни нежной пеночки и резвого зяблика; чистый, легкий воздух освежает грудь».

По правую сторону виден фруктовый сад, где в богатых оранжереях спеют разные роскошные плоды благодатного юга; а на открытых грядках цветут распутившиеся кусты разного рода ягод, свойственных петербургскому климату. Между фруктовым и большим садом виден луг, зеленею-

щий сочною травой, на котором ходит несколько тучных телиц. Это напоминает о прелести счастливой сельской жизни. Здесь можно ходить до утомления, и не скучать усталостию. Хочешь ли занять мыслящую твою силу размышлением? Она здесь развертывается с большею живостию, легкостию и свободою. Хочешь ли поверить внутренние твои чувства с правилами добродетели? Сия последняя является здесь с новою прелестью и восторгами истинного блаженства. Вот место и время чистых наслаждений! Кто не согласится, что такая прогулка есть истинная Поэзия жизни?»³⁵.

В мае 1832 года недалеко от Таврического сада в доме Алымовой на Фурштатской поселилась семья Пушкиных. «Знаменитый» сочинитель стихов граф Д. И. Хвостов откликнулся на это событие созданием искренних, но несколько неуклюжих стихов, озаглавленных «Соловей в Таврическом саду в 1832 году», где воспел Пушкина:

*Любитель муз с зарею Майской,
Спеши к источникам ключей,
Ступай послушать на Фуритатской,
Поет где Пушкин соловей.*

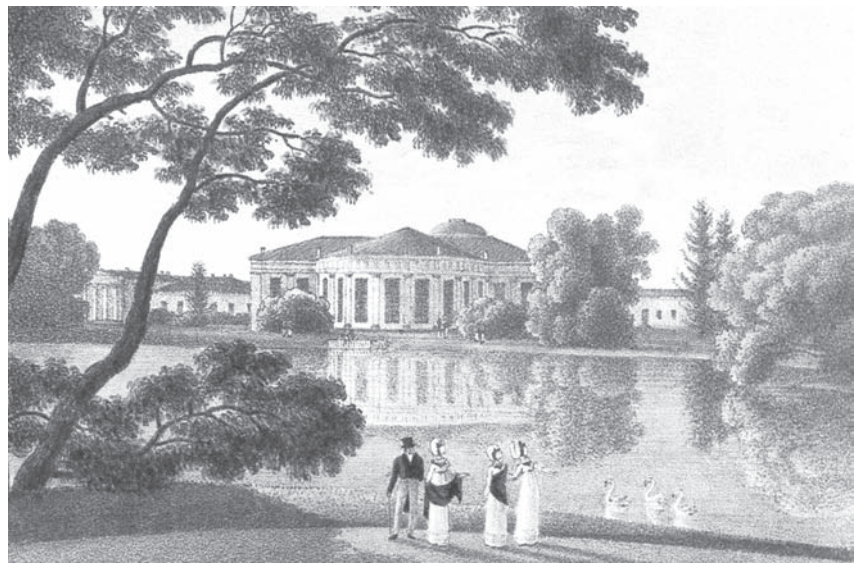
На квартире Алымовой у Пушкиных родился первый ребенок — дочь Мария...

ОБЩЕСТВЕННЫЙ САД (С 1860-Х ГОДОВ ДО 1917 ГОДА)

Со дня своего основания сад Таврического дворца на протяжении многих лет был недоступен для посетителей. За окружавшим сад глубоким

рвом и торчащим из воды крепким тыном долго дремал не тревожимый городом XVIII век. Еще в 1865 году журнал «Воскресный досуг» писал: «...красивейшие (ледяные горы) бывают всегда в Таврическом саду, где иногда катается и императорская фамилия»³⁶.

В 60-е годы XIX века Таврический сад открылся для свободного доступа публики. В литературе существует две даты этого открытия — 1861 и 1866 годы. Так, газета «Северная пчела» 26 июля 1861 года писала: «По высочайшему повелению, с 24-го сего июля, Таврический сад, за исключением оранжереи и фруктового сада, открыт для общественного гуляния на тех же правилах, как и Летний сад. Вход в сад назначен с Таврической улицы, через т. н. Государев дворик». Н. Ф. Хомуцкий также придерживался этой даты³⁷. Однако современные авторы (В. А. Каменский, Л. А. Занан) называют другую дату — 1866 год. Но все они сходятся во мнении, что некогда чудесный парк превратился в обычный городской сад с киосками и пыльными дорожками, а дальнейшее использование парковой территории пошло уже явно вразрез с его былым художественным образом. В 1866 году газета «Голос» отмечала, что сад весьма мало посещается, хоть в нем даже «устраивают» фонтан на одном из прудов. В саду организовывали выставки, по большей части садоводческие. Башня-бутылка рекламировала в 1914 году целительный виноградный сок Н. Н. Бекетова из лечебного сорта «шасла».

Вид дворца со стороны сада. Акварель XIX в.

Сад был разделен на три части: в прилегающую ко дворцу никого не пускали; вдоль Потемкинской улицы протянулся платный увеселительный сад; остальная часть в запущенном состоянии была открыта для публики.

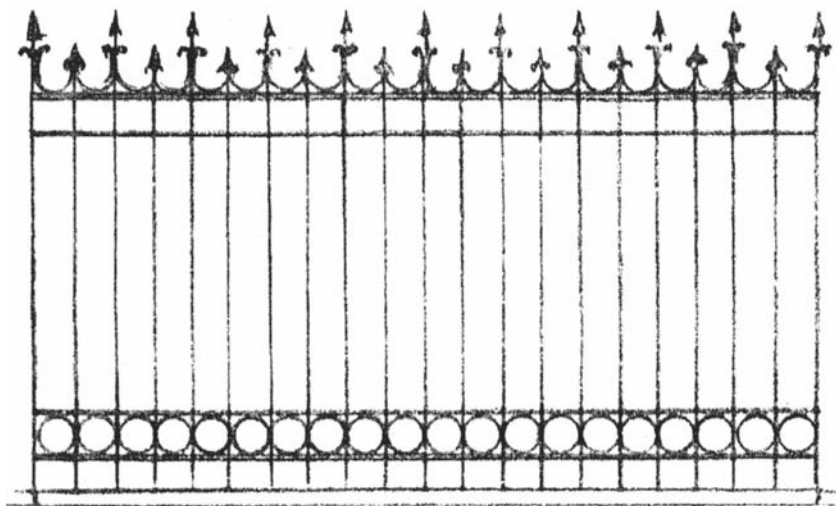
На территории было построено большое количество павильонов и ларьков.

В 1863 году был засыпан ров, в то время являвшийся уже рассадником малярийной заразы, отделявший дворец от Потемкинской улицы, и снесен вход в дворцовый сад, некогда располагавшийся на оси улицы Чайковского.

На месте тына была поставлена чугунная ограда, и сад слился с соседними улицами. Эта ограда была изготовлена в 1896 году заводом Сан-Галли и сохранилась до наших дней. О ней рассказывают и архивные документы: смета на сооружение решетки на сумму 2900 рублей и чертеж, подписанный архитектором Бруни.

В беседке «Адмиралтейство» частные предприниматели Соловьев и Макаров открыли ресторан, просуществовавший два года. В 1875 году беседка сгорела, и ее заменил двухэтажный павильон. При его строительстве были использованы фундамент и целевшие стены беседки. В открывшемся 1 мая 1883 года в саду ресторане играл оркестр военной музыки лейб-гвардии Гренадерского полка.

Журналист В. О. Михневич описал Таврический сад в 1887 году: «Лучший из петербургских общественных садов по своему местоположению и обилию растительности, Таврический — некогда любимое убежище для окрестных элегических поэтов и безнадежно влюбленных чиновников управы благочиния, в последнее время приобрел дурную славу, уронившую в глазах нравописателей добрую репутацию всех Песков вообще, которые искони славились целомудрием (за изъятием, впрочем, Четвертой улицы). Сад этот, украшенный рестораном, хорошо снабженным спиртными напитками, привлекает под свою сень все буйные, вакханальные и бездельничающие элементы местного населения. Преобладает так называемый стрюцкий — странная особь городской зоологии, наполовину — человек культурный, познавший уже вкус коньяка и дреймадеры, научившийся обращаться с носовым платком (если он имеется в кармане), а на другую — откровенный папуас, в минуту подпития грубый, дикий и бес-

Ограда Таврического сада (1896 г.). Рис. Л. Н. Волкова

Ограда Таврического сада. Фото автора

стыдный. В типе “стриюцкого” совмещаются представители разных званий и профессий — канцеляристы, писаря, конторщики, выгнанные со службы, промотавшиеся и опустившиеся “благородные человеки”, с засаленными цветными околышками на фуражках, прогоревшие дотла купчики и тому подобный пропавший, праздничный, бродячий люд. Люд этот во множестве гнездится на петербургских окраинах и между прочим на Песках, поддерживая коммерцию в местных питейных заведениях и освежаясь на чистом воздухе в Таврическом саду. Соответствующего качества и прекрасный пол водит компанию, выпивает “по маленькой” и обменивается нежностями со “стриючками” Таврического сада. Только по воскресным дням выплывает сюда иное наивное песковское купеческое семейство в

залежавшихся, отдающих камфорой праздничных костюмах покроя 50-х годов, и с невозмутимостью языческих идолов похлопает в течение вечера сонными глазами на совершающиеся вокруг него пьяные глупости и безобразия... Им это занятно!»³⁸.

В 1888–1889 годах архитектор Н. В. Смирнов на месте первоначальных теплиц потемкинских времен осуществил (совместно с гражданским инженером В. П. Самохваловым) строительство большой ажурной пальмовой оранжереи из металла для декоративных растений, получившей название лечебной. В 1926 году она была перенесена в Ботанический сад, где и стоит по сей день, известная как оранжерея № 1. В 1936 году в Таврический сад перевезли другую пальмовую оранжерею из города Пушкина, сооруженную в конце XIX века. Оран-

жерея сильно пострадала в годы войны. Но до 1950 года она еще функционировала, в ней дважды (в 1946 и 1949 годах) проводились общегородские выставки.

В конце XIX века угловая часть сада на стыке современных улиц — Потемкинской и Кировской была отведена Попечительству о народной трезвости. В 1898 году там началось строительство театра и аттракционов для народных развлечений. В театре ставили драматические и музыкальные спектакли. Среди постановок бывали и большие помпезные спектакли, такие, как «Дети капитана Гранта» (1907). У горожан театр пользовался большой популярностью. На открытой сцене исполнялись дивертисменты, выступали песенники, фокусники, акробаты. В выходные и праздничные дни попечительство устраивало народные гулянья. Число посетителей достигало 10 000 человек в день.

В 1898 году Общество физического развития детей получило в свое распоряжение площадку близ Кировской и Таврической улиц. На ней устроили каток, оборудовали четыре теннисных корта, выровняли луг под площадку для детских игр и проложили новые пешеходные дорожки, а рядом с кортами был построен дом с балконом и террасой.

В 1910 году Дамскому благотворительному обществу предоставили площадку для скетинг-ринка (крытого катка). Другую, обращенную к Таврической улице, — офицерам Кавалерийской школы для верховой езды.

Каждую зиму в саду заливались катки и строились ледяные горы. Регулярные катания на льду зародились на катке Таврического сада в конце 1850-х годов. Катание в Таврическом саду стало модным. Князь В. П. Мещерский выпустил в 1863 году свою поэму «Тавриада» тиражом 33 экземпляра и в предисловии к ней так описал конькобежный ажиотаж: «Трудно определить с достоверностью начало Таврических катаний. В наше время они получили известность и утвердились на прочных основаниях в 1861 году, когда двери старого Таврического дворца широко растворились и стали открытыми для многочисленной публики любителей езды на коньках и санных катаний с гор. Заметно стало во всем петербургском обществе какое-то непреодолимое стремление предаваться этим упражнениям. Стариками, старухами, зрелыми и незрелыми овладела лихорадочная страсть

покупать коньки, надевать их, скакать в Таврический сад, падать раз двадцать в минуту и т.п. Нашлись люди, которые по утрам после чая или кофе вместо чтения газет или служебных занятий надевали коньки и летали по всем комнатам под предлогом приготовления к Таврическим катаниям...»³⁹. Эту цитату дополним другой, того же автора, но из другого произведения: «В те годы главною сценою для знакомств и для сношений бывали зимние катанья на коньках в Таврическом саду, введенные в моду покойным цесаревичем. Буквально весь бомонд стал кататься на коньках, чтобы ежедневно бывать от 2 до 4 час. на Таврическом катке в обществе великих князей. Другой, более оживленной сцены для знакомств великих князей в то время не было»⁴⁰.

Другие воспоминания относятся к началу XX века: «Тогда же было в моде катание на коньках, и все избранное общество каталось на прудах Таврического дворца, куда часто приезжала императрица Мария Федоровна и другие Высочайшие лица»⁴¹.

«Большим развлечением был каток в Таврическом саду с большой деревянной вышкой, с которой мы по ледяному скату летели далеко на замерзший пруд. Для этого там были короткие железные сани с обитым красным плюшем сидением. Мы эти сани ставили друг на друга и устраивали человеческую пирамиду в три этажа. Но такого рода упражнения представляли известную опасность... Мы играли в хоккей на льду...»⁴².

5 мая 1899 года в Таврическом дворце открылась Международная выставка садоводства. В торжественном открытии приняли участие Николай II, великие князья, именитые гости. Почетным президентом выставки была великая княгиня Елизавета Федоровна. Выставкой были заняты не только парадные залы и несколько гостиных дворца, но почти половина Таврического сада. Участниками были российские губернаторы, Санкт-Петербургский ботанический сад, садоводы-любители и почти все европейские государства. Они прислали большие коллекции всевозможных растений. Территория сада была занята разнообразными растениями, и среди них экспонаты «альпийских лугов», а также коллекция насекомоядных и кувшинчатых, расположенных в прудах сада. Ее участниками стали более 200 иностранных делегаций и приглашенных экспертов.

Выставка пользовалась исключительным успехом: за 10 дней ее посетили несколько десятков тысяч человек.

В 1900 году в Таврическом саду в специально устроенном павильоне открылась кустарно-промышленная выставка, годом позже — Первая Международная выставка исторических и современных костюмов. 6 марта 1905 года в Таврическом дворце открылась первая в Петербурге и в России Историческая выставка портретов. Одним из ее создателей стал Сергей Дягилев. На ней было показано более 2000 полотен из русских и зарубежных музеев и частных коллекций. В. В. Стасов в статье «Итоги нашей портретной выставки» писал: «За нынешней таврической выставкой останется навсегда заслуга и слава первой пробы включения замечательных людей в историческую картину». Так как эта выставка напрямую не была связана с Таврическим садом, то мы не будем останавливаться на ней подробно.

Вернемся к бывшему входу в сад с Потемкинской улицы. В 1913 году на этом участке началась постройка выставочного павильона (арх. Н. Н. Игнатьев), принадлежавшего обществу садоводов. В 1914 году здесь проводилась Международная выставка садоводства, которая захватила в сад еще 3 га. Несколько позже павильон был приспособлен под гараж. С 1959 года на этом месте расположен панорамный кинотеатр «Ленинград» на 1128 мест, построенный по проекту архитектора И. И. Чашника. Кинотеатр поражал своим большим экраном — 28 м в ширину и более 10 м в высоту. Необычен был и стереофонический звук.

Не обошли стороной Таврический сад и революционные события начала XX века. 6 мая 1906 года в переполненном отдыхающей публикой саду внезапно взорвались коробки, из которых посыпались листовки, призывавшие к борьбе с царским режимом. 2 декабря 1906 года произошло покушение на бывшего московского генерал-губернатора Ф. В. Дубасова, подавшего в крови восстание в первопрестольной». «...Когда он был в Петербурге членом Государственного совета и гулял в Таврическом саду, в него почти в упор стрелял из браунинга юноша. Дубасов оказался невредим, юноша был сейчас же схвачен и сейчас же заявил, что он с одним участником-анархистом назначены для отплаты Дубасову за подавление московского восстания» (Из воспоминаний С. Ю. Витте). Стреляли же в Дубасова

оба нападавших — молодые члены «летучего боевого отряда» П. Воробьев и В. Березин. Не попав из пистолетов, оба бросили самодельные снаряды, но опять промахнулись; бывший губернатор успел отскочить в сторону, но все же был контужен в левую ногу и упал. Поднявшись, Дубасов сам стрелял в боевиков, но тоже промахнулся. Прибежавшие на выстрелы сторожа сада схватили молодых людей. Земля на месте покушения была усеяна мелкими обойными гвоздями, которыми были набиты бомбы⁴³.

Путеводитель 1903 года заявлял: «В настоящее время Таврический сад отличается от прочих Петербургских садов роскошной растительностью, чистотою своих многочисленных прудов и воздуха»⁴⁴.

В первые годы XX века среди горожан наиболее сильно развился мистицизм; все слои общества начали обращаться к сверхъестественному — «святой старец» Григорий Распутин сумел расположить к себе даже императрицу. На этой волне таинственно-молчаливый ночами Таврический сад казался островком забытого прошлого.

В те же годы Зимний сад во дворце был вторично уничтожен. Это было связано с сооружением в Таврическом дворце на его месте зала заседаний Государственной думы. Совсем исчезли сквозные колоннады. По проекту архитектора П. И. Шестова галерея была отделена от зала заседаний железобетонной стенкой⁴⁵.

Но кроме восторженных восклицаний раздавались более трезвые ноты. В саду появилось множество пыльных дорожек; постепенно все более и более терял он свое былое очарование. Наряду с другими частями сада начала приходить в упадок и его водная система. Потеряв свое предназначение как питающий источник первоначально Летнего сада, а затем и Таврического, Лиговский канал был засыпан. Питание водой прудов сада целиком перешло к городскому водопроводу.

Приходили сюда «подрабатывать» и проститутки, особенно в той части сада, которая имела бесплатный вход для публики. Более шустрые девицы промышляли и в платной части сада. В дневниках М. Кузмина часто упоминается Таврический сад, но мы не найдем там его описания: постоянные «голубые» поиски и встречи.

Хочется затронуть явление, которое напрямую не связано с Тавричес-

ким садом, но каким-то образом затрагивает его. В начале XX века вокруг сада возникает аура поэтического Серебряного века. Ее создали два поэтических салона, расположившиеся по разным сторонам сада: на западе, в доме № 83 (в то время № 73) по Сергиевской (угол Потемкинской) улице, в квартире переехавших сюда в 1913 году Мережковских, и на востоке, на Таврической, 35 (тогда № 25), угол Тверской, с 1905 года существовала «Башня» Вячеслава Иванова. Оба эти центра сыграли значимую роль в литературной жизни Петербурга и России того периода. В произведениях и воспоминаниях многих лиц, посещавших эти салоны, часто упоминается Таврический сад, ставший невольным и незримым их участником. Уделим же понемногу внимание каждому из этих адресов.

Начнем с Сергиевской улицы (ныне улицы Чайковского). В 1913 году туда из дома Мурузи (Литейный пр., 24/27) переехали Дмитрий Сергеевич Мережковский — автор исторических романов и пьес, а также и поэт, и его жена, Зинаида Николаевна Гиппиус, поэтесса, прозаик и литературный критик. В эмиграции ею были написаны воспоминания о тех годах.

Одна из современниц так описывает супругов: «Странное впечатление производила эта пара: внешне они поразительно не подходили друг к другу. Он — маленького роста, с узкой впалой грудью, в допотопном сюрту-

ке. Черные, глубоко посаженные глаза горели тревожным огнем библейского пророка. Это сходство подчеркивалось полуседой, вольно растущей бородой и тем легким взвизгиванием, с которым переливались слова, когда Д. С. раздражался. Держался он с неоспоримым чувством превосходства и сыпал цитатами то из Библии, то из языческих философов. А рядом с ним — Зинаида Николаевна Гиппиус. Соблазнительная, нарядная, особенная. Она казалась высокой из-за чрезмерной худобы. Но загадочно-красивое лицо не носило никаких следов болезни. Пышные темно-золотистые волосы спускались на нежно белый лоб и оттеняли глубину удлинённых глаз, в которых светился внимательный ум. Умело-яркий грим. Головокружительный аромат сильных, очень приятных духов. При всей целомудренности фигуры, напоминавшей скорее юношу, передетого дамой, лицо З. Н. дышало каким-то грешным всепониманием. Держалась она как признанная красавица, к тому же — поэтесса»⁴⁶.

Их квартира была в бельэтаже, и до наших дней сохранился балкон, с которого Зинаида Гиппиус смотрела на Таврический сад и дворец. «Мы следили за событиями по минутам, — мы жили у самой решетки парка в бельэтаже последнего дома одной из улиц, ведущих ко дворцу. Все шесть лет — шесть веков — я смотрела из окна или с балкона то налево, как закатывается солнце в туманном далеке прямой ули-

Зал заседаний Таврического дворца

цы, то направо, как опускаются и обнажаются деревья Таврического сада»⁴⁷.

Среди гостей, которые посещали тот дом, были А. Бенуа, Б. Савинков, Блок, Керенский, Горький. Большим другом Мережковских был доктор И. И. Манухин, лечивший М. Горького. По воскресеньям двери дома были открыты для учащейся молодежи. Приехавший в 1915 году в Петербург Сергей Есенин стал посещать литературные вечера у Мережковских вместе с поэтом Н. Клюевым и часто читал там свои стихи.

Теперь обратимся ко второму поэтическому очагу Серебряного века — к «Башне» Вячеслава Иванова. Скругленный угол дома завершается башней, в которой на шестом этаже и находилась квартира В. Иванова. Поселился он там в 1905 году, сразу же после постройки дома, вместе с женой Лидией Дмитриевной Зиновьевой-Аннибал, тоже писательницей. Философ Н. Бердяев так писал о нем: «Вячеслав Иванов — один из самых замечательных людей той, богатой талантами, эпохи. Было что-то неожиданное в том, что человек такой необыкновенной утонченности, такой универсальной культуры народился в России. Русский XIX век не знал таких людей. Вполне русский по крови, происходящий из самого коренного нашего духовного сословия... он был человек западной культуры»⁴⁸.

А вот и по теме нашего рассказа (из письма В. Иванова В. Я. Брюсову в Москву от 29 августа 1905 года):

«Живем вдвоем с Лидией Дмитриевной наверху круглой башни, над Таврическим садом с его лебединым озером. За парком, за Невой фантастический очерк всего Петербурга до крайних боров на горизонте. В сумеречный час, когда тебе пишу, ухают пушки, возвещая поднятие воды в Неве, и ветер с моря, крутя вихрем желтые листья парка, стонет и стучится в мою башню»⁴⁹.

«Среды» Вячеслава Иванова так затягивались, что их впрому было бы назвать «четвергами». Там частыми гостями были уже упоминавшийся философ Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, а также Р. В. Иванов-Разумник, А. Ремизов, С. М. Городецкий, А. Блок, поэт и композитор М. А. Кузмин, художники М. Добужинский, К. Сомов и другие. Тут бывала наряду с маститыми литераторами и поэтическая молодежь: Андрей Белый, Ф. Сологуб, Н. Гумилев, М. Волошин, Г. Чулков и многие другие. В 1911 году на очередную литературную «среду» в «Башню» Н. Гумилев привел свою жену — А. А. Ахматову, которая впервые прочла там свои стихи. Бывала в той квартире и талантливая поэтесса Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, будущая мать Мария, погибшая в годы Второй мировой войны в фашистском концлагере. Появлялся на вечерах у Вячеслава Иванова и юный Осип Мандельштам. На «средах» получили признание стихи В. Хлебникова, С. Городецкого, М. Кузьмина. Интересны воспо-

минания К. И. Чуковского о том, как Блок впервые читал там свою «Незнакомку»: «Я помню ту ночь, перед самой зарей, когда он впервые прочитал “Незнакомку”, — кажется, вскоре после того, как она была написана им. ...Из Башни был выход на полую крышу, и в белую петербургскую ночь мы, художники, поэты, артисты... вышли под белесое небо, и Блок, медлительный, внешне спокойный, молодой, загорелый (он всегда загорал уже ранней весной), взобрался на большую железную раму, соединявшую провода телефонов, и по нашей неотступной мольбе уже в третий, в четвертый раз прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным, трагическим голосом. И мы, впитывая в себя ее гениальную звукопись, уже заранее страдали, что сейчас ее очарование кончится, а нам хотелось, чтобы оно длилось часами, и вдруг, едва только произнес он последнее слово, из Таврического сада, который был тут же, внизу, какой-то воздушной волной донеслось до нас многоголосое соловьиное пение»⁵⁰.

В квартире Вячеслава Иванова около трех лет прожил Михаил Кузмин. С «Башней» связана попытка В. Э. Мейерхольда создать новый театр «Факелы», которая не была осуществлена. «Башня» просуществовала до 1912 года, до отъезда Вячеслава Иванова за границу.

Окончание следует.

²⁹ Занан Л. А. Городской детский парк // Сады и парки Ленинграда. Л., 1981. С. 104.

³⁰ Антонов В. В. Вильям Гульд, садовник князя Потемкина-Таврического // Невский архив. 1999. Вып. 4. С. 165.

³¹ Александрова Л. Б. Луиджи Руска. Л., 1990. С. 71.

³² Иванов Ю. Санкт-Петербургские ведомости о Кулибине // Блокнот агитатора. 1982. № 9.

³³ Книга рекордов Петербурга / Ред.-сост. Дм. Шерих. СПб., 1995. С. 197.

³⁴ Путеводитель по Петербургу. СПб., 1991. Репринтное воспроизведение издания 1903 г. С. 213.

³⁵ Прогулки в Таврическом саду // Северная Минерва. 1832. № 10. Ч. 2. С. 220–221.

³⁶ Воскресный досуг. 1865. № 149. Т. 6. С. 381.

³⁷ Хомуцкий Н. Ф. Петербург—Ленинград. Л., 1958. С. 72.

³⁸ Михневич В. О. Петербургские сады и их этнография // Язвы Петербурга. Л., 1990. С. 17–18.

³⁹ Цит. по: Шустов А. На льду Таврического // Ленингр. правда. № 1 (187).

⁴⁰ Мещерский В. П. Мои воспоминания // Александр III. (Воспоминания. Дневники. Письма.). СПб., 2001. С. 62.

⁴¹ Граббе П. Окна на Неву. СПб., 1995.

⁴² Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Рос. архив. 1995.

⁴³ Гречук Н. Тот самый Дубасов // Веч. Петербург. 1994. 3 июня.

⁴⁴ Путеводитель по Петербургу. СПб., 1991. Репринтное воспроизведение издания 1903 года. С. 225.

⁴⁵ Ключарианц Д. А. Иван Старов // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. Л., 1997. С. 57.

⁴⁶ Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 315.

⁴⁷ Гиппиус З. Черная книжка. История моего дневника // Рус. архив. 1992. № 2.

⁴⁸ Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 154.

⁴⁹ Лит. наследство. 1976. Т. 85. С. 479.

⁵⁰ Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. С. 221–222.

Школа историков в Университете культуры и искусств.

ВОСПОМИНАНИЯ

Н. Н. Масленникова

Кафедра истории имеет давнее прошлое: в первые годы существования института она была создана известным историком и педагогом Л. Р. Коганом, многие поколения историков стремятся сохранять и развивать лучшие традиции, сложившиеся более 80 лет назад.

Осенью этого года пойдет 50-й год работы в институте Надежды Ивановны Сергеевой и моей. Мы пришли в институт, уже имея ученые степени и некоторый опыт работы по специальности. Надежда Ивановна — в области музееведения и архивоведения, у меня был опыт источниковеда и палеографа. Но педагогическая работа была для нас новой и поначалу очень трудной. Наши учителя В. В. Мавродин, С. Б. Окунь, Д. С. Лихачев, В. Г. Гейман считали, что преподавание истории в этом вузе будет нам полезно. Возможно, считали они, это и будет нашим профессиональным призванием.

Наша кафедра называлась кафедрой истории в отличие, пожалуй, от большинства исторических кафедр в петербургских, московских и дру-

Семен Бенцианович Окунь

гих вузах. Такое название она сохраняет и сейчас, что подчеркивает ее особенность — общеисторическую направленность при все большем ее развитии в учебных планах на разных факультетах и специальностях.

Выпускники исторического факультета ЛГУ — преподаватели института культуры. В центре стоит заведующая кафедрой истории 1960–1970 гг. Надежда Ивановна Сергеева.
Сидит справа Михаил Борисович Рабинович

О серьезности своего шага по пути выбора педагогической профессии и выбора именно этого вуза я догадывалась, так как училась на Высших библиотечных курсах и увлеклась многими предметами в исполнении лучших библиографов и библиотековедов, которые становились профессиями моих будущих учеников, — общей библиографией, библиографиями исторической и краеведческой.

Авторитет Библиотечного института 50-х годов XX века был создан в значительной мере прекрасным коллективом профессионалов, в котором особое место занимала кафедра литературы. Блестящая плеяда филологов, читавших курсы русской литературы: В. А. Мануйлов, С. А. Рейсер, Б. Я. Бухштаб, имела огромное влияние на более молодых литераторов и студентов. Филологическая наука в их изложении была теснейшим образом связана с самыми сложными проблемами библиографии, текстологии, источниковедения.

Профессора кафедры литературы стремились воспитать книжников самого высокого безупречного уровня и были поддержаны коллегами в области профессиональной подготовки Б. А. Брискманом и М. П. Бронштейн. Огромной любовью студентов пользовался литературно-творческий кружок под руководством В. А. Мануйлова. Он стал школой для многих филологов и поэтов.

Высокий уровень преподавания на кафедре литературы был для нас примером. В институте большое значение придавалось изучению зарубежной литературы разных эпох. Здесь работали талантливые специалисты по истории литературы Франции, Германии, Англии — Н. А. Таманцев и Б. Л. Раскин. Их лекции никто бы не подумал пропускать, на них всегда было много гостей из других вузов и исследователей зарубежной литературы.

К исторической кафедре ректоры Библиотечного института, затем

С. А. Рейсер

В. А. Мануйлов

ставшего институтом культуры и университетом, всегда относились с особым вниманием, Н. П. Скрыпнев, Е. Я. Зазерский были историками. П. А. Подболотов продолжает эту линию — подбирать молодых людей, которые основательно занимаются наукой, ей преданны и могут эти качества передать студентам.

Тогда, в 50-х годах, в первые дни нашего вступления в коллектив, стало ясно, каким высоким требованиям надо соответствовать и как много придется работать, чтобы приблизиться к Мастерам. Важнейшим условием было, конечно, продолжение научной работы, погружение в свою специальность, поиски подходов к использованию исторических материалов в формировании книжников самого высокого класса. Весь коллек-

тив института (он был много меньше нынешнего, хотя лекционные потоки были большими) встретил молодых преподавателей приветливо и заинтересованно. Нам постоянно указывали на наши сильные стороны и на возможности творческого развития. Самые знаменитые профессора предлагали помощь и просили обращаться за советом. Но самой главной поддержкой было доверие: мы с первых дней стали читать лекции в больших аудиториях. Самые опытные преподаватели нашей кафедры стремились незаметно поддержать нас в трудный момент, дать совет, каким образом прочесть наиболее сложные темы. В те годы было принято ходить на лекции коллег: и старших, опытных, и молодых. После двух недель чтения мною лекций в институте в аудиторию вошел ректор Н. П. Скрыпнев. Прошел в ее конец, тяжело опираясь на свой протез (он потерял ногу на войне), непроницаемо прослушал лекцию и, уходя, сказал: «Преподаватель получится. Я спокоен». Я не знала, радоваться ли, можно ли мне успокоиться или нельзя.

На занятия ходили не только члены кафедры истории, но и деканы и преподаватели специальных кафедр. Долгое время деканом библиотечного факультета была Г. М. Михайлова, крупный специалист в области исторической библиографии. Это нас сближало, мы решали общие проблемы. На кафедре иногда вместе с гостями обсуждались тексты стенограмм и лекций. Обсуждение всегда было стро-

гим, внимательным и доброжелательным. Некоторые пожелания запомнились на всю жизнь. Общие курсы и спецкурсы часто имели широкие хронологические рамки. Многие годы я читала не только древнерусскую историю, которая была моей исследовательской областью, но и историю XVIII, XIX и начала XX веков. При чтении этих курсов было особенно дорого получить совет, критику или одобрение от специалиста.

В 50–60-е годы в институтах культуры отводилось значительное место преподаванию фундаментальных курсов по всеобщей истории, которые соответствовали такому же преподаванию зарубежной литературы.

Историю древнего мира читали В. Н. Гордеев и Н. Н. Житомирова. Со временем В. Н. Гордеев издал учебник по этому курсу, по нему учились долгие годы все институты культуры. Эти преподаватели вместе вели исторический кружок по античности, который вызывал у студентов большой интерес. Н. Н. Житомирова так ярко и увлеченно читала лекции по древней истории, что мы, историки, очень сожалели, когда другое направление в ее деятельности — организация работы кафедры детской литературы и методическое руководство детскими библиотеками, стало основным. Мы лишились такого талантливого античника. Но научной работой историков Н. Н. Житомирова интересовалась всегда и активно участвовала в обсуждении докладов, приходила на защиты диссертаций, радовалась открытиям и публикациям.

Международная библиотечная конференция. 1960-е гг. В центре — Н. П. Скрыпнев, ректор Института культуры им. Н. К. Крупской

Г. М. Михайлова

Историю средних веков в институте вела Р. В. Лившиц. Она принадлежала к историкам старшего поколения, которые прекрасно разбирались в сложных проблемах европейской средневековой истории и хорошо знали богатейшую историографию всеобщей истории. Кроме того, Раиса Вениаминовна имела богатейший опыт организации методической работы по истории в школе. Ее помощь многим из нас была необходима, поскольку в Ленинградском университете методике преподавания истории почти не уделялось внимания. Р. В. Лившиц была очень обязательной, требовательной к себе и другим. Она была преподавателем и человеком необыкновенной доброты и скромности. Многие, знавшие ее, навсегда запомнили подаренные ею книжки для их маленьких детей и другие знаки внимания и участия в трудные времена.

Позднее историю средних веков вела на кафедре В. А. Дворецкая, окончившая аспирантуру в Педагогическом институте имени А. И. Герцена и много лет преподававшая в Вологодском институте, коллектив которого прекрасно готовил преподавателей истории на огромную Вологодскую область и занимался исследованием истории северного крестьянства. Педагогический опыт помог В. А. Дворецкой преподавать и в течение многих лет читать курс новейшей истории зарубежных стран и увлечь им многих студентов: на студенческих научных конференциях часто звуча-

ли доклады по истории международных отношений.

Особая роль на кафедре в течение многих лет принадлежала М. Б. Рабиновичу, специалисту по новой истории зарубежных стран, по Великой Французской революции, по истории Южной Африки. Ни один историк нового времени в вузах Ленинграда не мог сравниться с ним по эрудиции, владению методами поиска и изучения новых исторических источников, по количеству опубликованных работ по новой истории и истории общественной мысли России, хрестоматий и интереснейших воспоминаний, которые многое объясняют в сложной истории развития исторической науки XX века. У М. Б. Рабиновича была особая лекторская манера, привитая ему, вероятно, его учителем Е. В. Тарле.

Только специалисты по новой истории могли так увлекательно и красиво излагать сложнейший материал, связанный с историей дипломатии и характеристиками выдающихся исторических деятелей, что он воспринимался слушателями и запоминался на многие годы. М. Б. Рабинович был рецензентом и оппонентом по диссертациям самой широкой тематики, консультантом для многих авторских коллективов. Энциклопедические знания, прекрасное образование, широта интересов делали его советы ученым и коллективам бесценными. Если он не мог помочь решить какую-то проблему сразу, он рекомендовал путь, по которому это решение могло быть найдено. Живость, отзывчивость, юмор привлекали к нему всех, а он еще был и образцом

Н. Н. Житомирская

для всех нас по тщательности составления документов, рукописей, описания источников. Для тех, кто видел его материалы, становилось ясным, что аккуратность в составлении бумаг, рукописей — неслучайное качество настоящего ученого, которому, казалось, так все легко дается.

Для кафедры истории огромное значение имели несколько лет, когда курс истории СССР конца XVIII — первой половины XIX века читал С. Б. Окунь. Мы все в разное время слушали его лекции на историческом факультете, Н. И. Сергеева была его ученицей, М. Б. Рабинович — другом. И однажды он решил сделать нам подарок — прочитать курс на одном из потоков библиотечного факультета. Курс лекций опубликован и выдержал несколько изданий¹. Он является до настоящего времени лучшим учебным пособием по первой половине XIX века, хотя прошло уже более 50 лет. Когда читаешь его, голос Семена Бенциановича слышен, но в полной мере текст не может передать яркость картины, неожиданность переходов, демонстрацию использования разных источниковедческих приемов, живые и убедительные характеристики далеких людей и известных политических деятелей; но главное, он не может передать то огромное артистическое дарование, которому среди историков нашего времени не было равных. В артистической среде С. Б. Окунь был признан и любим как очень близкий человек.

В течение 17 лет на кафедре истории работал С. С. Ланда, один из крупнейших музееведов, автор экспозиции Музея-квартиры А. С. Пушкина («Мойка, 12») и Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Царском Селе. В те годы он проводил большое фундаментальное, основанное на введенных в научный оборот новых источниках о деятельности Адама Мицкевича в России (совместно с Польской академией наук)².

Тогда же была написана книга о декабристах, которой он очень дорожил³. И хотя она была сложной по структуре и по содержанию, все студенты должны были прочитать ее к экзамену.

С. С. Ланда был талантливым исследователем и лектором, но для него самым дорогим, вероятно, был талант экспозиционера, в котором ему помогло особое образное мышление. Свой последний спецкурс для студентов он назвал «Романтика музейного поис-

ка», вложив в это понятие свою увлеченность, любовь и надежду на развитие музейного дела и на создание новых, более совершенных экспозиций, значительным шагом к которым была подготовленная им выставка «Мир Пушкина» в Центральном выставочном зале Ленинграда (1990).

В долгой жизни кафедры происходили изменения: кафедра была вынуждена (по распоряжению министерства) отказаться от систематического курса всеобщей истории. В учебных планах развивались новые направления в связи с появлением факультета культурно-просветительной работы, а позднее факультетов культурологии и искусств. Общие фундаментальные курсы на разных факультетах имели свою специфику, с введением на факультете культурологии специальности «музейное дело и охрана памятников истории и культуры» курс истории стал приобретать не только общенаучный, но и профессиональный характер, были разработаны специальные исторические курсы: историографии, архивоведения, истории оружия. Значительное место в преподавании истории стали занимать история культуры, искусствоведение, историческое краеведение и новый общий фундаментальный курс «История Петербурга», разработанный ведущим преподавателем Н. Н. Каретниковой. Он включает лекции с семинарскими и практическими занятиями и авторские экскурсии по городу и требует от студентов выполнения сложных заданий. Тематика лекций и экскурсий расширяется, курс включает новый архивный и библиографический материал. История Петербурга стала важнейшей научной проблемой кафедры истории. Результаты работы над курсом отразились в ряде публикаций Н. Н. Каретниковой, Р. Э. Павловой и А. А. Смирновой (доцента кафедры новейшей истории России) в журналах «История Петербурга», «Город» и в путеводителе «Англий-

ский маршрут» из серии «Санкт-Петербург на перекрестке культур»⁴.

В учебном плане особое место занимает курс изобразительного искусства, который ведет группа искусствоведов под руководством Л. И. Афанасьевой. Значение этого курса не только в получении знаний по искусству (история изобразительного искусства не изучается на специальных кафедрах факультета искусств), но и в изучении возможных форм и методов использования произведений искусства в профессиональной деятельности культуролога, библиотекаря и музыканта. Студенты заочных отделений присутствуют на занятиях по изучению искусства в мастерских художников и на экспозициях крупнейших музеев Петербурга.

Состав кафедры истории сложен, он включает историков разных специальностей: специалистов по русскому средневековью, истории русского крестьянства, по истории общественной жизни и общественного движения XIX века, по военной истории, истории русского либерального движения, истории русско-финляндских отношений, истории Германии XX века, по политической культуре российской революции 1917 года, по истории Петербурга. Научные интересы и научные планы членов кафедры так широки и многообразны, что создание единой научной исторической школы невозможно. Однако все члены кафедры входили и входят в крупные творческие коллективы вместе с учеными других вузов и сотрудниками научных учреждений; участвуют в международных научных конференциях, печатаются в авторитетных научных изданиях, в том числе зарубежных, выступают с лекциями в университетах Европы (Англии, Италии, Испании, Германии) и США.

Коллектив кафедры формировался в течение длительного времени. В ее работе в начале своей педагогической деятельности в разные годы принимали участие крупные ученые и педагоги: член-корреспондент РАН

Р. Ш. Ганелин, профессора Г. Л. Соболев, В. В. Носков, А. В. Гоголевский, а также известные историки кандидаты исторических наук А. Н. Чистиков, Б. Б. Дубенцов. Они внесли свой вклад в создание коллектива, в котором пять докторов наук (четыре профессора), трое из них — молодые доктора.

В прошедшие годы членами кафедры опубликованы десятки монографий, многие главы в коллективных монографиях, введены в научный оборот новые источники. Г. А. Тишкин является ответственным редактором «Очерков по истории (Ленинградского) Санкт-Петербургского университета» Т. I–VIII. С 1962 года и по настоящее время⁵.

Б. Г. Кипнис принимал участие в публикации материалов, связанных с деятельностью Г. А. Потемкина⁶.

Книги Б. И. Колоницкого стали основанием для его успешной защищенной докторской диссертации⁷.

Работа на кафедре историков, занимающихся изучением разных областей истории, не мешает, а помогает не только их научному творчеству, но и профессиональному педагогическому мастерству. Единый подход к сочетанию научных исследований с разработкой лекционных курсов и совершенствованием методики преподавания, соединение вузовской и академической науки, обмен опытом преподавателей разных петербургских вузов — сложившаяся в университете школа историков-педагогов. Она позволяет членам кафедры выступать с публичными лекциями (Н. Н. Каретникова, Б. Г. Кипнис), с материалами по радио России и Петербурга, по петербургскому телевидению (Б. И. Колоницкий, Б. Г. Кипнис), печататься не только в научных, но и в массовых изданиях. Б. Г. Кипнис был автором сценария и ведущим военно-патриотического праздника на Бородинском поле в связи с годовщиной Бородинского сражения. Такая деятельность педагога сближает профессионально его интересы со студенческими.

¹ Окунь С. Б. Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX века. Л., 1956; Очерки истории СССР. Вторая четверть XIX века. Л., 1957.

² Мишкевич А. Сонеты / Подгот. текста и коммент. С. С. Ланда. Л., 1976. (Лит. памятники).

³ Ланда С. С. Дух революционных преобразователей...: Из истории формирования идеологии и полит. организации декабристов. 1816—1825. М., 1975.

⁴ Каретникова Н., Павлова Р., Смирнова А. Санкт-Петербург на перекрестке культур. Английский маршрут. Путеводитель с картой. СПб., 2003.

⁵ Очерки по истории (Ленинградского) Санкт-Петербургского университета / Отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 1962—1989. Т. I—VIII.

⁶ Г. А. Потемкин. От вахмистра до фельдмаршала: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2002.

⁷ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению полит. культуры 1917 г. СПб., 2001; Погоны и борьба за власть в 1917 г. СПб., 2001.

Мои воспоминания*

Н. А. Лейкин

В пригласительном училище Беляева пробыл я два года, и отец отдал меня в Реформатское училище, на Мойке, близ Полицейского моста, которое и поныне существует при французской, голландской и немецкой реформатских церквях в Петербурге. Немецкой реформатской церкви тогда еще на Мойке, близ Морской, построено не было, она построена в семидесятых годах прошлого столетия, и немцы отправляли богослужение по реформатскому обряду, вместе с французами-гугенотами в церкви на Большой Конюшенной улице. Выбор такого училища, где преподавание всех предметов происходило на немецком языке, был сделан отцом после долгих обсуждений и был не без влияния со стороны немцев и голландцев, у которых служили отец и дядя, принадлежавших к реформатскому вероисповеданию. Кроме того, в те времена детей купцов принимали не во все гимназии, и при приемах были большие затруднения. Для детей купцов было коммерческое училище, но это училище в то время было закрытое, исключительно с пансионерами, и тогдашняя плата в 300 рублей в год была для отца не по средствам. Существовал на Васильевском острове коммерческий пансион Гирста, но там плата была еще выше. Реформатское же училище брало за ученика только 60 рублей в год. Также отец и дядя, служа у иностранных купцов, где обращение со служащими было неизмеримо лучше, чем у русских купцов, и проча и меня на службу в подобную же контору, — они видели, какой недостаток представляло им по службе незнание иностранных языков, а потому и хотели, чтобы я научился немецкому и французскому языкам. Отец очень часто говорил, что товарищ его бухгалтер, знающий по-немецки и по-французски, получает вдвое больше его, и работы у него менее.

И вот я в Реформатском училище. Определен я был туда почему-то не в начале учебного года, а в октябре. Отец привел меня рано утром к инспектору Реформатского училища Гордаку, жившему при училище. Гор-

Набережная Мойки у Реформатской церкви.
Фотография К. К. Буллы. 1890-е гг.

дак — седой старик немец, давно небритый, с щетинистым подбородком, небольшого роста, краснолицый, с длинными волосами, принял нас у себя в кабинете, но оказался почти не говорящим по-русски. Меня поразили костюм его. Одет был в застегнутое на все пуговицы пальто, без признаков белья и был в резиновых галошах. Прибавлю, впрочем, что на шее его была намотана косынка. Помню, что отец объяснялся с ним чуть не пантомимой. Говорили довольно долго, не понимая друг друга, Гордак по-немецки, вставляя русские и французские слова, отец — по-русски, перемеживая разговор с немецкими и французскими словами, какие знал. Гордак четверть века прожил в Петербурге и не научился по-русски. Он развернул книгу, дал мне прочитать по-немецки. Дрожа всем телом, чуть не плача и заикаясь (в детстве я сильно заикался), я прочитал несколько строк. Затем я прочитал по-французски. Гордак стал спрашивать меня таблицу умножения по-немецки. Я спутался по-немецки и не мог отвечать. Он взял грифельную доску и начал задавать мне вопросы из таблицы умножения, ставя цифры на доске. Я отвечал также письменно. Он покачал головой, вынул из кармана леденец и, подавая его мне, сказал: «Im ganzen gut. Da hast du». Я был принят. Отец заплатил

деньги за учение, получил квитанцию и стал прощаться со мной, я заплакал. Из кабинета мы вышли вместе. Гордак взял меня за руку, повел в коридор. Большие часы в коридоре показывали девять. Около часов висел большой колокол. У колокола стоял школьный сторож (Schuldiner). Гордак сделал ему знак и крикнул: «Zum Gebet!» (К молитве!). Сторож зазвонил. Распахнулись двери, выходившие в коридор, и из них толпами стали выскакивать ученики всех возрастов и в самых разнообразных костюмах. Все бежали на молитву, куда повел и меня Гордак.

Молитва происходила в самом большом из классов училища — в Secund'e, во втором этаже, куда собирались ученики всех классов. Здесь стоял большой орган в ясеневом чехле. На классной доске были написаны по-немецки стихи псалма. Гордак сел за орган и стал играть мелодию. Ученики запели псалом. Вот псалом пропет. Старичок гладкобритый с крючковатым носом, в длинном черном сюртуке, стал читать «Отче наш» на немецком языке. Это был законоучитель училища для немцев, лютеран и реформатов, пастор Клипп.

Молитва кончилась. Учителя и воспитатели стали разводять учеников по классам. Я, новичок, никогда не видевший такой церемонии, стоял

* Продолжение. Начало в № 1 (11) — 3 (13) за 2003 г.

оробевший и не знавший, что мне делать. Инспектор Гордак взял меня за руку и повел в класс в нижнем этаже. Когда мы туда входили, я прочитал над дверями надпись «Quarta».

Гордак остался в классе и начал преподавать арифметику. Урок начался с того, что он заставил весь класс писать в черновые тетради, которые, кстати сказать, назывались «олляпотридами» (ollepotrida), таблицу умножения на 11, 12, 15 и 16. Все ученики писали и при этом хором пели по-немецки, что пишу. Сам Гордак ходил в это время по классу, мягко ступая ногами в резиновых галошах и при этом усиленно нюхая табак. Когда таблица умножения была написана, он вызвал одного из учеников к доске, велел писать задачу и затем решать ее вслух. Остальные ученики молча делали это же у себя в тетрадях.

Гордак стоял около доски и при малейшей ошибке ученика ругал его ослом, поросенком, обезьяной. Наконец, посыпались затрещины, подзатыльники. Несколько раз дергал он ученика за вихор, за ухо и, когда задача была кончена, уже ласково награждал его шелчком в нос (Stiebernase), при чем велел благодарить. Начался осмотр тетрадей с задачами, и здесь затрещины, сопровождаемые ругательствами. Однако какого-то ученика за замаранную тетрадь он выслал из класса, сказав: «Spazier... Десять на рук». Он любил вставлять в немецкую речь русские слова. Ученик заплакал, удалился и вернулся, дуя в кулаки. Школьный сторож, шульдинер, отбарабанил его по рукам розгой. Был выслан и еще ученик с приказанием получить пять ударов по штанам.

— Bekomm fünf auf die Nosen, — сказал Гордак спокойно.

Такие наказания меня поразили. Я сидел ни жив, ни мертв и при этом слышал, как в коридоре раздалось пять резких ударов. Ученик вернулся заплаканный. Я и сам чуть не плакал.

Сделавших верно задачу (припоминаю, что это было что-то из именovaných чисел) и подавших ее, чисто написанную, раньше, чем ее окончил ученик на большой доске, Гордак записал в классный журнал в отдел «Lob» (похвала). Потерпевшие телесное наказание были записаны в отдел «Tadel» (порицание). Урок кончился.

Гордак преподавал арифметику, алгебру и геометрию во всех классах, кроме пригготовительного, а было их всех пять: квинта, кварта, терция, секунда и прима, а через год после моего поступления сделали шесть, поделив терцию на клейн-терцию и гросс-терцию.

Гордак был превосходный преподаватель арифметики, с отличной системой (решение больших задач в голове), но необычайно жестокий даже и для того времени учитель. Затрещины, удары по затылку, удары по щекам, дранье за волосы и за уши, наказания розгой по рукам и «по штанам» (ударяли обратной стороной розги, окомелком) от него так и сыпались. Не освобождались у него от этих наказаний и ученики старших классов, юноши 17–18 и более лет. Телесное наказание тогда существовало во всех училищах духовного, гражданского и военного ведомств, даже в Пажеском корпусе и Училище правоведения, но оно применялось в исключительных случаях, Гордак же расточал наказания каждый день во время каждого урока, причем он и сам собственноручно бил и драл учеников за

волосы. Часто за небольшие провинности заставлял провинившихся учеников самих таскать друг друга за волосы и наслаждался этим зрелищем. Другие учителя били сдержаннее, были такие, которые совсем не употребляли телесные наказания, но он, как инспектор училища (директора училища при моем поступлении не полагалось), являлся в класс на урок для наблюдений и производил от себя свою жестокую расправу. Иногда он наказывал за одну и ту же вину три раза: во время урока, по субботам, когда делалась сводка «любов» и «таделей», и при третних отметках.

По субботам воспитатель представлял Гордаку сводку «любов» и «таделей», и он сам надписывал и выдавал билеты за прилежание (fur Fleiss): зеленые за три лоба, синие — за четыре и красные — за пять. Удостоившихся же быть записанными в течение недели три раза в «тадель» приказывал отбарабанивать шульдинеру десять ударами розги по штанам. Экзекуция эта происходила в комнате, носившей название «конференции». В ней собирались учителя во время перерывов, стояли шкафы с книгами, с физическими инструментами и кое-какими предметами по зоологии и минералогии. Здесь же в отдельном шкафчике находились и розги в ведре. При субботних экзекуциях Гордак обыкновенно присутствовал сам. По окончании классов в субботу сюда стонялись все ученики, получившие три «таделя». Иногда их было 10–15. Шульдинер Петр — русский, отставной солдат, или Томас, финляндец, наказывали их поочередно. Ученик ложился животом на табуретку, шульдинер натягивал одной рукой штаны, а другой производил удары розгой по штанам. Когда ученик уже получил определенное число ударов, Гордак часто глумился и спрашивал его:

— Ну, что, сладко (suss)?

Порядки и быт Реформатского училища, существовавшие полвека тому назад, впоследствии были у меня описаны в отдельном очерке под названием «Учебный день в немецкой школе», помещенном в «Отечественных Записках» Краевского, а затем изданном отдельно в сборнике рассказов «Ребятишки», но там не говорится, какое это было училище, и не называются по фамилиям учителя.

В квартире я просидел всего два-три дня. Должно быть, знания мои оказались выше преподаваемого там. Гордак явился в класс в первый урок,

Набережная Мойки у Полицейского моста.
Фотография К. К. Буллы. 1890-е гг.

поманил меня пальцем, велел следовать за собой, привел в класс терцию и посадил на садило в парту.

— Сиди теперь тут, и ты будешь терцианер, — сказал он мне по-немецки.

Я был переведен в терцию, тогда еще не разделенную на два класса — клейн-терцию и гросс-терцию. Помню, что здесь было мне учиться трудно. Программа этого класса была слишком обширная, что осознано и школьное начальство, поделив класс на два класса. Преподавалась физика, физическая география, зоология, история, кроме арифметики, алгебра и геометрия — и все на немецком языке, а знания мои из немецкого языка, при поступлении моем в это училище, ограничивались только тем, что я умел читать и писать и знал сотни две слов.

Первое время приходилось мне в терции сидеть, слушать и хлопать глазами, ничего не понимая. Пробовал я учить географию вместе и по немецкому учебнику, и по русскому Арсениева, а историю читал по Кайданову, по не мог отвечать уроков по-немецки и получал худые отметки, попадал в тадель, хотя мне, как русскому и к тому же заикавшемуся, делали снисхождение. Начались наказания — битье по рукам, стегание по штанам, хотя я подвергался наказаниям сравнительно с другими редко. Кончилось тем, что в терции я провалился на экзаменах и должен был остаться на другой год.

Пребывание мое в Реформатском училище надо разделить на две эпохи: первую — при инспекторстве Гордака и вторую, когда после его смерти был приглашен инспектором известный преподаватель французского языка, составитель знаменитого учебника французского языка, Давид Марго, учебника, который в употреблении еще и теперь.

Эти эпохи одна на другую совсем не похожи. Варварство старонемецкого гордаковского режима сменилось просвещенными реформами Марго, уроженца французской Швейцарии. Марго был тогда красивый, высокий, средних лет брюнет с бакенбардами, очень франтоватый. Находясь у приходов на частной службе, он все-таки любил ходить по классам в вицмундирном фраке, так как состоял в то же время преподавателем где-то в казенном училище. Приняв управление училищем, инспектор Марго, по соглашению с церковным советом, сменил почти всех учителей гордаковс-

кой эпохи. Повяло новым духом, свежим воздухом. Началась чистка. Реформы эти застали меня в секунде.

Сделаю, однако, характеристику учителей и преподавания гордаковской эпохи.

Учитель немецкого языка, Шульце, был доктор философии и теологии, как значилось на дверной дощечке его квартиры, находившейся в доме училища. В мое время он преподавал уже лет пятнадцать в Петербурге, и так же, как и Гордак, нисколько не научился говорить по-русски. Это был пожилой человек с зачесанными назад длинными волосами, в очках, с полным бритым лицом. Ходил в длинном пасторском сюртуке и был всегда в белом галстухе с громадными острыми воротничками сорочки. Преподавая к трех старших классах немецкий язык и немецкую литературу, увлекался Шиллером и Гете и часто даже на уроке грамматики заставлял нас декламировать «Валленштейнов лагерь» и другие драмы, для чего каждому назначал роль. На задней скамейке сидел хор-народ. Декламировал он иногда и сам «Фауста» на распев, с жестами, с выкриками, как старинные трагики. Из нас, кто сильнее кричал, вращал глазами, подражая ему, тот и удаивался «лоба». Шульце был большой комик, человек не злой и телесных наказаний придерживался только по обычаю, любя при этом оправдывать себя фразой:

— У нас в Германии нас и не так еще драли.

Сам он не дрался, хотя ругал лентяев. Ученики его любили. На уроке он часто упоминал, что он — бывший гейдельбергский студент, дрался на дуэлях и прибавлял:

— Heidelberg! Das ist die Sache!

Он любил выпить и на уроки иногда являлся выпивши.

Учитель физики и естествознания — Зеэцен, худой, высокий старик с гладко бритым лицом. На урок всегда являлся в вицмундирном фраке, на шею наматывал черную косынку, из-за которой вылезали необыкновенно острые воротнички сорочки, торчавшие вперед. Табакерка постоянно бывала у него в руках. Он с присвистом нюхал табак и сморкался в громадный красный фуляровый платок. Любил упоминать, что он Hofrath — надворный советник. Кроме нашего училища, преподавал что-то в гимназии, но по-русски говорил очень плохо. Во время уроков физики опытов делать не любил и всегда говорил:

— Когда-нибудь в другой раз покажу. Ключи от шкафа с машинами у инспектора, а он, кажется, спит.

Учитель русского языка и литературы — Нувель, совсем больной старик. Иногда приходил в класс, садился и засыпал, и мы затихали, давая ему спать. Часто, придя в класс, принимал порошки, накапывал себе капель на сахар. Он был почти всегда в дремоте. Граматику преподавал по Гречу «отсюда и досюда», и спрашивал в зубряжку. Книжкой для чтения была книга «Друг детей». О Пушкине, Гоголе, Грибоедове мы от него ничего не слышали. Помню, он что-то месяца два диктовал нам по частям стихотворение «Умирающий Тасс» и заставлял его учить. Нувель почти никого не награждал ни таделем, ни лобом, не дрался и телесных наказаний не назначал. Очевидно, ему было не до них. Тоже являлся в вицмундире и страшно нюхал табак. Грудь сорочки его была усыпана им.

Преподаватель французского языка — Лезгилье, он же и классный воспитатель. Тоже больной старик, расслабленный на ноги. Маленький, худой, плешивый. Ходил в пальто с поднятым воротником и в плисовых сапогах. Пансионеры инспектора Гордака про Лезгилье рассказывали, что он ночью спал в меховом мешке и меховом колпаке. Про его преподавание у меня в памяти ничего не осталось, но помню, что, когда преподавать французский язык стал Марго, он ужаснулся на то, что увидел. Даже в терции некоторые ученики едва умели читать по-французски.

Фишер — учитель истории и географии. Средних лет человек в вицмундире, с бакенбардами, в золотых очках. Отлично знал свой предмет, умел заинтересовать учеников, у него прекрасно учились и любили его. Преподавал по-немецки, но для русских иногда объяснял и по-русски. По-русски он говорил отлично. У него была превосходная манера преподавания географии. Он заставлял на память чертить карты частей света, расставлять на них крестиками главные города, и ученик должен был делать «путешествие». Так, например, по карте Европы отправлялись из Белого моря в морское путешествие вокруг Европы, ученик, указывая палкой, называл попутно все моря, заливы, впадающие в них реки, острова и доходил до Черного моря. Карты государств задавал он чертить на дом в особых тетрадах. На это дело были за-

мечательные искусники и раскрашивали карты акварелью. У некоторых учеников собирался таким образом географический атлас, сделанный ими самими. И у меня был такой атлас. Заниматься рисованием карт я любил. Фишер был враг зубрежки, что тогда представлялось особенностью, редкостью между учителей. Историю он преподавал, читая по своим запискам, как в высшем заведении, читал с интересными подробностями, внятно, останавливаясь и делая комментарии. Ученики старших классов всегда успевали записывать, что он читал, и уже во время урока запоминали, что писали. Спрашивал прочитанное он очень редко, двух-трех учеников, и всегда награждал их лобами. Фишера очень любили, называли его справедливым человеком и хорошо у него учились. О нем я сохранил лучшие воспоминания. Он был противник телесных наказаний, но иногда ему их все-таки приходилось применять вследствие давления инспектора Гордака.

Учитель чистописания, Мессер, худой и длинный старик в вицмундире, в парике. Прописи чистописания его были тогда приняты чуть ли не во всех учебных заведениях. На чистописание тогда обращалось огромное внимание. Он также учил и чинить гусиные перья и ставил за это отметки. Часто, написав на доске каллиграфически какое-либо изречение, он заставлял его списывать, причем ученики писали и при каждом утолщении буквы пели: *un, deux, trois, quatre*. На уроках каллиграфии во время моего поступления в училище у Мессера писали гусиными перьями, хотя стальные перья были уже достаточно распространены и употреблялись нами во время других уроков. Стальные перья он допускал только для писания готическими буквами, курсивами, буквами с завитками, что также преподавал. Ученики, особенно успешные в каллиграфии, писали к экзаменам на листах ватманской бумаги различными почерками и буквами «Отче наш» на немецком и русском языках, «Боже, царя храни» и оды Державина.

Лучшие из этих образцов гравировального письма вставлялись в рамки под стеклом и вешались в классах на стенах, где висели также лучшие географические карты, сделанные учениками. Мессера любили, хотя он, иногда раздраженный неряшливостью учеников при чистопи-

сании, колотил особенно неряшливых линейкой по пальцам. Зато никто не расточал ученикам столько лобов, как Мессер. Помню, что у нас из училища выходили замечательные каллиграфы.

Пасторы Клипп и Иккен преподавали по-немецки Закон Божий для протестантов, но и мы, русские ученики, а также поляки, немцы и французы-католики сидели тут же в классе и слушали преподавание, хотя и не учили задаваемых ими уроков. О пасторе Клиппе я уже упоминал. Он был лютеранин и преподавал «Religion» во всех классах, всем протестантам. Это был человек, мало уступавший в жестокости Гордаку. Иккен преподавал только катехизис ученикам реформатского исповедания. Он состоял пастором при немецкой реформатской церкви, был человек молодой, но отличался болезненностью, сильно кашлял с страшными приступами и умер от чахотки.

Закон Божий для православных преподавал священник Михайловского инженерного замка, о. Гавриил Розов, маленький дряхлый старичок, очень неряшливый, в сильно засаленном на груди подряснике и всегда с отшлепанным подолом рясы. Задавал он священную историю Ветхого и Нового Завета «отсюда и досюда» и требовал, чтобы учили в зубряжку, говоря ученикам:

— Что ж, книга-то глупее тебя, что ты своими словами рассказываешь? Ты говори, как в книжке написано. Ее умные люди писали.

Учились у него очень плохо. Впрочем, он был человек очень добрый и таделей не расточал, зная, что после трех таделей в неделю всегда в субботу следовало телесное наказание от инспектора. Преподавание им Закона Божия происходило вне классного времени, всегда по окончании всех уроков. Полагаю, что это было так за неимением в училище свободных комнат. Очень комичная сцена происходила всегда, когда наш законоучитель встречался с пастором Клиппом. Клипп не говорил по-русски, а Розов не знал немецкого языка. Клипп при встрече всегда подносил ему табакерку. Оба они нюхали, улыбались, хлопали друг друга по плечу, справлялись каждый на своем языке о здоровье, при чем Клипп твердил:

— *Gesund? Gut?.. Recht gut...* Карашо, карашо.

А Розов на это ему тоже в виде приветствия отвечал:

— Благодарение Создателю, не жалуясь. Да и вы ведь не жалуетесь. Вот нюхаем вместе табачок. Да, да... дружески нюхаем. Хотя вероисповедания-то у нас разные, но Бог-то ведь один. Один Бог-то... указывал он в потолок.

В внеклассное время преподавались у нас и private языки — английский и латинский, за ничтожную плату — один рубль в месяц, а учеников голландцев учил голландскому языку пастор голландской церкви.

Впоследствии, находясь уже в секунде, я стал посещать классы языков латинского и английского.

Английский язык преподавал мистер Бишоп, отличавшийся необыкновенным чудачеством. То он зимой отворял в классе форточки для освежения своей головы, то сообщал, что сегодня у него геморрой разыгрался, поэтому он должен делать гимнастику и начинал ее делать тут же, во время урока, прыгая, размахивая руками и ногами, заставляя при этом делать то же самое и учеников. Являлся он всегда в класс с леденцами и во время урока сосал их или ел шоколад. Зимой он ходил в холодном даже не наващенном пальто, и только на шее у него были накручены в несколько рядов бывшие тогда в большой моде женские меховые хвосты-боа. Все говорили, что он был сумасшедший... Да он был больной, страдал хореей. По временам все лицо его подергивалось, и он делал такие гримасы, что ученики часто не могли удержаться от смеха, да не одни ученики, а и шульдинеры. За этот смех он записывал учеников в тадель, а иногда и шульдинеров. Раз он записал в тадель даже пуделя инспектора Гордака, Каро, всегда сидевшего на лестнице около квартиры Гордака, бросившегося на него с лаем. Невзирая на такие чудачества, он преподавал тогда английский язык и в коммерческом училище, а также и в некоторых аристократических домах, о чем всегда любил повествовать нам, ученикам, но повествования эти заключались, главным образом, в перечислении тех роскошных блюд, какими его кормили во время обеда в доме его учеников. По-русски он говорил, хотя и ломаным языком, но недурно.

Латинистом был у нас немец Шуман, очень угрюмый, косматый, пожилой человек, ходивший в вицмундирном фраке с необычайно замасленным бархатным воротником и штопаными локтями, с какой-то

круглой серебряной луковицей в виде часов, которую вынимал из жилетного кармана и клал во время урока перед собой на стол. Являлся он в училище с большой фарфоровой трубкой на выгнутом коротком чубуке, и мы часто видели его, как он курил ее, сидя в ожидании урока в конференции — комнате, о которой я уже упоминал.

Перечислив почти всех учителей, бывших в училище во время инспекторства Гордака, и их манеру преподавания; упомяну о преподавании истории России. История России преподавалась в то время, как это ни странно, на французском языке и учителем этого языка. Говорили тогда, что это для практики во французском языке. Помню и учебник этой русской истории, изданный в Париже. Это была маленького формата книжечка, но довольно объемистая, в конце которой были вырезаны странички, описывающие царствование Павла I.

При плохом знании французского языка, историю России никто из учеников так и не мог себе усвоить и ничего из нее не знал. Прибавлю, что французский учебник, по которому проходили историю России, был учебник всеобщей истории, и из него делали выборки, только касающиеся России.

В первый раз, когда я вернулся домой из Реформатского училища, дома у нас было буквально торжество. К обеду был испечен клетчатый пирог с вареньем, и вечером пили шоколад, а шоколад у нас пили только в дни семейных торжеств. Меня старались пичкать самыми лакомыми кусками, засыпали расспросами об училище, спрашивали, что я ел в училище. Дело в том, что никто не ожидал, когда отец мой повел меня в училище, что я в тот же день в нем и останусь, а потому и не дали мне с собой завтрака. Отец водил меня просто на показ и для экзамена, но Гордак, не отпустив меня домой, сейчас же и засадил в класс. Отец, прощаясь со мной, сунул мне в руку мелочи и сказал, чтобы я послал кого-нибудь купить мне что-либо съестное. Помню, что в большую перемену в полдень, когда нас, учеников, выпустили на двор гулять и для завтрака, меня, как новичка, окружили со всех сторон мальчишки-товарищи и просили дать им «пожрать». Я отвечал, что еды у меня нет, но если можно купить, то у меня есть деньги. Сейчас же вызвался на это какой-то шустрый мальчик, и когда я дал ему пятиалтынный, он

сбегал в мелочную лавку, находившуюся через дом от училища, и принес огромную ватрушку с брусничным вареньем, которую тут же все искромсали перочинными ножами, оставив мне самый маленький кусочек. Впоследствии я увидел, что мелочная лавка эта играла огромную роль в жизни учеников. Там покупались учениками, помимо еды и лакомств, хлопущки, стальные перья, карандаши, грифель, бабки и папиросы, кислые щи и квас, резиновые мячики и даже извозчишки кнуты. Кнуты носили при себе многие из учеников под жилетом в защиту от учеников шведской школы, находившейся вблизи, и с которыми всегда происходили драки, когда ученики распускались домой после классов. Помню, что в лавке этой некоторые пользовались даже кредитом, и были случаи, что неисправныхплательщиков, когда на них жаловался лавочник, наказывали в училище по «штанам».

А драки происходили большие. Ученики ходили в синяках, с расцарапанными лицами. Отец, отправляясь утром в контору на Васильевский остров, завозил меня в училище сам, а к окончанию классов за мной присылали прислугу, которая и сопровождала меня домой, но впоследствии я стал один возвращаться, и помню, что был изрядно избит и до синяков учениками шведской школы, хотя я был не особенно здоровым и сам в драки не лез. Дрались кнутами, твердыми резиновыми мячиками на веревках, линейками, которые тогда были принадлежностью каждого ученика, ремнями от штанов. Городовых тогда не было, будочники с алебардами стояли только около своих будок на углах, и разгонять драчунов было некому. А дворники и извозчики так даже нарочно подзадоривали мальчишек на драку. Драка в то время в Петербурге считалась даже спортом. По праздникам рабочие одного из заводов дрались с рабочими другого завода. На Калашниковской пристани крючники ходили в драку партиями на партию или «стенка на стенку», как тогда выражались. Драку начинали мальчишки, которые назывались «задирами». На драки эти являлись зрителями купцы, часто и сами, не утерпев, вступали в бой и награждали победивших деньгами, делая складчину. Были случаи увечья. Полиция знала об этих драках, но не препятствовала, смотрела на них сквозь пальцы. Драки происходили и между семинаристами, дрались невские пев-

чие с певчими исаакиевскими, дрались приказчики-«суровщики» Апраксина двора с приказчиками Шукина двора, торговавшими съестными припасами. Дрались они, возвращаясь домой, после запора лавок, на площади, у Чернышева моста, где тогда не было садика. В Ямской также были драки. Молодые парни этой местности ходили драться с парнями Волковой деревни, и драки эти происходили на Волковом кладбище. У нас были знакомые, которые по праздникам ездили смотреть на эти драки и потом с восторгом рассказывали о победителях.

Находясь в терции, я скоро стал усваивать себе немецкий язык, хотя в училище поступил умея только читать и писать, но последнее с грехом пополам. Предметы все преподавались по-немецки, учителя говорили по-немецки, ученики тоже, хотя дети ремесленников, вертевшиеся дома около русских мастеровых, говорили и со вставками в немецкую речь русских слов, жаргона, поговорок, а часто русские глаголы спрягали на немецкий манер. Приведу фразу: «Er wollte mich припека'ен, aber hat eine фи́га с маслом aufgegessen». Слова в роде извозчик, пожарный, будочник, гривенник, на водку, булка — перемешивались и с немецкой речью учителей. Просидев в училище месяца четыре-пять, я уже довольно сносно усвоил себе немецкий язык и стал понимать преподавание предметов на нем.

Сидел я в первое время в класс на задней скамейке, около стены, где были прибиты вешалки, и висело верхнее платье учеников. Простота тогда была такова, что не было передних для верхнего платья, и оно вешалось в классах. В дождь и снег оно было мокрое. Иногда текли с него потоки воды.

Надо прибавить, что на задних скамейках сидели всегда лентяи, а также и русские ученики, не усвоившие себе еще немецкого языка. Сидел я рядом с русскими учениками. По одну сторону от меня был В. П. Лукарев, а по другую — М. И. Пыляев, оба сыновья торговцев-гостинодворов.

Впоследствии мы переходили вместе из класса в класс и вместе окончили курс в 1859 г. Подружившись в училище, Лукарев, Пыляев и я остались большими приятелями и до зрелого возраста. С Пыляевым я сохранил хорошие отношения даже до самой его смерти. Михаил Иванович Пыляев, впоследствии видный писа-

тель, автор книг — «Старый Петербург», «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга» и друг., был, как уже я сказал, сыном купца, имевшего в то время известный парфюмерный магазин в Гостином дворе. Пыляева я впоследствии встречал у редакторов-издателей журнала «Искра»: карикатуриста Н. А. Степанова и В. С. Курочкина, а также и у брата последнего, Н. С. Курочкина — переводчика итальянского поэта Джустини, но во время существования «Искры» Пыляев еще ничего не писал литературного. На литературное поприще Пыляев выступил при возникновении «Петербургской Газеты», а затем много писал в газете «Новое Время».

Неприветливы в то время были классы училища. Содержались они грязно, полы были простые, не крашенные, с выбоинами, с скрипящими половицами, паутина редко обметалась, в партах, окрашенных когда-то в зеленый цвет, с черными верхними досками, глубоко изрезанными перочинными ножами, ползали тараканы, питавшиеся от крох приносимых учениками завтраков. Углы были затканы пауками, и, помню, мы кормили их наловленными мухами. Зимой освещения не полагалось, а уроки начинались в 9 часов, было еще темно, но приносить свое освещение не возбранялось, и вот мы являлись в училище с свечными огарками, которые и горели у нас прилепленные к партам, пока не сделается светло. Называлось это иллюминацией, и мы очень любили те дни, когда можно было пользоваться ею. Она служила нам забавою. Для питья учеников, помню, в одном из классов была большая глиняный горшок — «машинка», фильтрующая воду, но в остальных классах простые деревянные ведра с водой и привешенными к ним железными ковшиками. В каждом классе была довольно высокая кафедра, но учителя редко на нее влезали, предпочитая сидеть за простыми столами. Кафедра служила только кустосу — старшему ученику, для чтения молитвы; по окончании классов читали всегда «Отче Наш» по-немецки.

Здесь кстати упомянуть о кличках или прозвищах. Хорошая половина учеников носила прозвища, данные друг другу. Были Катька, Машка, Affe (обезьяна), Maulthier (сурок). Прозви-

ща эти иногда давал учитель немецкого языка Шульце. Меня он прозвал Lух (рысь). Кличка эта за мною так и осталась.

Первые летние мои каникулы совпали с первым переездом на дачу нашего семейства. Отец и дядя получили прибавку и могли позволить себе это удовольствие. Дача была нанята на Карповке, в большом доме, стоявшем в запущенном саду с вековыми деревьями, с множеством гнезд грачей и ворон на березах, со старым ягодником, с парниками и огородом, где я впервые ознакомился с разнообразными растениями, птицами, насекомыми и полюбил природу, слушая рассказы дворника, отставного солдата Степана с бельмом на глазу, о народных поверьях, приметах, воззрениях простого народа на пчел, кукушку, соловья, ворону, муравьев и о целебных свойствах подорожника, зверобоя, зари, березовых почек и т. п. Степан был поэт в душе и любил повествовать. Помню, что старый дом имел три квартиры: в одной жили мы, в другой — семейство К., гостинодворца, за которым была замужем моя родная тетка, сестра отца, а третья квартира пустовала. Старший сын К., мой двоюродный брат Александр, был моим товарищем по прогулкам. Мы ловили колюшек в Карповке, катались на лодке, ставили устроенные дворником Степаном западни для чижей. Карповка была речкой, в которой я впервые искупался. Помню, подоконник моей комнаты уставился коробками с жуками, гусеницами бабочек, банками с лягушечьими головастиками, дождевыми червями. Меня все интересовало, от всего этого я приходил в восторг, ибо видел впервые. Появились клетки с чижами, малиновками. Домашние мои отнесли ко всему этому неблагоприятно, выливали из банок головастиков, выпускали птиц, выбрасывали червей, но банки, коробки и клетки опять появлялись. Помню, в какое изумление пришел я, когда из гусеницы (которую я тогда звал червяком), превратившейся у меня в коробке в куколку, чрез несколько времени вышла бабочка. Это была большая серая ночная бабочка соснового шелкопряда с крылышками, сложенными салопчиком. Я показал ее дворнику Степану. Степан посмотрел на нее мрачно и сказал:

— Это — овечья смерть. Вот ежели в ухо овцы такая забьется, то овца и помирает. Убейте ее. Это — нечисть.

Беседы мои с дворником Степаном послужили мне впоследствии для расцветки нескольких моих рассказов из народного быта. На следующее лето мы жили уже на другой даче, но некоторая связь со Степаном все-таки сохранилась. Мать моя взяла его пятнадцатилетнюю дочь Феклу к нам в дом в подьяньки, и Степан во времена приходил навещать дочь, угощался чаем, и я имел возможность слушать его рассказы.

Случай превращения гусеницы в бабочку у меня в коробке настолько пристрастил меня к этим насекомым, что я стал ловить их и собирать и делал это в последующее лето. Собирающие бабочек обратилось у меня впоследствии в страсть. Года три-четыре спустя, когда мы уже жили на даче в Лесном, о страсти моей узнал проживающий там также на даче преподаватель естественных наук в каком-то учебном заведении Э. Пюбер. Он был большой любитель-энтомолог и собирал бабочек для какого-то правительственного музея. Племянник его служил с моим дядей Василием в конторе Боненблуста, и вот этот Пюбер через дядю пригласил меня к себе, и я уже под его руководством собирал бабочек целое лето в Лесном. Научил он меня умерщвлять их, чтобы не попортить крылышек, расправлять, сохранять, определять, для чего у него было много книг по этому предмету. Это был очень милый и добрый пожилой, уже обрусевший немец. Одна его нога была значительно короче другой, и хоть он и ходил и сапоге с двумя большими каблуками, но изрядно хромал. Вооруженные кисейными сачками на палках, коробками с пробкой через плечо для накалывания насекомых, с зонтиками для стряхивания на них с кустов гусениц, много мы обошли с ним в Лесном и его окрестностях лужаек, лесных опушек, заборов, отыскивая под последними спрятавшихся от солнца ночных бабочек. От Пюбера я научился и названиям бабочек на русском, немецком и латинском языках. Впоследствии у меня образовалась хорошая коллекция этих насекомых.

Продолжение следует.

Панорама Санкт-Петербурга. А. Ф. Зубов. 1716 г.

Город в песне, или Путешествие из Петербурга в Москву, или Прощание с Петербургом*

111. ПРОЩАЙ, СЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРХ

Прощай, славный Петербурх,
Оставляем мы тоску,
Прости, славна Миллионна,
Прости, желтый дом кадетский,
Прости, Ржевское кружало,
Прости, мать Нева-река,
По волнам твоим гуляли,
Острова все и заливы
С кораблями биржа главна
Ты, Калинкина деревня,
Девкам всем была доука,
Во несчастной нашей доле
Ты, Матисова с Коломною,

стеснен стал в тебе наш дух.
отъезжаем мы в Москву.
нам ходить в тебя уж полно.
весь прибор наш молодецкий.
ты нас много попужало.
широка и глубока,
много штормов мы видали,
теперь очень нам не милы.
и Варяжско море славно.
[...]
молотцам же всем прилука.
мы сидели тут в неволе.
где приезд наш был с повольной.

111. Прощание с Петербургом, или Путешествие из Петербурга в Москву.

Славные примечательные места

Петербургские:

Миллионная улица — сохранила свое имя.
Желтый дом кадетский — морской кадетский или сухопутный шляхетный корпус.
Ржевское кружало — питейное заведение.
Калинкина деревня — в низовье Фонтанки, в Коломне.
Матисов остров — входит теперь в территорию порта.
Мокруша — Екатерингофский канал.
Стрелка — так в Петербурге называют оконечность острова (напр., Елагина, Васильевского).

Московские:

Тверская
Можайская
Пятницкая
Сретенская
Мясницкая
Арбат
Пролом

* Статья выполнена при поддержке РГНФ; проект 02-04-0021а.

Вид Москвы с Воробьевых гор. Фрагмент. Худ. Я. Бликлант. 1708 г.

Е. Е. Васильева

В праздничное время 300-летия Санкт-Петербурга воздух насыщен его именовани­ем и хвалением. Мно­жество песен, давно любимых и вновь сочиненных, теснят друг друга, соперничая в притязании на внимание и память. Где начало этого потока песен? Каково оно?

Хочется увидеть исток в начальном периоде жизни города, в петровском времени; мы ищем его в панегирических кантах, украшавших триумфы на победы и разъяснявших величие совершавшихся событий, — и не находим. Прочитайте замечательную «историческую сюиту», опубликованную в «Русских кантах от Петра Вели-

кого до Елизаветы Петровны»¹, и удивитесь: в них нет имени города, о котором было столько попечений, в котором скрещивались все пути и стремления, воплощались великие замыслы. Язык псалмов и постепенно вырабатываемых церемониальных оборотов не нуждался в нем. Как средоточие памяти и особых форм жизни город еще не существует, а для утверждения его идеи важны возвышающие аллюзии. «Град Петров» в этих текстах еще кружится, не укладываясь в магический кристалл формулы. Величание императора «Петре камень твердый, паче адаманта»² двоится, его главная фигура — первоверховный апостол Петр. Продолжение строфы — «на камени толиком яко утвердися» — про-

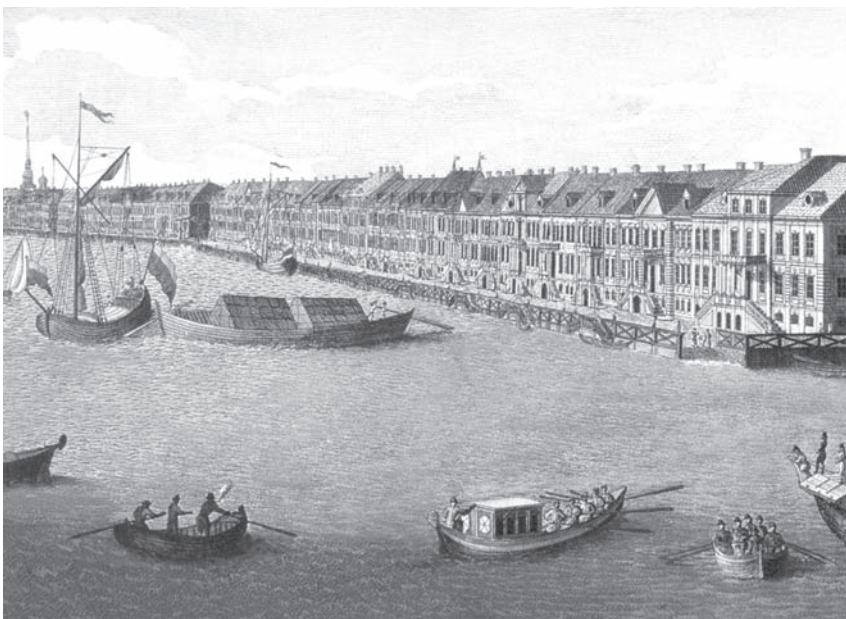
длевает аллюзию, вызывая в памяти слова, внятные всякому православному: «Ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою, и врата адовы не одолеют ей». Так имя императора, основателя новой столицы, преобразователя государства, получало сакральное подтверждение.

Спустя поколение то же имя прозвучит иначе: «Гряди наш свет, Елисавет, в град самодержавный, Петром основанный!» — так начинается написанная М. В. Ломоносовым «песнь на встречу Ея Императорскаго Величества Елизаветы Петровны», возвращавшейся после коронации из Москвы в Петербург³.

Канты, выраставшие из псалмов, входят в более широкий круг музыкально-поэтических произведений, которые отечественная наука уже привычно называет «книжными песнями», однако не составляя весь его объем. У «книжной песни» свои разнообразные темы, стилистические закономерности; свои, еще не вполне познанные, судьбы. Рукописи, вмещающие «книжные песни», называют «рукописными песенниками»⁴.

Этот термин приходится отделять от привычного словоупотребления, он условен. Разряд «рукописных песенников» объединяет различные по объему, составу и времени написания книги: созданные в монастырских скрипториях собрания духовной лирики; последования панегирических кантов на разные случаи; хорошо соотнесенные сочетания «псалмов», «кантов» и «песен». Со временем среди них все чаще можно встретить «песенок чувствительных тетрадь» (каковую всегда готов был списать Молчалин). При всех различиях есть и объединяющее их свойство: все «книжные песни» непременно жили в звучании, письмо их только закрепляло. Тетради, обильные словами любовных вздыханий, редко содержат напевы — именно потому, что напевы эти хорошо были знакомы писавшим.

«Рукописные песенники» не похожи ни на изданные любим, хотя бы и малым тиражом, томики сти-

Проспект вверх по Неве реке к востоку между галерною верфью и 13 линией Васильевского острова. Фрагмент. Худ. И. П. Еляков по рис. М. И. Махаева. 1749 г.

На этих страницах представлен фрагмент книги, изданной как одно из подношений к 300-летию Санкт-Петербурга (Русские канты от Петра Великого до Елизаветы Петровны: виватные, панегирические, покаянные, навигацкие, застольные, пасторальные, любовные / Изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, А. В. Стрельников. СПб.: Композитор, 2002. 213 с.).

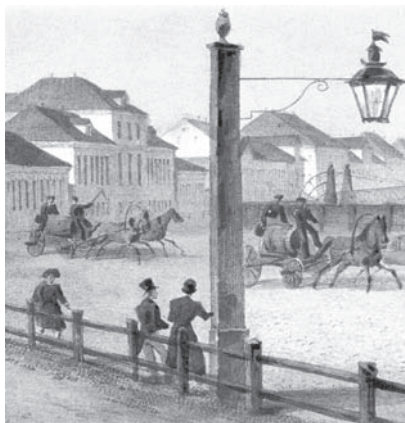
Страницы книги осенены видами двух столиц — Петербурга, с кораблями на Неве, и Москвы, раскинувшейся на своих холмах. Под ними песенка, которой посвящена статья Е. Е. Васильевой.

хов, ни на собрание поучений. В этом их другая особенность: они были поприщем духовных трудов, молитв и размышлений или сокровищем памяти. В XVIII веке все более они превращались в своего рода лирический дневник, свидетельство частной жизни; их заводили для того, чтобы сбегать речь милое и любимое. Разумеется, входили в них песни, значимые для всех: и являвшиеся на больших праздниках, триумфах или маскарадах, и модные новинки, и те, что были связаны с особым случаем, именем. Жизнь некоторых, особенно любимых, разветвлялась на несколько «рукавов», появлялись продолжения, ответы, пародии.

В дальнейшем мы опираемся на материалы нескольких рукописных песенников, хранящихся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), и на «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова, обобщившее именно этот пласт песенной культуры. Соотношение устной песни и «книжной», равно как и первых изданий песен между собою⁵ — проблемы, требующие специального рассмотрения. Для нас в данном случае важно заметить, что Собрание Чулкова и «рукописные песенники» можно рассматривать как единый массив материала.

Среди этих песен, случается, мелькают имена городов. Чаще всего они помещены в зачине; создают некую точку отсчета для движения сюжета баллад, лирических, исторических песен. «Матушка Москва», пожалуй, главенствует среди таких зачинов:

*Как у нас ли в каменной Москве
Во Кремле во крепком городе*

Мойка. Фрагмент.
К. П. Бегров по рис. К.-Ф. Сабата
и С. П. Шифляра. 1825 г.

*Учинилась диковина:
Полюбилась красна девица
Удалому добру молодцу
Что Ивану и Осиповичу
По прозванью Ваньке Каину...⁶
Славна Москва с крутыми берегами,
А ты, моя сударушка,*

с черными бровями...⁷

*По конец было славна города,
Славна города каменной Москвы,
Что на самом ли на выезде,
На ростанях ко Всесвятскому.
Не туман, братицы, затуманился,
Не роса пала на травушку,
Что катились горячи слезы,
Горючи слезы солдатския.
Идуци, братицы, в землю Шведскую,
Все солдаты во слезах идути⁸.*

И другие славные города — Ярославль («Ах ты наш батюшка Ярославль-город, ты хорош-пригож на горе стоишь»⁹), Саратов с Царицыном, несчастливая Казань устойчиво встречаются в песнях. Входят и новые имена, иногда естественно, легко:

*Во славном было городе Кронштате
Гостиной сын по улице гуляет¹⁰.*

Порою новации включаются с заметным стилистическим усилением, преобразующим статус текста:

*Оты крепкий, крепкий Бендер-град,
Ты разумной храброй Панин граф,
Ждет Европа чуда славнова,
Ждет Россия славы новья¹¹.*

Появляются и петербургские мотивы:

*Как по славной матушке Неве-реке,
Подле устьяца ея широкого,
Что при самом ли истоке быстром
Как плавали-гуляли*

три легкое стружка.

*На первом стружке Шереметев был,
На другом стружке*

офицеры сидят,

А на третьем стружке

все солдатушки¹².

Сюжет, исторически предшествующий началу города: суда стремятся к круту красну бережку Слюсельбургскому для сражения в истоках Невы, после которого в ее устье будет заложена крепость и вырастет столица.

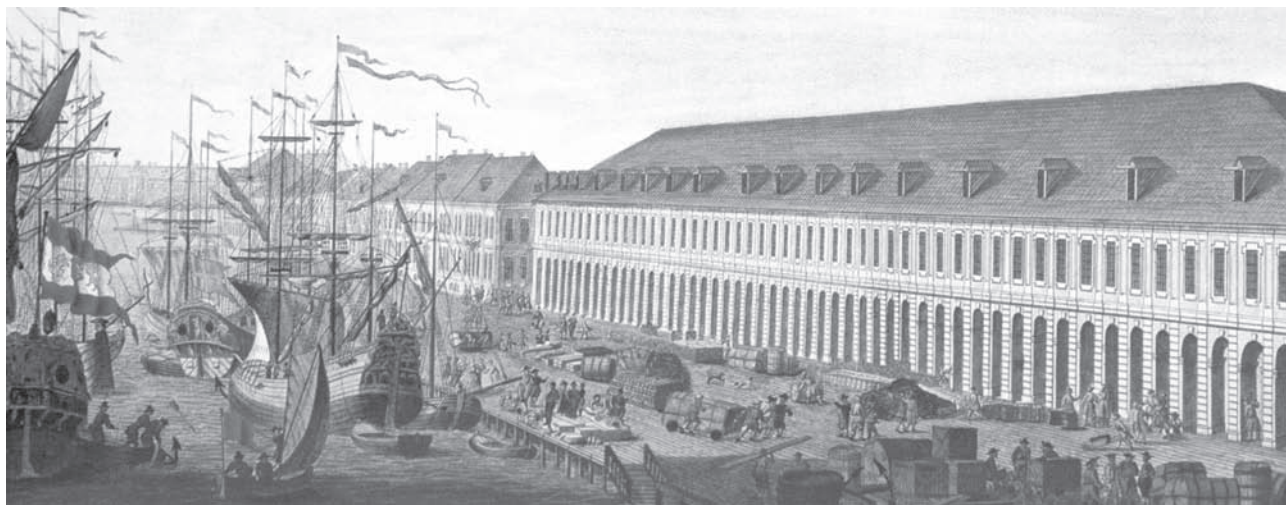
*Как во городе во Санктпитере
На проежжей славной улице
На противу двора гостинова
У Милюшина да на фабрике¹³.*

Далее в этот новый пейзаж вписывается классический портрет девицы, чем сюжет и исчерпывается.

Та же начальная строка может открывать знаменитую балладу, звучание которой для поколений является символом канта:

*Как во городе во Санктпитере,
Что на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове...¹⁴*

Иногда в сюжет входит перечисление городов, становящееся усиленным знаком разлуки:

Проспект Биржи и Гостиного двора вверх по Малой Неве реке. И. П. Еляков по рис. М. И. Махаева. 1749 г.

Не бушуйе вы, ветры буйные,
Не шумите вы, леса темные,
Ты не плачь, не плачь,
красна девица...
Ты куда, мой свет, снаряжаешься?
Ты в Казань-город или в Астрахань,
Или в Матушку каменну Москву,
Или в Новгород, или в Петербург?
Ты возьми, возьми и меня с собой.
Назови ты меня родной сестрой
Или душечкой молодой женой...¹⁵

Примеры можно было бы умножать, систематизировать, разделяя их по жанрам, нанизывая сюжеты на Юси communi инципита или иного композиционного мотива, но это не входит в задачу настоящей статьи. Из приведенных фрагментов видно, что они опираются на основной формульный фонд песенного языка. При этом нет надобности противопоставлять друг другу песни «книжные» и произведения устной традиции. Это относится в полной мере к лирическим, хороводным, балладам. Особо нужно оговорить, что традиции эпического мира (столичный Киев-град, Чернигов, Рязань и пр.) менее вероятны в текстах «рукописных песенников»; а одушевленный образ города, приветствующего высокого гостя (чаще гостю), составляет принадлежность торжественных приветственных кантов. Петербург (Ростов, Устюг), выступает как равный собеседник, обращение имеет характер церемониального жеста:

*Благословенный град Петров,
Навстречу музы будь готов,
Веди своя все сыны
К стопам Екатерины¹⁶.*

Все эти формульные ситуации создают образ отдаленный, возвышенный, символический; они не допускают внутрь города, к его собственной особенной жизни.

Но есть один текст, в котором имя Петербурга является вместе с целым букетом внутригородских названий, реальностей городской жизни, свежими преданиями (по степени новизны их было бы правильнее называть байками). Он известен нам по двум рукописным песенникам (тут уж можно обойтись и без кавычек — в этом случае такое название точное, без допущений) наиболее свободного толка, написанных для себя, для памяти и для сведений друзей. Оба принадлежат Титовскому собранию ОР РНБ.

Обратимся сначала к тексту, помещенному в уже упомянутой книге «Русских кантов». Он составляет яркий контраст величественным образам первых разделов, в которые вхо-

Вид на Биржу и Адмиралтейство от Петропавловской крепости.
Худ. Ф. Я. Алексеев. 1810 г.

дят многолетия, сюита на Петровы победы и другие серьезные и возвышенные произведения. Источник — одна из интереснейших рукописей Титовского собрания¹⁷. Жизнь ее была долгой, интенсивной; книжка лишилась начальных листов, возможно, и последний тоже (папочный переплет, в который он взята уже собирателем, включает объем в 116 листов; на первом окончание песни и следующая под № 10). Это важно — ведь благодаря этому обычно упорядочивается состав, а иногда проясняется замысел рукописи. Зато на полях и свободных местах много всевозможных записей, от скептической ремарки («Читал книгу Афанасий марков и второрой беспорядков больших... издурачеством» — л. 46 об.) до исторической реплики («Государь Николай Павлович император вступил» — л. 75, и еще раз о нем: «Милостивый государь Николай Павлович самодержец всероссийский инператор, инператор, тор, тор, тор» — л. 120) и пометок о погоде («декабря с 4 числа стужа была» — л. 125 об.). Записи — разными почерками, карандашом, чернилами — принадлежат уже другим поколениям. Почерк основного корпуса по ходу книги не раз меняется, но принадлежит, скорее всего, одной руке.

Песенник уникален по богатству записанных в нем традиционных песен, не только хороводных и лирических, но еще и свадебных, календарных. Специальные ремарки объединяют такие группы песен, следующих друг за другом; кроме названных выше это еще застольные, маскарад-

ные. Большая часть песен никак не названа, не причтена к какой-либо группе. В целом этот песенник, более всех нам известных, близок к расшифрованному М. Д. Чулковым содержанию «Собрания разных песен, содержащее в себе песни любовныя, пастушеския, шутивыя, простонародныя, хоральныя, свадебныя, святочные с присовокуплением песен из разных Российских опер и комедий».

Состав книги говорит довольно внятно о человеке, ее писавшем: он относительно молод, вышел в отставку и поселился в поместье. Памяти о службе, связанной со столицей, обязано присутствие в книге «маскарадных хоров»; календарные и свадебные песни подсказывают местоположение поместья — их сочетание характерно, скорее всего, для Псковской губернии или южных уездов Новгородской.

И вот среди всего этого разногласия — песенка о Санкт-Петербурге¹⁸:

*Прощай, славный Петербурх,
Стеснен стал в тебе наш дух,
Оставляем мы тоску,
Отъезжаем мы в Москву.
Прости, славна Миллионна,
Нам ходить в тебя уж полно.
Прости, желтый дом кадецкой,
Весь прибор наш молодецкой.
Прости, Ржевское кружало,
Ты нас много понужало.
Прости мать Нева-река,
Течешь быстро, глубока.
По волнам твоим гуляли,
Много штурмов мы видали.
Острова все и заливы
Теперь стали нам не милы,*

С кораблями биржа главная,
И Вареско море славно.

Ты, Калининская деревня,
Девкам всем была докука,
Молотцам же всем прилука

По несчастной нашей доле
Мы сидели тут в неволе.

Ты Матисова с Коломной,
Где приезд был наш сповольной,

Вы, солдацкия слоботки,
Прощай девки и молодки,

Река Мойка и Фонтанка
И Мокруша бесталана.

Прощай погреб зблиларом,
Много денег побрал даром,
В тебе деньги, и все платье
Положили наше братье.

Прощай, Стрелка со трактиром,
Отпущай в Москву нас смирном.

Как приедем на Славянку,
Отсель в первую стоянку

Повторим мы Петербург
И поедем в Москву вдруг.

Мы приедем во Тверскую,
Скажем всякой нетоскую,

Позабудем мы печаль,
Что сударушек нам жаль.

Здравствуй, батюшко Арбат,
Мы приехали опять!

Здравствуй, Пятница с Мажайской
И Устретенски с Мясницкой!

Здравствуй, батюшко Пролом
И с посольским со двором!

В рукописи двустихия не выделены графически. Мы позволили себе такое изменение, чтобы глаз легче схватывал парные рифмы. Также добавлены знаки пунктуации, которых в песенных текстах того времени просто не бывает — в более строгих рукописях, где слова подписываются под партиту-

рой, условные штрихи используются как разделительные знаки между стихами, а запятых тоже нет. Орфография, выбор букв (кроме ушедших из современного алфавита) и слитное написание союзов и предлогов переданы без изменений. Последнее хотя и затрудняет чтение, но хорошо передает посыл записи слов в пении.

Мы вчитываемся в названия, в перечисление славных и примечательных мест Петербурга, и предстает в них картина вольной и веселой жизни, которую ведут бурши, молодые офицеры. Идеал эпикурейства потом сохраняли (и развивали по-своему) лицеисты вслед за офицерами гвардии — он запечатлен в поэзии Дениса Давыдова и юного Пушкина; также и студенты образованных университетов в Казани, Харькове — их доносят до нас песни, записанные и изданные выпускниками. Подобные песни хранились в совокупной памяти некоторых ленинградских институтов (например, Технологического, Кораблестроительного).

Однако это особый предмет, который оставим, едва коснувшись. Пояснения требуют именно названия, благодаря которым выявляются особенности повседневной жизни распевавших песенку молодых людей¹⁹.

Желтый дом кадетский — в Санкт-Петербурге ко второй половине XVIII века существовали Сухопутный шляхетский кадетский корпус (учрежден в царствование Анны Иоанновны, помещен в Меншиковском дворце) и Морской кадетский корпус (преобразован из Морской академии в царство-

вание Елизаветы Петровны)²⁰. Оба они были расположены на Васильевском острове, на берегу Невы; здания обоих привычно выкрашены в охристо-желтый цвет. В котором из них началась жизнь этой песенки, пожалуй, не решить однозначно. Упоминания Невы, Биржи, островов и проливов говорят как будто в пользу Морского корпуса, но в XVIII веке еще сохранялись крепко заложенные Петром традиции прогулок на лодках, обязательные для всех горожан. Удалое молодецкое поведение включало в круг выходов и плавание в любую погоду. Так, А. Н. Болотов рассказывал о пикнике офицеров в Кенигсберге, из-за непогоды едва не закончившемся плачевно.

Фонтанка, Мойка, Матисов остров, соседствующий в низовье Фонтанки с Коломенским (теперь он входит в территорию порта), можно прочитать как некоторые пункты маршрутов этих прогулок. Между ними попала **Мокруша бесталана** — часть правого берега Малой Невы, которая теперь отмечена Князь-Владимирским собором. Он был построен на месте церкви Николы в Мокрушах. В первые десятилетия Петербурга там было болото вокруг протоки, которая после укрепления и осушения берега стала корочкой и называется теперь речкой Ждановкой.

Упоминание **Миллионной** (улицы?) лестно для соседствующих с нею вузов, но как оно вписывается во времяпрепровождение героев — авторов песенки, не вполне понятно. Можно предположить, что название на карте города переместилось, и нам его не распознать, или принять намек на соседство с Зимним дворцом, в котором, впрочем, кадетам как сухопутного так и морского корпусов шалить или служить вряд ли приходилось.

Калинкина деревня (Каллина), расположенная в низовье Фонтанки, в Коломне, имеет не столько топографическое, сколько сюжетное значение. Там располагался знаменитый рабочий дом для девиц непотребного поведения. Он воспет В. И. Маяковским как одно из главных мест действия в поэме «Елисей или разбушавшийся Вах»:

Где речка Черная

с Фонтанкою свилися

И устьем в устье Невы-реки

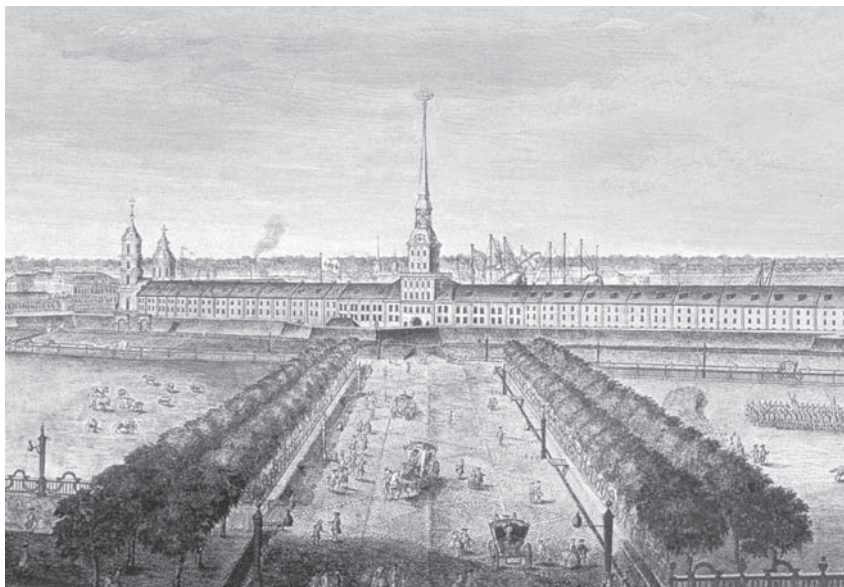
влилися,

При устии сих рек,

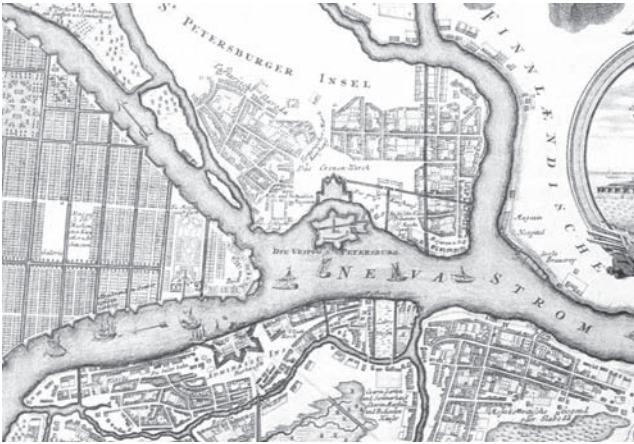
на самом месте том,

Где рос Калинов лес,

стоял огромный дом;

Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений с частью Невской перспективной дороги. Худ. Г. А. Качалов по рис. М. И. Махаева. 1748 г.

План Санкт-Петербурга 1717 г.,
изданный в Нюрнберге И. Б. Хоманом

План Петербурга. Составлен под руководством
И. Ф. Трускотта по рис. М. И. Махаева. 1753 г.

*По лесу оному и дом именовался,
А именно сей дом*

*Калинкин назывался:
В него-то были все распутные жены
За сластолюбие свое посажены;
Там комнаты в себя
искусство их вмещали:
Единые из них лен*

*в нитки превращали,
Другие кружева из ниток тех плели...²¹*

Обратим внимание на пропуск стиха, парного к содержащему название, — мы не найдем его и в напечатанном М. И. Чулковым тексте (его восстановит вариант из другого «рукописного песенника»).

Рядом с Калинкиной деревней — безмянные *солдацкие слободки* и в них *девки и молодки*; также безмянный *погреб з биллиаром*. С ними молодые повесы прощаются как будто без особого сожаления.

Стрелка со трактиром — стрелкой называли мыс, вдающийся в течение реки и разделяющий его на рукава. В Петербурге две знаменитые стрелки: Васильевского острова, на которой в XVIII веке еще был торговый порт, морская биржа и помост для «огненной потехи». Другая стрелка — Елагина острова — называется популярным местом гуляний уже в XIX веке, и о трактирах на ней не сохранилось никаких преданий. Возможно, это географическое понятие переносилось на развилку дорог, и речь идет о Средней Рогатке.

Любопытно, что в этом тексте встречаются слова, которые мы воспринимаем как синонимы: «трактир» и рядом «Ржевское кружало» — стилистическое отличие, возможно, передает иной социальный характер питейного заведения, более низкий его статус. Впрочем, трактир еще в

начале XIX века был прежде всего гостиницей со столом, в который совсем не обязательно входили веселящие и горячительные напитки.

Славянка — селение с таким названием (есть еще речка, впадающая в Неву чуть ниже устья Ижоры) находится в пределах почтового тракта на Москву, недалеко от Павловска — вполне подходящая *первая стоянка*.

Собственно путешествие никак не отражено в тексте, и только москвские улицы, встречающие путников, обозначают его совершившимся.

Вариант из другого «рукописного песенника» того же Титовского собрания (ОР РН., Тит. 2579) существенно дополняет песенку о Петербурге, свидетельствуя о ее популярности и обозначая широкие пределы изменений, обновления текста.

Эта рукопись также безнотная, тексты не имеет отсылок к «голосу»; графика их зрительно передает структуру строфы, орфография же явно следует из певческого произнесения (особенно выразительны бывают предлоги, присоединенные к существительным — сознание пишущего настроено на слитное в пении звучание, в соответствии с этим он и пишет). Рабочее поле очерчено на листах рамками; большая часть текстов написана тщательно, внятно; почерк не имеет черт скорописи, ближе по образу полууставу. В конце вторгается другой почерк, угловатый, резкий, со слитным начертанием букв. Две владельческие записи, вероятно, относятся к разным этапам жизни песенника: на обороте форзаца с немалым усилием можно разобрать в вихре росчерков имя: «Принадлежащая Дмитрию Кикину». На первом листе помещены в несколько ровных стро-

чек записи, сделанные изящным мягким почерком: «Сия книга принадлежит Катерине Александровне Чебышевой»; под нею французский вариант и снова русский.

В начале приведен «Реэстр песням с показанием оных начала», то есть оглавление. Достояна внимания перестановка частей (против классической структуры «рукописных песенников»): в конце рукописи, после 122 песен, помещен раздел псалмов, выделенный самостоятельной нумерацией и особо обозначенный в «Реэстре» (последние из 11 номеров этого раздела — канты на Петровские победы). Основную часть составляют все те же «чувствительные песенки», среди которых вспыхивают несколько особенных текстов. Один с такою лихостью описывает «марш», что остается непонятным, идет ли речь об учениях или о настоящем «деле»:

*Встань, встань солдат, встряхнись,
Скоро в парад становись.
Время к маршу наступает,
Через барабаны объявляет,
Флейты.
Афицеры выступайте
Репорты обирайте,
Понуждайте всех к походу,
Забирай с собой воду
В степь²².*

В этом фрагменте мы точно воспроизводим графическое расположение строфы и особенности написания, позволив себе только исправить инверсию, нарушившую рифму, и расставить знаки препинания.

Другой текст дает живую картину псовой охоты:

*Вдурх с полночи у нас зашумело,
Рагатая музыка гремела.
Голос подавали, чтоб все вставали:
бу—бу.*

*Охотники, лошадей седлайте,
Борзых фсех на своры прймайте,
Пора, пора выезжать в поле нам²³.*

Возможно, это исключение из правила и вообще не песня — этот текст, едва ли не единственный, не выдерживает стихотворной графики; написан размашистым, резким почерком с неупорядоченными широкими штрихами; труден для прочтения.

Под № 73 в «Реэстре» помещен несколько изменившийся инципит и на листе 71, на обороте записана наша песенка:

*Оставайся, Питербурх,
стеснен стал тобой наш дух,
Покидаем всю тоску,
отъезжаем мы в Москву.
Прости, лавка Миллионна,
нам ходить в тебя уш полно.
Прости мать Нева-река,
течешь быстра јглубока,
Много штурмов от тебя
потерпят все стена.
Острова все ипроливы теперь
стали нам немилы.
Прости Невска прешпектива,
нам пригожства вить не мило,
С карбальями биржа главна
и Верейско море славно.
Река Мойка и Фантанка
и Мокруша бесталанна,
Ты Калинкина деревня
и публичная презелна.
Молотцам тут всем прилука,
хоть во время была скука,
Как сидели там в неволи
понесчастью своей доли.
Разночинска, Введенска, Безерска
и Пушкарска, (? Белоозерска)
И щемиловска Гребецка,
в вас погибель молодецка.
Ах в пушкарские слоботки прощай,
девки со молотки,
Уж нам долго не бывать,
вместе с вами неживать.
Прощай, стрелка со трахтиром,
отпуцуй в Москву нас с миром,
Прости, погреб с беляром,
истащил ты много даром,
В тебе деньги все и платье положили
наша братья.
Теперь выедем в Емскую,
скажем всем, что не тоскуем,
Подвторим мы Петербурх
и поедем дале вдрух.
Мы приедем на Славянку,
отсель первую стоянку
Мы тотчас же поспешим,
в Москву скоро прибежим,
Пропущая города,
бушто быстрая вода.
Как Тверску-Ямску увидим,
из саней тогда все выдем,*

*Промежду себя простимся
и с любезном цолованьем
Разойдемся по домам,
будим писма писать к вам.*

Сохраняем графику и орфографию — это замечательный образец еще неустоявшегося, но уже вполне оригинального петербургского произношения²⁴.

Отметим трогательную деталь, которая показывает, сколь важно было сохранить в записи песенный ритм: *мать Нева-река*, течет *быстра јглубока*. Соединительный союз передан в начертании так, что не должен ассоциироваться со слогом и занимать дополнительное музыкальное время.

Можно предположить, что распевавшие песенку и записавшие ее в книгу люди знали другие, прежние версии и, оставляя полубившиеся строки, добавляли к ним новые; при этом порядок в прежде усвоенной части не воспринимался как обязательный. Исчез *желтый дом кадетский*, менее обстоятельно представлены морские и речные детали; *Невская прешпектива* стала убедительным аргументом — уж если ее *пригожство* не мило, то и вправду надо ехать из Петербурга прочь.

Подробно обозначена наиболее обжитая Городская сторона. Улицы, названия которых теперешние жители Петроградской стороны опознают безо всякого затруднения, образуют последовательность и читаются как связный маршрут, хотя вместивший их стих пошатывается под напором смещенных ударений (потому, возможно, оказалось искаженным одно из названий — *Безерска* вместо *Белозерской*). На месте оказались и *пушкарские слободки*, располагавшиеся вблизи названных улиц. Возможно, и упомянутая между других *Гребецка* — одна из четырех улиц этого имени, находившихся на Городской стороне²⁵. (Одна из них, более известная теперь под именем Пионерской, хорошо вписывается в компактный ареал названий). В таком случае уточнение при ней *щемиловска* не имеет отношения к слободе этого названия, находящейся на левом берегу Невы значительно выше по течению²⁶.

Миллионна оказалась лавкой, и с этим изменением возник иной смысловой порядок. *Калинкина деревня* с обретением опущенного ради приличия стиха обрела и полноту описания. Еще более стремительно завершение песенки в этом варианте. Появляются чудесный образ сказочно быстрой езды: *пропущая города, бушто быст-*

роя вода и подводящая окончательную черту под путешествием церемония прощания.

Столь значительная дистанция между приведенными текстами не может не вызвать предположений о том, что были и другие варианты, и немалым числом. Это вполне соответствует природе устно-письменной традиции «рукописных песенников» — запечатленным на письме остается далеко не все, что поется, а из записанных текстов далеко не все достигли своими путями книгохранилища и оказались сбереженными для нас. Собственно, судьба песен устной традиции и путь их к тем, кто наблюдает ее извне, таковы же: остаются доступными единичные записи выхваченных из потока текстов и избранная часть их, попадающая в публикации. Ради равновесия и установления перспективы упомянем текст, уже весьма отдаленно связанный с приведенными. Он опубликован М. И. Чулковым в III части и начинается почти прямым продолжением — воспоминанием о путешествии:

*Как во прошлом во году
Приезжали мы в Москву...²⁷*

Однако в этой песне есть свой сложно-составной сюжет: она повествует о карантине, в который угодили приехавшие, о пожаре, о смерти полковника; ясно названы авторы-герои — гренадеры. Стихи из Петербургской песенки появляются время от времени, структурируя текст, разделяя эпизоды; они свидетельствуют о том импульсе, ритмическом, интонационном, который породил новую песню. Обстоятельный текстологический анализ не входит в нашу задачу. Ограничимся фрагментами, по которым хорошо видно, как стихи из прежнего текста укладываются в новые обстоятельства:

*Преображенския слободки,
Прощай девушки и молодки,
С горя выпьем теперь водки...*

— кроме нарушения версификации — на рифме провис третий стих — появился новый образ, прямой и ясный, без затей.

*Прощай Яуза с заливы,
Нам сударушки не милы...*

— какие у Яузы заливы? Это наследие Невы, только имя речки московское.

*Прощай, матушка Москва,
Во глазах видна всегда*

— прощание задушевное, без петербургских розыгрышей.

Еще одна песня из Чулковского собрания поможет нам ощутить предел, за которым те же образы, смыслы и даже слова оказываются иным текстом — изменяются ритмические условия, и формула²⁸ исчезает:

*Прости Тверь, город славной,
Большой кабак главной,
Такожде Истеря,
Лишь деньгам потеря,
Кабачок Верховской,
Вина пить таковской.
Красное кружало,
Ты нас понуждало,
Затверинский кабачок,
Где курили табачок,
Уже знатная Стрелка,
Ребятам разделка.
Ты прости кабак ухват,
Где сидел родной брат,
На реке на Шоше
Всегда вино плоше,
Целовальники скупые,
Умом разумом глупые,
Меряют обидно,
Как плутам не стыдно.
И село то Медно
Прискудело бедно.
Прости, улица Ильинка,
И слободушка Зверинка,
Прости, Дятловска ямская,
Слобода Тверская.
В Напрудной слободке
Живут наши тетки,
Орешницы румяны
Агафьюшки, Татьяны,
Домнушки матки,
Головушки гладки,
Палаша и Маши,
Феклуши, Анюши,
Анны да Татьяны,
Завсегда были пьяны.
Прости, кто тута ни есть,
Не бываать нам опять здесь²⁹.*

Существенно различие в ритмической организации: неравносложный стих близок говорному, «раешнику»; интонационная соизмеримость выражена рифмами, сильные позиции — ударные слоги — размещены произвольно. Сплошное балагурство и дразнилки, похожие на припевки, которыми хулят окрестные деревни, или на прозвища, зак-

репившиеся за жителями разных городов (*Мы, вятски, ребята хватки — семеро одного не боимся; У нас в Рязани грибы с глазами, их ядять, а они глядят* и т.п.).

Прощание с Петербургом, в отличие от **Прощания с Тверью**, безусловно, песенный текст, хотя известен только по безнотным сборникам, и ни разу при нем не встретилось отсылки к «голосу». Между тем ритм его определенно восходит к звучанию плясовой (потому-то, возможно, и обходится без отсылки — ведь плясовые припевки «тананыкаются» как-нибудь). Правда, и любовные песенки наиболее популярного формата (романсовая строфа с чередованием 8- и 7-сложников женскими окончаниями в нечетных стихах, мужскими — в четных, часто с соответствующими перекрестными рифмами), которые, бывает, занимают чуть ли не половину большого безнотного песенника, тоже не имеют отсылки к «голосу». По-видимому, этот универсальный размер подразумевал хорошо освоенное интонационное поле, в котором нетрудно было уложить слова наугад.

В отличие от лирики, «плясовые» тексты не составляют большого массива в «рукописных песенниках», но их можно узнать по неизменным парам 7- или 8-сложных стихов, соединенных рифмой и замкнутых по смыслу; они воспринимаются как цепь припевов. Единственный такой текст с напевом известен нам по песеннику Титовского собрания, опубликованному в качестве 5-й книги энциклопедии «Музыкальный Петербург. XVIII век»³⁰. В нем пары стихов перемежаются рефреном, и от того еще ярче проявляется их самостоятельность — как будто мы имеем дело с прообразом вокально-инструментальных форм, которые так пышно расцветут столетие спустя под именем частушек:

*Ах, велика мне беда,
Говорю я без стыда
Хорошая моя,
Пригожая моя.*

Одноголосный напев, которым этот текст снабжен в песеннике Тит. 4272, прекрасно подходит и к нашей песенке; именно он предложен в качестве комментария («на голос») к тексту, опубликованному в «Русских кантах»

Интересно, что в конце XX века, тоже оказавшемся временем песен, случился любопытный опыт: Владимир Москвин в композиции по текстам XVIII века распел **Прощание с Петербургом** в манере свободной бардовской речитации под гитару³¹.

Очертим еще одну стилистическую грань, приведя начало другой песни о прощании и разлуке:

*Прощай, Москва, пришла тоска
Жить в скуке, быть в муке,
Жить втуне с полруги
Вольности нет³².*

Прощание с городом и с любовью может быть вполне искренним, трогательным и серьезным. Приведем еще как образец классического катрена любовной песни, долгая жизнь которой привела ее в народную драму «Царь Максимиан» (в изводе новгородского села Мшага):

*Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест.
Сколько горести смертельной,
Я разлуку должна несть.
Оставляю град прекрасный,
Оставляю и того,
Кто дороже мне на свете
И милее мне всего³³.*

Вернемся к нашей песенке, в которой перечисление петербургских достопримечательностей, порой насмешливое и панибратское, не исчерпывает темы. Сюжет ее странным образом выходит за пределы текста. Он захватывает судьбы тех, кто ее пел, лирических героев шуточных стихов. Сложенная на память о веселых днях общей молодости, с кем она расходилась по дальним российским дорогам? Кто отправлялся в путь из Петербурга? Выпускники кадетского корпуса, сухопутного или морского? молодые чиновники, разъезжавшиеся в провинциальные города?

Был ли уже или нет *Указ о вольности дворянской*, еще все служат, пе-

Петь на голос «Ах велика мне беда» («Хорошая моя, пригожая моя»):

ОР РНБ, Тит. 4272, л. 70 об. — 72

Прощай, славный Петербург, стеснен стал в тебе наш дух, оставляем мы тоску, отъезжаем мы в Москву.
Прости, мать Нева-река, широка и глубока, по волнам твоим гуляла, много штормов мы видали.

Нотная строчка (Русские канты. 1689–1762. С. 173)

ремещаются по службе, сменяя города, гарнизоны, надеясь на *случай* в военной *кампании* и на поприще гражданского. Все в пути.

Разлука, овеществленная дорожкой, и путь, осознаваемый через утраты и возможные обретения; перемены места, означающие стадии жизни, и путешествие как выражение житейского поприща — все эти образы насыщают песенный язык XVIII века. Они живут в удивительном равновесии символа и житейских реалий; философских рассуждений и чувствительных вздыханий; высоких замыслов и балагурства; устойчивых поэтических формул и случайных, частных словечек.

Пусть не смущают читателя легкомысленные, пестрящие просторечием стишки. Высокий стиль, трагедии и оды были хорошо знакомы той молодежи. Вспомним — начало русского театра взлелеял Сухопутный шляхетский корпус; Федор Волков и его товарищи завершали там свое образование; там начинались литературные упражнения кадета Александра Сумарокова, полувеком позже — Владислава Озерова; там, в «рыцарской академии», сложилось «Общество любителей российской словесности».

Высокое и низкое, серьезное и забавное, общее и свое — эти полюса традиционной культуры, надолго со-

хранившиеся в стереотипах поведения, отражены и в рассуждениях Ломоносова о трех стилях, имеющих свои права в литературе. Они, как правило, представлены в письменности неравномерно; низкий стиль недаром зовется разговорным. Но в драгоценную книжку, заполненную от руки, такие живые речи попали и приходят к нам теперь. Высокий же стиль, философический ракурс и гражданский пафос **Путешествия из Петербурга в Москву** принадлежат литературе. В перекличке этих явлений, столь различных и как будто несовместимых, мы можем ощутить полноту необыкновенного XVIII века, «века песен», первого столетия жизни нашего города.

¹ Русские канты от Петра Великого до Елизаветы Петровны: виватные, панегирические, покаянные, навигацкие, застольные, пасторальные, любовные / Изд. подгот. Е. Е. Васильева, В. А. Лапин, А. В. Стрельников. СПб., 2002. С. 213.

² Там же. № 28. Радуйся, Росско земле. С. 64—65.

³ Там же. № 58. С. 106—107.

⁴ Термины эти имеют логические основания: поется — значит *песня*; передается в виде письменном — значит *книжная*; рукопись, заполненная такими текстами, — *рукописный песенник*. То, что к одному имени оказываются причтены переложения Давидовых псалмов, части Песни Песней, пасторали, панегирики, любовная лирика, политические прокламации, хороводные песни, всевозможные вольные и забавные тексты, в этих обстоятельствах не играет роли. Для столь обобщенного названия, если задуматься, есть и существенное формальное основание: духовную лирику Нового времени (старейший пласт «книжных песен») от всех письменных форм древнерусского певческого искусства отличает именно песенная форма, организованная соединением неизменного музыкального компонента текста с продолжающимся поэтическим. История терминов, их взаимоотношения с другими см.: Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII—XVIII веков: Из истории песен. силлаб. поэзии. М., 1996. С. 448; Васильева Е. Е., Лапин В. А. Кант // Музыкальный Петербург: Энцикл. словарь. СПб., 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 20—37; Псалма, псалм // Музыкальный Петербург... С. 482—497; Лапин В. А. Книжная песня. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия в трех томах. СПб., 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 602—607.

⁵ Имеются в виду следовавшие друг за другом «Собрание разных песен» М. Д. Чулкова, изданное четырьмя частями в 1770—1774 гг. и повторенное Н. И. Новиковым как «Новое и полное собрание российских песен...» в 1780—1781 гг. с прибавлением еще двух частей; «Собрание русских простых песен с нотами» В. Ф. Трутовского (СПб., 1777—1795) и «Собрание народных русских песен с их голосами» Н. А. Львова — И. Прача (СПб., 1790).

⁶ ОР РНБ. Тит. 4222. № 74. Л. 52; Чулков. III. № 67. С. 72. Здесь и далее ссылки даются по 2-му (Новиковскому) изданию.

⁷ Чулков. IV. № 121. С. 108.

⁸ Там же. III. № 55. С. 57—58.

⁹ Там же. IV. № 187. С. 192.

¹⁰ Там же. III. № 60. С. 64.

¹¹ Там же. № 71. С. 75.

¹² Там же. № 75. С. 81.

¹³ Там же. IV. № 183. С. 188.

¹⁴ ОР РНБ. Тит. 4222. № 109. Л. 81; Чулков. IV. № 177. С. 182.

¹⁵ Чулков. IV. № 142. С. 156—157.

¹⁶ ОР РНБ. Q. 125. Л. 39 об. — 40.

¹⁷ ОР РНБ. Тит. 4222.

¹⁸ ОР РНБ. Тит. 4222; № 100. Л. 48 об. — 49 об. В «Русских кантах» она опубликована под № 111. С. 172—173.

¹⁹ Топонимическая расшифровка песенного текста выверялась в разговорах с питерскими жителями, знатоками городской истории и преданий. Благодарю за помощь, советы, подсказки А. Векслера, Ю. Н. Кружнова, П. А. Медведева, А. В. и В. А. Стрельниковых.

²⁰ Под него сначала был отдан дом опального графа Миниха; в 1771 г. дом сгорел, корпус был переведен в Кронштадт, где и оставался во все царствование Екатерины II. Павел Петрович вернул Морской корпус Петербургу. Тогда Ф. Волков (архитектор, не основатель русского театра) выстроил на месте Минихова дома комплекс зданий, который так хорошо знаком жителям Васильевского острова, а в питерских преданиях отмечен проказами курсантов вокруг фигуры И. Крузенштерна, задумчиво глядящего на *alma mater* славных русских мореходов и флотоводцев.

²¹ Майков В. И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 93. (Б-ка поэта. Большая сер.).

²² ОР РНБ. Тит. 2579. № 64. Л. 65 об. — 66 об.

²³ Там же. Л. 111—112.

²⁴ Колесов В. В. Произношение петербургское // Три века Санкт-Петербурга. СПб., 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 188—190.

²⁵ См. Топонимика Петербурга. СПб: РГБ, 2003.

²⁶ Опираюсь на суждения А. Векслера и благодаря ему за помощь. Перечисление гребецких улиц см.: Кукушкина В. В. Санкт-Петербург XVIII в. по плану города. СПб., 2002. С. 79—80.

²⁷ Чулков. III. № 77. С. 82—84.

²⁸ Имеется в виду понятие, вошедшее в научный обиход с книгой А. В. Лорд «The singer of Tales» и нашедшее столь широкое применение, что теперь впору напоминать исходное определение или заново его искать. В понимании А. Б. Лорда, анализировавшего сказительское искусство южнославянских *гусляров*, формула, в отличие от *клише* или *общих мест*, — не столько результат (текст), сколько порождающая модель, важнейшим свойством которой является закрепленный структурой ритмический образ.

²⁹ Чулков. III. № 163. С. 163—164.

³⁰ Рукописный песенник XVIII века с голосами, положенными на ноты. Музыкальный Петербург: Энцикл. словарь. Т. 1. Кн. 5. № 26 (38). С. 88—89.

³¹ Владимир Москвин. Столетье мудро и безумно. Песни в исполнении авт. Мелодия. Запись 1989 г.

³² ОР РНБ. Тит. 3759. Л. 94.

³³ Там же. Тит. 2579. Л. 129.

Три слова об органе, или «Органная Атлантида» Петрограда—Ленинграда

В. А. Шляпников

Органной культуре нашего города почти триста лет. В определенном смысле она ровесница Северной Пальмиры. Время ее рождения — петровские реформы; богатство традиций и самобытность — ее сущность, а парадоксальность и экзотичность — прихотливая линия судьбы в истории русской музыкальной культуры.

«Столица органной музыки» — таков де-факто статус дореволюционного Петербурга. И он был по праву заслужен. Многочисленный «парк» великолепных инструментов, высокий уровень исполнительской и педагогической школы, интерес композиторов к органу, любовь слушательской аудитории к органному искусству. Все перечисленные компоненты и составляют тот культурно-социальный феномен, название которому — органная культура Петербурга. Так какова же ее история, традиции, проблематика, перспективы?

Историю органной культуры нашего города во временной вертикали можно условно подразделить на следующие периоды: имперский (1703—1917); советский (1917—1985), период Новой России — с 1985 г. Каждый из этих этапов отмечен своими характерными особенностями, и в то же время это единая биография органной культуры нашего города. Ее ценность и уровень в тот или иной исторический период определяются соотношениями ее основных компонентов.

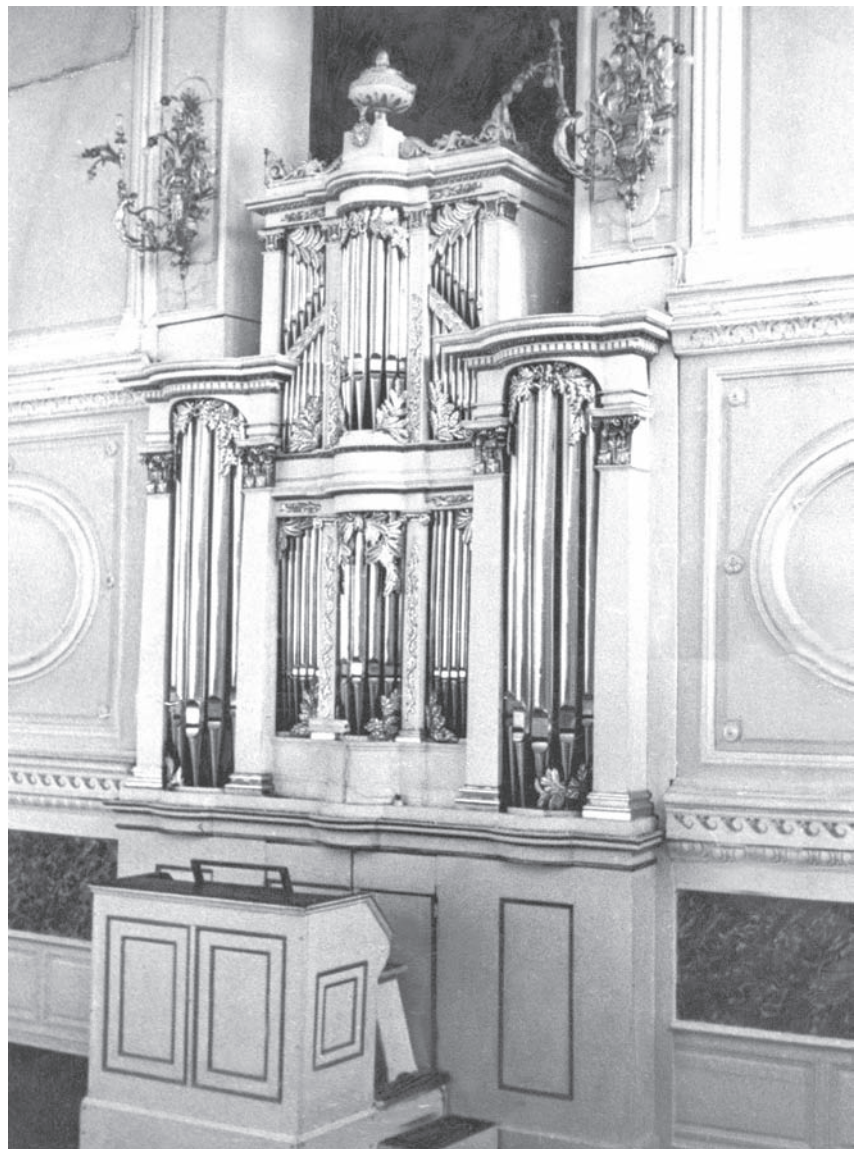
ОРГАНЫ

Существование и развитие органной культуры определяется наличием инструментальной базы. Это аксиома. Органный «ландшафт» имперского периода Петербурга отличался большим разнообразием инструментов. В основном органы для нашего города изготавливались мастерами из Германии, Финляндии, Польши, Эстонии. Особенно сильна в органостроении Петербурга была линия, связанная с немецкими традициями (Ф. Дро-

биш, К. Вирт, А. Лукас, Г. Мельцель, Э. Валькер, В. Зауэр и другие)¹.

Общее количество органов в начале XX века в городе и его окрестностях составляло более 90. Самыми известными были немецкие фирмы «Э. Валькер» и «В. Зауэр». Первая построила для Петербурга 37 органов,

вторая — 17. В строительстве инструментов для города определялись два направления: церковное и светское. Изначально ведущим и главенствующим было первое — церковное. Органная культура пришла в Петербург через иноверческую церковь. И это также непреложный историчес-

Орган Концертного зала Капеллы до реконструкции 1967 г. фирмы «Валькер». Фото из архива Санкт-Петербургской государственной академической капеллы

кий факт. В 1708 году Петр I приказал доставить орган из немецкой церкви в Дерпте в евангелический приход Петербурга. Этот факт и положил начало истории органной культуры нашего города. К началу XX века в Петербурге в церквях и часовнях² было установлено не менее 33 органов, а в окрестностях — около 50.

Чтобы представить все богатство церковного инструментария имперского периода Петербурга, перечислим некоторые опорные органные «точки»: лютеранская церковь Св. Петра, костел Св. Екатерины, лютеранская церковь Св. Екатерины на Васильевском острове, лютеранская церковь Св. Анны, голландская реформатская церковь, финская лютеранская церковь, русская лютеранская церковь на Петроградской стороне, шведская лютеранская церковь Св. Екатерины, лютеранская церковь Св. Михаила, латышская лютеранская церковь, Мальтийская капелла Пажеского корпуса, английская церковь и другие.

Большинство иноверческих церквей находилось на главной, или вблизи ее, «артерии города» — Невском проспекте. Самыми крупными церквями считались церковь Св. Петра и церковь Св. Екатерины. Между ними постоянно шел спор: чей же орган лучше?

А вот несколько органных «точек» Петербургской губернии: Ораниенбаум, Луга, Токсово, Царское Село, Кронштадт, Шувалово и другие. Много органов звучало также и на территории Финляндии, которая позже стала частью Ленинградской области — Выборг, Приморск, Зеленогорск и другие. Одним словом, для ценителей органного искусства этот период — поистине «пиршество серебряных гласов».

Второе направление в органостроении нашего города — светское. В Петербурге появлялись инструменты часто небольшого размера, расположенные во дворцах, театрах, салонах, богатых домах прихожан. Большую популярность это направление получило в XVIII веке, особенно во второй его половине. Ф. Киришник, И. Габран, И. Бетье, Т. Мельцель и другие мастера с успехом изготавливали эти органы. Камерное светское органное музицирование получило дальнейшее развитие в XIX — начале XX века. Небольшие инструменты были в Мраморном дворце, Фонтанном доме А. Шереметева, Меншиковском дворце, в домах видных деятелей русской культуры. Это прежде

всего орган «Себастьянон» мастера Мельцеля в доме В. Одоевского, а также органы в домах К. Брюллова, В. Энгельгардта, А. Серова и других.

Органы также устанавливали в музыкальных театрах — Большом театре (1836) и Мариинском (1870-е годы). Для учебных целей были установлены органы в классах Консерватории (1880), а позже в концертном зале Консерватории (1897).

Новым шагом в светской органной культуре стали установки органов в концертных залах: на эстраде Зоологического сада (1893), в актовом зале клиники Отта (1903), в здании Придворного оркестра (1912).

«Золотой век» строительства органов в Северной Пальмире оборвался с началом Первой мировой войны.

Революция семнадцатого года XX столетия кардинально изменила органную панораму Петербурга и внесла качественно новые моменты в органную культуру в целом. Орган приобрел новый статус — из церковного и ритуального он превратился в концертный и светский инструмент. Большинство ценных инструментов были уничтожены (20–40-е годы), уцелевшие были перенесены в другие помещения. Перечислим несколько фактов: орган из голландской реформатской церкви был перенесен в Капеллу (1927); орган Мальтийской капеллы Пажеского корпуса — в Малый театр оперы и балета (1928), орган клиники Отта — в Большой зал Филармонии (1931) и так далее.

В 60-е годы XX века в органной культуре Ленинграда вновь наблюдается «миграция» инструментов: орган церкви Св. Екатерины на Васильевском острове был перенесен в театр оперы и балета им. С. М. Кирова; орган бывшей церкви Евангелической больницы — в костел Девы Марии Лурдской и др. Положительным явлением этой перестановки был тот факт, что два ведущих концертных зала города — Большой зал Филармонии и Капелла — получили два прекрасных валькеревских романтических органа. Эти инструменты в 1960–1970 годах были не совсем удачно реконструированы чешской фирмой «Ригер-Клосс». В 60–80-е годы XX века эта же фирма установила новый орган в Малом зале Консерватории, Мариинском театре, построила два учебных инструмента в школе-лицее и училище при Консерватории. Немецкая фирма «Зауэр» установила новый орган в классе Консерватории

Органостроитель П. Чилин и В. Шляпников у строящегося органа. Фото из архива авт. 1997 г.

и лютеранской церкви Св. Екатерины на Васильевском острове. Все эти инструменты, к сожалению, относятся к разряду рядовых.

С началом «перестройки» по экономическим причинам новое строительство органов не ведется. Положительной практикой современности можно рассматривать строительство небольших органов петербургским мастером Павлом Чилиным — единственным органостроителем в России. В наш город в возрождающиеся церкви часто привозят бывшие в употреблении органы. Безусловно, это не является положительной тенденцией в создании современного инструментального «парка» Санкт-Петербурга. Однако суровые экономические условия нашего времени позволяют компромиссно оценивать этот факт. Эти инструменты в определенном смысле позволяют сохранить очаги (пусть и на других уровнях!) органной культуры нашего города: орган Т. Хьюза (кафедральный собор Успения пресвятой девы Марии), орган Г. Штайнманна (церковь Св. Петра), орган Г. Шмидта в Токсово и другие.

На сегодняшний день в Санкт-Петербурге самая драматичная ситуация сложилась в фундаменте органной культуры — инструментарии. До революции, в имперский период, в Петербурге была редчайшая коллекция органов знаменитых мастеров. По художественной ценности эти инструменты не уступали шедеврам легендарных Гварнери, Амати. В советский период бесчисленное количество ор-

ганов ушло в небытие. «Органная Атлантида» Петрограда—Ленинграда...

Сейчас в городе имеется около двадцати инструментов, в основном рядового порядка, из которых звучат чуть более десяти. Для возрождения и развития органного инструментария — базы органной культуры нашего города прежде всего требуется разработка глубоко продуманной художественной и технически обоснованной «органной политики» на городском и федеральном уровнях. Санкт-Петербург — крупнейший центр органной культуры — должен обладать инструментарием основных стилистических направлений: барочным, романтическим, универсальным. Такой состав инструментов позволил бы в будущем обогатить условия для стилистически верного исполнения органной музыки, привлечь бы большое количество зарубежных исполнителей и вернул городу значение органной столицы России.

Май 2003 года. 300-летие Санкт-Петербурга. Молчит исторический орган Капеллы. Ему необходима реконструкция. Умолкает «Валькер» Большого зала Филармонии. Требуется реконструкция. Астматически задыхаясь, еле звучит исторический «Валькер» церкви Девы Марии Лурдской... Звуковая «партитура города» невосполнимо теряет «голоса» европейской культуры, так обогатившие историю русской музыки. «Голоса» духовности, истины, веры. Молчат иноземные сфинксы на хорах церквей, в концертных залах, театрах, и только в глубине души ценителей органного искусства постоянно и тревожно звучит их сигнал: «SOS... SOS... SOS...»

ШКОЛА

Петербург положил основание профессиональной органной школе — старейшей в России. С первых дней открытия Консерватории (1862) начал работу и органной класс. Именно в той атмосфере происходило зарождение нового явления органного концертного музицирования. Однако необходимо сделать небольшое, но очень важное отступление. 27 июля 1856 года. Эта дата — историческая веха в русской органной культуре. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилась статья «Два слова об органе в России» выдающегося музыкально-общественного деятеля, критика, главы и идеолога «Могучей кучки» В. Стасова. В ней автор впервые поднял вопрос о роли «короля инструмен-

тов» в русской музыкальной культуре. «Какую роль играет у нас орган? — Никакой. Вот странный и малоутешительный ответ для такой страны, где орган существует в числе тысяч и где притом они существуют более полутора столетия». Так начиналась статья В. Стасова, в которой он подробно излагал ситуацию, сложившуюся в органной культуре. По данным автора, количество органов в России в то время исчислялось 2280 (1300 — в католических церквях, 950 — в лютеранских, 30 — в протестантских). Однако, несмотря на прекрасную базу инструментов, Стасов подчеркивал следующее: за 150 лет (1703—1856) «у нас нисколько не привился вкус к органу и органной музыке», «отвергнут и забыт... один орган... антипатия, равнодушие к органу и органной музыке», «у нас не было до сих пор ни одного русского органиста (и тем менее русского органа)... остается совершенной тайною... все, что относится до органа и органной музыки (никто не знает, не играл, не слышал)... не было у нас ни одного из самостоятельных и могучих талантов...» Автор ратовал за равноправие органа с другими инструментами, призывал к открытию концертных залов с наличием органов и в заключение с пафосом писал: «Но если и нам суждена когда-нибудь эпоха великости и колоссальности творчества в музыке, то и у нас будет и много талантов, которые одновременно с великими творцами будут разрабатывать орган и органную музыку во всей их полноте и обширности».

Итак, к середине XIX века, за 150 лет существования органа в нашем городе, мы имели большое количество великолепных инструментов, а остальные компоненты органной культуры (исполнительская и педагогическая школа, композиторы, публика) почти отсутствовали.

Основателем и первым руководителем органного класса Петербургской консерватории стал Г. Штиль (1829—1886) — органист, хоровой дирижер, композитор. Он родился в Любеке, учился у Мендельсона. Приехав в наш город, он выиграл конкурс на должность органиста церкви Св. Петра на Невском проспекте и затем был приглашен Антоном Рубинштейном на должность профессора органного класса Петербургской консерватории. Следует отметить, что занятия органного класса проходили на инструменте церкви Св. Петра, так как Консерватория сво-

В. Шляпников за органом фирмы «Валькер». Фото из архива авт.

его инструмента в то время не имела. В церковном зале стоял самый большой в Петербурге орган фирмы «Валькер». Инструмент был первым в серии, предназначенной для установки в зарубежных странах. Он имел 76 регистров, 4 мануала и две ножные педальные клавиатуры (!). Он относился к пяти органам мира, имевшим эту специфическую конструкцию.

Г. Штиль считался одним из знаменитых европейских органистов-виртуозов. Он был в дружеских отношениях с русскими музыкантами — Глинкой, Одоевским. Авторитет его среди них был очень высок. Пресса характеризовала его так: «...отличный виртуоз, превосходный знаток органной литературы, музыкант с честным и серьезным направлением», «один из талантливых и выдающихся органистов». Штиль выступал с концертами в России, Дании, Швеции, Англии, Италии, Германии. Среди его учеников — П. Чайковский, Г. Ларош и другие.

После Г. Штиля в 1874 году руководителем органного класса стал Л. Гомилиус (1845—1908), один из первых воспитанников Консерватории. Он окончил ее по классу фортепиано (А. Рубинштейн, 1865), по виолончели (К. Давыдов, 1868). Работая позже в Мариинском театре, он увлекся органом, занимаясь у Штиля, а впоследствии стал органистом церкви Св. Петра, профессором класса органа Консерватории. За долгие годы преподавания он расширил и дополнил программу обучения. Среди его учеников было много талантливых эс-

тонских и латышских органистов: М. Хярма, А. Калнын, Р. Тобиас, А. Юрьян, И. Каппель, и других. Педагогическая деятельность Гомилиуса оказала большое влияние на органную культуру Прибалтики. Гомилиус стал популяризировать орган как концертный инструмент. Пресса отмечала его высокий профессионализм. «Гомилиус прекрасный органист, мастерски и со вкусом владеющий регистрами...». Он с успехом выступал и в церквях и в концертных залах России.

В 1909 году органнй класс Петербургской консерватории возглавил молодой Жак Гандшин (1886–1955), выходец из Швейцарии. Пройдя курс обучения у крупнейших органистов того времени – М. Регера, К. Штраубе, Ш. Видора, Гандшин в это же время получил прекрасное университетское образование. В 1915 году он стал профессором Консерватории и органистом церкви Св. Петра. Гандшин успешно проявил себя в разных творческих ипостасях: исполнительстве, педагогике, научной и музыкально-общественной деятельности. Гандшин пропагандировал орган как исключительно концертный инструмент. Это проявлялось и в манере исполнения, в подборе программ, в словесной и эпистолярной публицистике. «Его игра отличается академической строгостью... в игре Гандшина покоряла теплота и проникновенность. Тонкая регистровка, камерная манера игры» (Х. Кушнарв); «...трогательное художественное впечатление...» (Б. Асафьев); «Органист Гандшин... выявил колоссальную виртуозность в технике органной педали и замечательный вкус в регистровке», отмечалось в одной из рецензий.

В классе Гандшина органом занимались С. Свиридова, У. Гаджибеков, С. Прокофьев, Н. Ванадзиньш, И. Браудо и многие другие. Гандшин был автором многочисленных статей, среди них – «Из истории органа в России», «Орган как концертный инструмент», «Русская музыка для органа». Благодаря его инициативе и участию многие русские композиторы не прошли мимо органного творчества: Глазунов, Ляпунов, Виталь, Крыжановский, Каратыгин, Николаев и другие.

Всею своей многогранной деятельностью Гандшин стимулировал интерес общественности к органу, органной музыке, органной культуре. В 1821 году Гандшин уехал в Швейцарию, где работал церковным орга-

нистом, преподавал в университете Базеля, занимался публицистикой.

На короткое время (1921–1923) руководство органнм классом взял на себя один из его учеников – Н. К. Ванадзиньш, только что окончивший Консерваторию. Как исполнитель-органисту, Ванадзиньшу были присущи масштаб и виртуозность. В свой репертуар он часто включал сочинения русских композиторов – Глазунова, Ляпунова и произведения Регера. Среди его учеников были О. Цингинь, П. Сиполникс, Е. Лисицына. В неоднократных беседах с автором этой статьи Н. Ванадзиньш делился своими взглядами на органное искусство, на органное исполнительство. Представляется ценным привести ряд его высказываний, в которых отражены самобытные черты петербургской органной школы. «Орган является не ударным инструментом, а духовым, поэтому на органе надо петь»; «Музыка должна дышать, исполнение должно быть живой речью, а не механичным»; «Органнне клавиши надо ласкать, а не бить по ним, необходимо к ним прикасаться, а не ударять».

Развитие этих ценных черт в органном исполнительстве было присуще последующим руководителям органного класса – профессору И. Браудо и профессору Н. Оксентян.

В 1923 году главой ленинградской органной школы стал ученик Ж. Гандшина и Н. Ванадзиньш – И. Браудо (1896–1970). С его именем связана эпоха в истории органной культуры Ленинграда. Исполнитель, ученый, педагог. Учась в молодости у выдающихся немецких и французских органистов (Ситтард, Рамин, Штраубе, Видор, Вьерн), Браудо смог синтезировать в своем исполнительстве ценные качества ведущих органннх школ. Романтическое звукоощущение. Строгость и поэтичность. Масштаб и утонченность. «Браудо – великий органист... Во всех композиторах – старинных, современных – он показывал человеческие качества, о которых мало говорится. В Бахе он открывал Человека...»³.

Как педагог профессор Браудо был авторитарен и требователен. Он обладал своей методикой – «методом вариантов» – ключом к раскрытию индивидуальности учащегося и живого организма музыки. Среди его учеников: В. Бакеева, Н. Бакеева, А. Котляровский, В. Нильсен, М. Шахин, С. Дайч, Н. Оксентян, А. Браудо,

Т. Чаусова, автор данной статьи и другие музыканты.

Как ученого, И. Браудо отличала новизна идей и концепций. «Новые знания» – важнейший вклад в научную мысль. «И. А. был... большой ученый... создавший целую науку... которая называется “Артикуляция”... Книга эта... гениальная. Это учебник музыкальной речи»⁴.

Профессор И. Браудо – личность, обогатившая традиции петербургской органной школы своей исполнительской интонацией, научной мыслью, педагогическим методом.

Профессор Н. И. Оксентян возглавила органнй класс в Консерватории с 1970 года. Ученица И. Браудо, она постоянно и много выступает с концертами в Петербурге, городах России, СНГ, Балтии и за рубежом. Ее артистический облик отмечен самобытностью, высокой духовностью, одухотворенностью, мастерством. И. Браудо писал: «Нина Оксентян – выдающаяся ленинградская органистка, снискавшая своей многолетней, разносторонней исполнительской деятельностью признание и любовь слушателей»⁵.

Репертуар органистки включает органную музыку всех эпох. Значительное место в нем уделено произведениям современных петербургских композиторов. Довольно часто она становится их первой исполнительницей (Г. Белов, А. Мнацаканян, А. Агабабов, В. Цытович). Большое внимание артистка уделяет ансамблевому музицированию (Е. Образцова, И. Богачева, М. Биешу, Б. Штоколов,

Профессор Н. Оксентян и В. Шляпников. Большой зал Филармонии. Фото из архива авт. 2002 г.

М. Вайман, Б. Гутников, Н. Рахлин, К. Зандерлинг). Н. Оксентян воспитала плеяду органистов — лауреатов и дипломантов международных и все-российских конкурсов. Ею записано десять пластинок с музыкой Баха, Телемана, Франка, русских композиторов, вокальные сочинения XVII—XVIII веков. Н. Оксентян — член жюри всероссийских органических конкурсов, член правления Ассоциации органистов, органических мастеров и органистов России.

...Мысленно оглядывая всю «портретную» галерею руководителей органического класса Петербургской — Петроградской — Ленинградской — Петербургской консерватории, можно констатировать: у органического класса счастливая судьба. Все его руководители — выдающиеся музыканты — передавали из рук в руки ценные качества петербургской школы, которые и определили ее «лица вообще выраженье»: романтическое звукозерцание, одухотворенность высказывания, богатство звуковых красок, примат поющей природы инструмента. Все эти качества следует бережно хранить и развивать будущему поколению, ибо они являются составной частью традиций великой русской исполнительской школы, представленной именами Рубинштейна, Шаляпина, Рахманинова, Рихтера, Ойстраха, Ростроповича, Соколова. Именно на этом пути видится успех петербургской органической школы, ее будущее европейское и мировое признание.

КОМПОЗИТОРЫ

Петербург положил начало и первым опытам русских композиторов в области органической музыки. Но, скажу прямо, композиторы осторожно и «ощупью» постигали природу «короля инструментов». Вероятно, играли роль и особенности национального звукоощущения, и специфика православного ритуала, и определенный консерватизм взглядов, и многое другое. Профессор Ж. Гандшин в одной из своих статей в 1916 году отмечал: «Неосведомленность русских музыкантов по части органа до недавнего прошлого доходила до значительных размеров». И тем не менее приближение отечественных композиторов к богатейшим возможностям органа развивалось. В начале были Глинка, Одовский, Серов. Их небольшие полифонические пьесы отмечены бе-

зыскусной простотой, стремлением связать «узлы законного брака» западную фугу «с условием нашей музыки» (Глинка). Далее. Выдающиеся русские композиторы стали эпизодически вводить орган в свои кантатно-ораториальные, оркестровые, музыкально-театральные, хоровые сочинения (Рубинштейн, Чайковский, Римский-Корсаков, Скрябин, Глазунов, Гречанинов). Однако лишь на рубеже XIX—XX веков благодаря инициативе французского аббата Ж. Жубера и профессора Ж. Гандшина появились первые сольные сочинения для органа (Глазунов, Ляпунов, Витоль, Крыжановский, Каратыгин, Николаев, Танеев, Кюи, Глиэр, Катуар, Гунст). Именно ими был создан «золотой фонд» русской органической музыки.

Советский период — это новая яркая страница в многовековой истории органического искусства. Вклад ленинградских композиторов в органическую тематику был значительным. При всем различии форм, стилей, жанров органических сочинений им присуща общая черта — разработка специфически органической фактуры на новом мелодическом материале. Велика роль в создании многих сочинений ленинградских авторов профессора И. Браудо, инициировавшего внимание композиторов к органу. Появились произведения Кушнарева, Юдина, Волошина, Тюлина, Чишко, Шостаковича, Гана, Евлахова, Баланчивадзе. В 1933 году Ленинградская консерватория впервые провела конкурс на лучшее органическое сочинение. В одной из статей И. Браудо писал: «Наша органическая литература — интереснейшая глава советской литературы, и более того, европейской музыки XX века в целом. Глава начатая. Глава, которая еще будет продолжена и развита». Так и случилось. 50–60-е годы XX столетия были отмечены появлением оригинальных сочинений Тищенко, Слонимского, Белова, Фалика, Мнацканяна, Кочурова.

Отечественная органическая музыка с 60-х годов XX века вступила в свой современный этап. Композиторы используют орган в различных сферах: музыка для театра и кино (Арапов, Слонимский, Кнайфель, Шостакович, Портнов); симфоническая, кантатно-ораториальная (Петров, Салманов, Мартынов, Слонимский); концерт для органа с оркестром (Слонимский, Белов, Роголев, Агабабов); камерно-инструментальная (Баншиков,

Портнов, Евтушенко, Цытович, Устинов, Успенский, Толстой, Корчмар, Волкова).

Современные композиторы используют всевозможные средства органического письма, разную тематику, приемы (кластерно-ротационную технику, глиссандо в педали, выключение мотора и др.). Идут напряженные поиски, эксперименты...

К 300-летию Санкт-Петербурга профессором Н. Оксентян и автором этой статьи выпущен первый сборник в новом столетии «Органическая музыка современных петербургских композиторов», где представлены сочинения современных петербургских композиторов Белова, Агабабова, Курбанова и Лавровой. Они отмечены разнообразием тематики, жанров, форм, различной стилистической направленностью. Появляются сочинения молодых композиторов.

Мы вправе спросить: «Каковы перспективы на будущее у органической музыки?» Вероятно, у музыки для органа большое будущее, ибо она апеллирует к категориям Гармонии, Космоса, Вечности!

ПУБЛИКА

«Все билеты проданы». Эти слова — постоянный спутник едва ли не каждого органического концерта. Нетерпеливые ожидания начала, чуткая тишина во время исполнения, в антракте — тихий говор слушателей, с любопытством рассматривающих органическую кафедру, восторженные лица, вызовы на бис... Огромная популярность органических концертов в наше время очевидна». Так начиналась одна из моих статей в одной из ленинградских газет, посвященная органическим концертам 70-х годов XX века. Всегда ли петербургская публика так заинтересованно воспринимала орган и органическую музыку?

Интерес к органической музыке сильно возрос за последние 150 лет. И можно предположить, что большую роль в этом сыграли великолепные органы нашего города, высокая профессиональная школа (концертный органический стиль), композиторское творчество и многие другие социально-психологические факторы. Органическая музыка с ее высокой духовностью была постепенно воспринята «русской душой» и стала связующим звеном между европейской культурой и самобытностью русской жизни. Следует заметить, что в имперский период орган-

ные концерты были редким событием по сравнению с другими жанрами и формами музицирования. В основном они проходили в храмах. Но они были очень притягательны для слушателя. Каждый находил для души свои «константы»: духовные, психологические, этические, эстетические, экзотические. И если мы вспомним отзывы современников и прессы на концерты органистов петербургской школы Штиля, Гомилиуса, Гандшина, то везде отмечался большой интерес слушателя к этим выступлениям.

«У вас лучшая в мире публика и худшие в мире органы», — это замечание известного чешского органиста профессора И. Рейнбергера, сделанное им в 50–60-е годы XX века, может стать эпиграфом к периоду советской органной культуры. И вряд ли к этому можно что-либо добавить.

Концерты ленинградских органистов профессор И. Браудо, Н. Оксентян всегда проходили при переполненных залах. И более чуткую, отзывчивую, внимательную, требовательную публику вряд ли где можно встретить. Наш слушатель ждет от органиста-исполнителя, как и пианиста, скрипача, дирижера, — искусства эмоционального, поэтического, духовного. Звукоинформационное «поле» органиста должно быть носителем глубокой мысли и чувства. Если кратко — то за органом должна быть Личность. Ибо только она может подчинить все выразительные ресурсы инструмента созданию высокохудожественного образа.

Среди классических жанров органная музыка по популярности занимает одно из первых мест. Современный слушатель не обходит вниманием орган. Публика органных концертов имеет свои приметы: среди нее много молодежи, по составу она демократична, информированность ее об органном искусстве невелика, состав непостоянен. Так что же притя-

гивает слушателя к посещению органных концертов? Это прежде всего возможность отвлечься от повседневности, обыденности; познакомиться с органом и органной музыкой. Парадоксально, но интерес к исполнителю-органисту сейчас невелик. И вот здесь мы сталкиваемся со специфической особенностью органа, отличием его от всех других музыкальных инструментов. Отличие это состоит в том, что в восприятии многих слушателей богатейшие тембровые и динамические возможности органа как бы отодвигают на второй план индивидуальность исполнителя, его технику, умение воплотить музыкальный образ. Может быть, именно поэтому, направляясь, например, на фортепианный или симфонический концерт, слушатели шли «на Рихтера» или «на Караяна», когда же они направляются на органный вечер, идут обычно «на орган». Действительно, орган благодаря своим уникальным возможностям зачастую позволяет неумелому исполнителю «спрятаться» за внешне эффектным звучанием инструмента. Это затрудняет оценку исполнительского мастерства органиста не только недостаточно подготовленными слушателями, но и высочайшими профессионалами.

«Признаюсь, что отношение мое к органному исполнительству чисто любительское: сколько уж лет слушаю орган из зала, а все не могу разобрать, хорошо играет органист или нет, все не могу понять, властелин ли он над своим инструментом или впечатления слушателю внушает инструмент как таковой... не верю себе в своих впечатлениях и не могу преодолеть психологического препятствия на пути к органным концертам... не получил оснований отказаться от своего понятия органной игры как обезличенной исполнительской деятельности, жестко заданной «фактором инструмента»⁶. А вот впечатления великого Свя-

тослава Рихтера от игры на органе уже упоминавшегося нами известного чешского органиста И. Рейнбергера. «Бах — на органе! Что можно сказать. Да, слушал, вероятно, было хорошо или, по крайней мере, прилично. Но ничего не поделаешь, нет у меня таланта услышать по-настоящему орган...»⁷. И в заключение на эту тему проникнутый горькой иронией афоризм профессора Н. Перельмана: «Есть пьесы, которые родились в счастливой исполнительской рубашке; это значит — можно мало уметь, а получается недурно. Примеры: ... у органистов — почти весь репертуар»⁸. Не все так однозначно в «органном королевстве».

Органная музыка может и должна стать фактором приобщения широких слоев публики к высоким художественным образцам музыкального искусства. Необходимо учить публику смотреть на органное искусство не как на диковинку, моду, экзотику, психотерапию, но как на искусство, дающее разнообразные и глубокие впечатления, сродни симфоническому, оперному, скрипичному. Большую роль могут сыграть просветительские семинары, лекции, факультативы. Основная их цель — воспитание знающего, грамотного, правильно ориентирующегося в ценностях органного искусства слушателя. Но главное — наш слушатель всей душой любит орган и органную музыку. И это значит — органному искусству в Санкт-Петербурге жить и процветать!

Резюме будет кратким: органная культура нашего города, имеющая богатую историю и традиции, высокие творческие достижения, возродив и создав заново ценный инструментарий, подарит своему преданному слушателю мир Красоты, Истины, Добра подобный идеальным конструкциям «города Солнца» великого итальянского мыслителя Томмазо Кампанеллы.

¹ Более подробно об органах Петербурга см.: Кравчун П. Н., Шляпников В. А. Органы Санкт-Петербурга и Ленинградской области. М., 1998.

² Небольшая часовня находилась и во дворце принца Ольденбургского (ныне здание Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств). Клара Шуман в своем дневнике за 1844 г. отмечала: «Принц показал нам свой орган, который помещается в небольшой домашней часовне».

³ Б. И. Тищенко из радиопередачи «И. Браудо и его органная школа». 1995. Март.

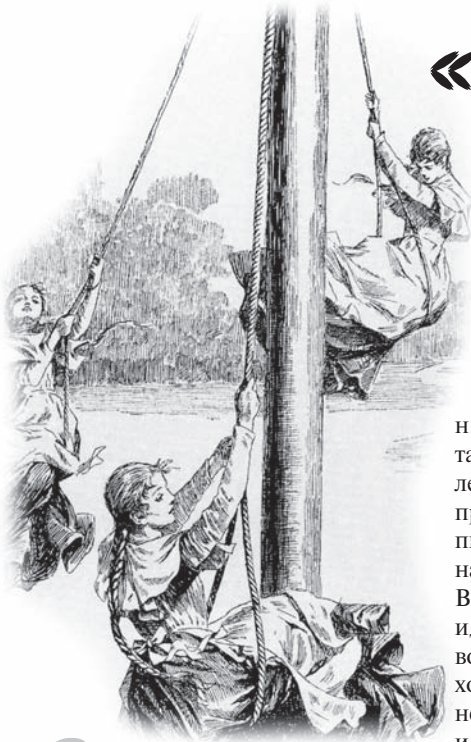
⁴ Б. И. Тищенко из выступления на Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения И. А. Браудо. 1996. 7 июня.

⁵ Из отзыва профессора И. А. Браудо.

⁶ Гаккель Л. В концертном зале. СПб., 1997. С. 138–139.

⁷ Монсенжон Б. Рихтер. Диалоги — Дневники. М., 2002. С. 188.

⁸ Перельман Н. В классе роаяля. 1981. С. 69.

«Как некий новый род...»: смолянки, монастырки, институтки

А. Ф. Белоусов

Основание Петербурга стало началом новой России. Именно здесь, в Петербурге, создавалась не только новая русская культура, но и новая «порода» русских людей. Одним из учебных заведений, предназначенных для того, чтобы «преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение»¹, было учрежденное Екатериной II в 1764 году Воспитательное общество благородных девиц. Оно размещалось в стенах Воскресенского девичьего монастыря, который начал строиться еще при Елизавете Петровне на месте принадлежавшего ей Смольного дворца и был открыт одновременно с Воспитательным обществом. Этим объясняется, почему его обычно называли Смольным монастырем, а его воспитанниц — «смолянками» или «монастырками».

Образование, которое давалось питомицам Воспитательного общества, соответствовало «тому духу, тому психическому строю и практическим навыкам, — писал В. В. Розанов, — какие сложились в золотую пору нашего дворянского быта — быта очень твердого, очень высокого, о котором мы можем судить по множеству художественных отражений литературы, который мы все невольно любим уже в этих отражениях»². Основное место в учебной программе уделялось тому, что считали необходимым для светской жизни: изучению языков (прежде всего — французского) и овладе-

нию «дворянскими науками» — танцами, музыкой, пением и так далее. Однако первостепенное значение придавалось не образованию, а воспитанию, о чем свидетельствует само название Воспитательного общества. В соответствии с педагогическими идеями просветителей XVIII века воспитание «нового» человека происходило в строгой изоляции от внешнего мира, погрязшего в «суевериях» и «злонравии». Именно это должно было способствовать созданию «новой породы» светских женщин, которые смогут цивилизовать жизнь дворянского общества.

Особые условия воспитания в женских институтах, как стали называться училища, устроенные по образцу Воспитательного общества благородных девиц, хотя и не создали «новую породу» светских женщин, но сформировали оригинальный женский тип. Это показывает само слово «институтка». Его семантика не ис-

черпывалась обозначением воспитанницы женского института: слово «институтка» имело и более общий смысл (отсутствующий у «гимназистки» или «курсистки»), означая любого человека «с чертами поведения и характером воспитанницы подобного заведения (восторженном, наивном, неопытном и т. п.)»³. Этот образ вошел в поговорку, породил множество анекдотов и отразился в художественной литературе. Обстоятельства, в которых выработался особый социально-психологический тип «институтки», его основные особенности и отношение к нему общества заслуживают внимания и объяснения.

Если первые «смолянки» воспитывались в гуманной и творческой атмосфере, которую поддерживал просветительский энтузиазм основателей Воспитательного общества, то впоследствии возобладал формализм и рутинность обычного казенного учреждения. Все воспитание стало сводиться к поддержанию порядка, дисциплины и внешнего благообразия институток. Основным средством воспитания были наказания, что отдаляло институток от воспитательниц, большинство которых составляли старые девы, завидовавшие молодежи и с особым рвением исполнявшие свои полицейские обязанности. Естественно, что между воспитательницами и воспитанницами зачастую шла самая настоящая война. Она продолжалась и в институтах второй половины XIX века: либерализацию и гуманизацию режима сдерживал недостаток хороших и просто квалифицированных воспитательниц. Воспитание по-прежнему основывалось «больше на манерах, меньше держать себя *comme il faut*, отвечать вежливо, присесть после выслушания нотации от классной дамы или при вызове учителя, держать корпус всегда прямо, говорить только на иностранных языках»⁴.

Г. И. Ржевская.
Худ. С. П. Левицкий. 1773 г.

Однако в отношениях между самими институтками манерность и чопорность институтского этикета сменялись откровенностью и непосредственностью дружеского общения. Институтской «выправке» противостояло здесь свободное проявление своих чувств. Это приводило к тому, что обычно сдержанные и даже «конфузливые» на людях институтки иногда могли повести себя совершенно по-детски. Вспоминая о том, что произошло с ней, когда разговор с неизвестным молодым человеком перешел на «институтскую тему» и затронул любимые ее предметы: «начала хлопать в ладоши, скакать, хохотать», — одна из институток XIX века называет это «глупым институтством»⁵. «Институтство» вызывало резкую критику и насмешки со стороны окружающих, когда воспитанницы выходили из института. «Не из луны ли вы к нам пожаловали?» — обращается к институткам светская дама в романе Софьи Закревской «Институтка» и далее отмечает: «А это детское простосердечие, которое так резко выказывается при совершенном незнании светских приличий... Уверяю вас, в обществе сейчас можно узнать институтку»⁶.

Обстоятельства жизни в закрытом учебном заведении замедляли взросление институток. Хотя воспитание в женском обществе и акцентировало зарождавшиеся в девушках душевные переживания, формы их выражения отличались детской об-

Матан и институтки.

Е. Самокиш-Судковская. Ил. к книге Н. А. Лухмановой «Девочки. Воспоминания из институтской жизни» (СПб., 1896)

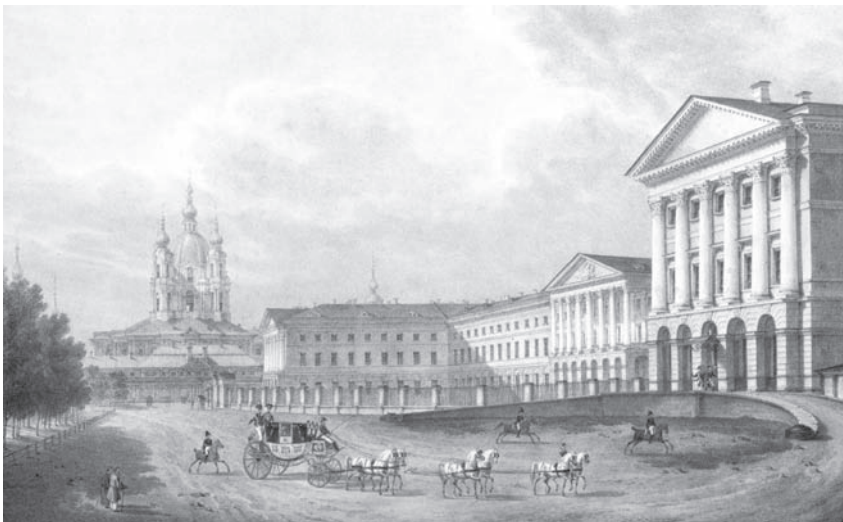

Портрет Е. Н. Хрущевой и Е. Н. Хованской. Худ. Д. Г. Левицкий. 1773 г.

рядностью и экспрессивностью. Героиня романа Надежды Лухмановой «Институтка» хочет попросить у человека, к которому она испытывает симпатию, «что-нибудь на память, и это «что-нибудь» — перчатку, платок или хоть пуговицу — носить на груди, тайно осыпая поцелуями; затем подарить что-нибудь соответственное ему, а главное плакать и молиться, плакать на виду у всех, возбуждая к себе этими слезами интерес и сочувствие»: «так делали все в институте и выходило очень хорошо»⁷. Аффектированная чувствительность выделяла выпущенных в свет институток на фоне окружающего общества и была отмечена им как типично институтская черта. «Показать всем свою печаль, — думает та же героиня, — еще смеяться станут, скажут: сентиментальная институтка»⁸. Однако эта черта лишь отражает уровень развития воспитанниц институтов благородных

девиц, вступающих во взрослую жизнь с душой и культурными навыками девочки-подростка.

Во многих отношениях они мало чем отличались от своих сверстниц, не получивших институтского воспитания. Это воспитание, например, так и не смогло преодолеть «суеверие веков», на что рассчитывали его учредители. Институтские суеверия отражают бытовые предрассудки дворянского общества. Они включали в себя и характерные для послепетровской России формы «цивилизованного» язычества, вроде обожествления супруги Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны, воспитанницами Патриотического института, причислившими ее после смерти к «лику святых» и сделавшими из нее своего «ангела-хранителя»⁹. Элементы традиционных верований тесно переплетаются с заимствованиями из западноевропейской религиозно-бытовой куль-

Воспитательное общество благородных девиц.
Худ. К. П. Бегров по оригиналу С. Ф. Галактионова. 1823 г.

туры. Институтки «все до одной боялись покойников и привидений»¹⁰, что способствовало широкому распространению легенд о «черных женщинах», «белых дамах» и тому подобной чертовщине, населявшей помещения и территорию институтов. Очень подходящим местом для бытования таких рассказов являлись старинные здания Смольного монастыря, с которыми была связана ходячая легенда о замурованной там монахини, пугавшей по ночам боязливых смолянок¹¹. И вот, когда «напуганное воображение» рисовало институткам «ночных призраков»¹², со страхами боролись испуганным детским способом: «разговор о чудесном и о привидениях был одним

из самых любимых, — вспоминала воспитанница Патриотического института. — Мастерницы рассказывать говорили с необыкновенным увлечением, меняли голос, вытаращивали глаза, в самых поразительных местах хватали за руку слушательниц, которые с визгом разбежались в разные стороны, но поуспокоясь немного, трусихи возвращались на покинутые места и с жадностью дослушивали страшный рассказ»¹³. Известно, что коллективное переживание страха помогает преодолеть его.

Если младшие воспитанницы довольствовались пересказом «суевренных сказок», услышанных от сиделок и прислуги, то старшие рассказывали

«волшебные сказки» собственного сочинения, пересказывали прочитанные или же выдуманные ими самими романы. Институтки долгое время пользовались репутацией весьма начитанных особ. Эта репутация имела определенные основания, если даже Тургенев, который не жаловал воспитанниц институтов благородных девиц, поручил любимшей литературе и пописывавшей «стишки» институтке приохотить к чтению Елену Стахову, благодаря чему героиня романа «Накануне» и стала «новой женщиной» в русской культуре XIX века. Впрочем, начитанность институток не стоит и преувеличивать. Оторванные от интересов современной жизни, институтские

Портрет воспитанницы Смольного института Ольги Жданович.
Фото П. Федотова. 1847–1848 гг.

Екатерининский институт (Санкт-Петербургское училище ордена св. Екатерины) на Фонтанке.
Фото. 1890-е гг.

курсы русской и иностранной литературы не восполнялись внеклассным чтением, которое всячески ограничивалось и контролировалось, чтобы оградить институток от «вредных» идей и неблагопристойностей и сохранить в них детскую невинность ума и сердца. «Зачем им душу возвышающее [чтение], — говорила начальница одного из институтов классной даме, читавшей по вечерам воспитанницам Тургенева, Диккенса, Достоевского и Льва Толстого, — это надо народ возвышать, а они и так из высшего класса. Им важно невинность воспитать»¹⁴.

Институт строго оберегал младенческую непорочность своих воспитанниц. Она считалась основой высокой нравственности. В стремлении оставить институток в неведении относительно греховных страстей и пороков воспитатели доходили до форменных курьезов: иногда седьмую заповедь даже заклеивали бумажкой, чтобы воспитанницы вообще не знали, о чем здесь идет речь¹⁵. Варлам Шаламов писал и об особых изданиях классиков для институток, в которых «было больше многоточий, чем текста»: «Выброшенные места были собраны в особый последний том издания, который ученицы могли купить лишь по окончании института. Вот этот-то последний том и представлял собой для институток предмет особого вожделения. Так девицы увлекались художественной литературой, зная «на зубок» последний том классика»¹⁶. А между тем даже скабрзные анекдоты об

Прием гостей в институте.

Е. Самокиш-Судковская. Ил. к книге Н. А. Лухмановой «Девочки. Воспоминания из институтской жизни» (СПб., 1896)

Вид монастыря Благородных девиц в Санкт-Петербурге.
Худ. М.-Ф. Даман-Демартре. 1813 г.

институтках исходят из представлений об их безусловной невинности и непорочности.

Однако романы привлекали воспитанниц не только «греховной» темой или занимательным сюжетом, который можно было пересказать перед сном подругам. Они давали возможность познакомиться с той жизнью, что шла за «монастырскими» стенами. «Я вышла из института, — вспоминала В. Н. Фигнер, — с знанием жизни и людей только по романам и повестям, которые читала»¹⁷. Естественно, что многих институток обурежала жажда попасть в героини романа. Очень способствовали тому и «фантазерки, начитавшиеся романов»: они выводили «затейливые узоры по канве <...> бедняжек, бедных фантазией, но жаждавших романтических картин в их будущем»¹⁸.

Мечты о будущем занимали все более существенное место в жизни воспитанниц по мере того, как приближался выпуск из института. Мечтали не столько в одиночку, сколько сообща: вместе с ближайшей подругой или всем отделением перед сном. Этот обычай является ярким примером «чрезмерной общительности» воспитанниц, которая приучала их «не только действовать, но и думать вместе; советовать со всеми в мельчайших пустяках, высказывать малейшие побуждения, проверять свои мнения другими»¹⁹. О чем речь, если овладевая сложным искусством парного хождения (которое служило одним из характерных признаков институтского воспитания), институтки разучивались ходить в одиночку. Им действительно «чаще приходилось говорить “мы”, чем “я”»²⁰. Отсюда — и неизбежность коллективного мечтания вслух. Характерна реакция одного из героев чеховского «Рассказа неизвестного человека» на предложение «мечтать вслух»: «Я в институте не был, не проходил этой науки»²¹.

Обращает внимание подчеркнутый праздничный характер жизни, о которой мечтали в институтах. Институтки оттачивались от скучного однообразия порядков и суровой дисциплины институтской жизни: будущее должно было быть полной противоположностью окружающей их действительности. Определенную роль играл и опыт общения с внешним миром, будь то встречи с нарядно одетыми людьми во время воскресных свиданий с родственниками или же институтские балы, на которые при-

Е. Н. Водовозова

глашались воспитанники самых привилегированных учебных заведений. Оттого будущая жизнь казалась беспрерывным праздником. Это порождало драматическую коллизию между институтскими мечтами и реальностью: многим институткам приходилось «прямо с облаков спуститься в самый неказистый мир», что крайне осложняло и без того трудный процесс адаптации к действительности.

Институтки были весьма благосклонно приняты культурной элитой конца XVIII — начала XIX века. Литераторы превозносили новый тип русской светской женщины, хотя и усматривали в нем совершенно раз-

Портрет воспитанницы
Елизаветинского института.
Фото. 1912 г.

ные достоинства: классицисты — серьезность и образованность, сентименталисты — естественность и непосредственность. Институтка продолжала играть роль идеальной героини и в романтическую эпоху, которая противопоставляла ее светскому обществу и миру как образец «высокой простоты и детской откровенности». Внешний вид институтки, «младенческая непорочность» мыслей и чувств, ее отстраненность от мирской прозы жизни, — все это помогло видеть в ней романтический идеал «неземной красавицы». Вспомним юную институтку из «Мертвых душ» — «свеженькую блондинку <...> с очаровательно круглившимся овалом лица, какое художник взял бы в образец для мадонны»: «она только одна белела и выходила прозрачною и светлою из мутной и непрозрачной толпы»²².

Одновременно существовал и прямо противоположный взгляд на институтку, в свете которого все благоприобретенные ею манеры, привычки и интересы выглядели «жеманством» и «сентиментальностью». Он исходил из того, что отсутствовало в институтках. Воспитанницы женских институтов предназначались для духовного преобразования светского быта, и поэтому институт мало готовил их к практической жизни. Институтки не только ничего не умели, они вообще мало что понимали в практической жизни. «Тотчас после выхода из института, — вспоминала Е. Н. Водовозова, — я не имела ни малейшего представления о том, что прежде всего следует условиться с извозчиком о цене, не знала, что ему необходимо платить за проезд, и у меня не существовало портмоне»²³. Это вызывало резко негативную реакцию со стороны людей, занятых повседневными делами и заботами. Они считали институток «белоручками», «набитыми дурами», «кисейными барышнями» (выражение, восходящее к выпускной форме воспитанниц женских институтов: белые кисейные платья с розовыми кушаками). Вместе с насмешками над «неловкостью» институток распространялись «стереотипные суждения» о них как об «изрядно невежественных существах, думающих, что на вербах груши растут, остающихся глупо-наивными до конца своей жизни»²⁴. Институтская наивность стала притчей во языцех.

Осмеяние и возвеличение институток имеют, по сути дела, одну и ту же точку отсчета. Они лишь отра-

жают различное отношение к детскости воспитанниц институтов благородных девиц, которую культивировали обстановка и быт закрытого учебного заведения. Если на «набитую дуру» взглянуть с некоторым сочувствием, то она оказывалась просто «дитя малое» (как говорит, обращаясь к воспитаннице, институтская горничная: «несмышлениш вы, как дитя малое, только что каля-баля по-французски, да трень-брень на рояле»²⁵). А с другой стороны, скептическая оценка образованности и воспитанности институтки, когда она служила образцом «светскости» и «поэтичности», сразу же обнаруживала ее «детское, а не женское достоинство» (что должен был открыть герой задуманной А. В. Дружининым драмы, которая затем превратилась в знаменитую повесть «Полинька Сакс»²⁶). В связи с этим и сами институтки, чувствовавшие себя «детьми» в непривычном для них взрослом мире, иногда сознательно играли роль «ребенка», всячески подчеркивая свою детскую наивность (ср.: «все жеманство, так называемое жангильничанье, приторное наивничанье, все это легко развивалось в институтках в первые годы после вы-

пуска, потому что этим забавлялись окружающие»²⁷). «Выглядеть» институткой — зачастую значило: говорить ребячьим голосом, придавая ему специфически-невинный тон и смотреть девочкой²⁸.

Однако при этом не следует забывать и о культурном потенциале образа институтки, который возникает в период расцвета дворянской культуры и переживает ее кризис, несмотря на неприязнь со стороны разночинской интеллигенции 1860–1870-х годов, видевшей в институтках жалкий пережиток крепостнической России, и презрение передовой молодежи начала XX века. Лишь зная этот культурный потенциал, можно понять, почему одним из самых типичных институтских сюжетов в русской реалистической литературе является история превращения институтки в проститутку. Это — по сути дела, падение ангелов, в виде которых с самого начала и представлялись институтки. Еще в 1773 году, восхищаясь смолянками, впервые появившимися перед публикой в Летнем саду, поэт предположил, что

*...сами ангели со небеси сошли,
Ко обитанию меж смертных
на земли*²⁹.

Институтки исправляли порочных и возрождали к жизни разочарованных в ней людей, о чем мечтал Чичиков в «Мертвых душах» и как это происходит в чеховской «Даме с собачкой». Они воплощали в жизнь основополагающую для нашей культуры идею: очиститься от греховной «скверны» мирской, повседневной жизни и спастись можно только с помощью сверхъестественной, потусторонней силы. Этой силой и выступали «Шиллеровы ангелочки»³⁰ из институтов благородных девиц.

Едва ли этот сокровенный смысл ощущается современным человеком. Он забылся не столько за давностью лет, сколько под давлением обстоятельств: люди, закрывшие институты благородных девиц, похвалялись тем, что они не институтки, и всячески поносили воспитанниц «благородных заведений». Однако им так и не удалось окончательно дискредитировать институток. Обострившийся в последнее время интерес к России, которую мы потеряли, привлек внимание и к институткам. Образ юной институтки вновь воспринимается как характерный тип старого Петербурга и как один из основных культурных символов дореволюционной России.

¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XVI. № 12103.

² Розанов В. В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 58.

³ Словарь русского языка. М., 1981. Т. 1. С. 670.

⁴ Половцева Е. А. Екатерининский институт полвека назад: (Из воспоминаний бабушки). М., 1900. С. 17.

⁵ Водовозова Е. Н. На заре жизни. М., 1987. Т. 1. С. 34.

⁶ Закревская С. А. Институтка: Роман в письмах // Отеч. зап. 1841. № 12. С. 230.

⁷ Лухманова Н. А. Институтка. М., 1904. С. 89.

⁸ Там же. С. 90.

⁹ См.: Записки институтки: Предание о Патриотическом институте с 1818 по 1834 г., из рукописей покойного В. И. Даля, доставленных по его распоряжению в редакцию // Семейн. вечера (для старшего возраста). 1873. № 1. С. 39.

¹⁰ Записки институтки // Семейн. вечера. 1873. № 2. С. 184.

¹¹ См.: Соколова А. Из воспоминаний смолянки // Вестн. всемир. истории. 1901. № 6. С. 137.

¹² Воропанова М. М. Институтские воспоминания // Рус. школа. 1902. № 10/11. С. 47.

¹³ Записки институтки // Семейн. вечера. 1873. № 2. С. 185.

¹⁴ См.: Горбунова-Посадова Е. Е. Друг Толстого Мария Александровна Шмидт. М., 1929. С. 14.

¹⁵ См.: Половцева Е. А. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ Шаламов В. Т. Об институтках и студентках // За промышленные кадры. 1935. № 19–20. С. 108.

¹⁷ Фигнер В. Н. Запечатленный труд: Воспоминания: В 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 93.

¹⁸ Лаврентьева С. И. Пережитое: (Из воспоминаний). СПб., 1914. С. 28.

¹⁹ Виницкая А. [Будзианик А. А.] Повести и рассказы. СПб., 1886. С. 7.

²⁰ Там же. С. 8 (курсив автора).

²¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М., 1985. Т. 8. С. 164.

²² Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. М., 1951. Т. 6. С. 166 и 169.

²³ Водовозова Е. Н. Т. 2. С. 20.

²⁴ Воропанова М. М. Указ. соч. С. 35.

²⁵ Лухманова Н. А. Девочки: Воспоминания из институт. жизни. СПб., 1899. С. 117.

²⁶ См.: Дружинин А. В. Повести. Дневники. М., 1986. С. 411.

²⁷ Записки институтки // Семейн. вечера. 1873. № 2. С. 179.

²⁸ См.: А [Казина А. Н.] Женская жизнь // Отеч. зап. 1877. № 3. С. 189.

²⁹ [Сумароков А. П.] Стихи господам девицам первого возраста, воспитываемым в Новодевичьем монастыре, на присутствие их в первый раз в саду летнего Е. в. дома, сего 1773 году, мая 20 числа // Санкт-Петерб. ведомости. 1773. № 45. 4 июня. Прибавление.

³⁰ Выражение П. А. Плетнева (см.: Записки институтки // Семейн. вечера. 1873. № 4. С. 16).

Дворник

С. А. Рейсер

Слово «дворник» встречается в древнейших документах русской истории, русского права и быта. Оно имело различные значения. 1 сентября 1586 года в Таможенной откупной грамоте новгородцу Ивану Филатову сказано: «А дворником имати дворовая пошлина»², то есть взимать сборы.

В. О. Ключевский сообщал об орешковских землевладельцах XVI века: «Одни из них жили в городе, сдавая свои земли в аренду крестьянам; другие только числились в городском обществе, а жили в своих деревнях, отдавая городские свои дворы в аренду “дворникам” (постояльцам)»³.

В более общем смысле Словарь Академии наук (1895) среди прочих значений называет дворником «выборного, заведовавшего торговым подворьем... собиравшего постоянную пошлину...» «человека, оставленного оберегать двор дворянина в городе»⁴.

Другие словари и энциклопедии еще больше расширяют границы употребления слова: «Дворник — термин XVI и XVII веков, обозначающий человека, живущего на частновладельческом или общественном дворе для “дворового оберегания”»; сообщается, что «слово это часто упоминается в писцовых книгах и грамотах»⁵.

Дворник нередко занимался каким-либо ремеслом, мелкой торговлей и пр., вступая в контакт с местным населением и расширяя свои связи⁶. Стоит еще добавить, что в старой Хорватии и Валахии дворником называлось придворное лицо (ср. русское *дворянин*). Иногда дворником называли зятя, принятого в дом тестя⁷. Разнообразные значения этого очень старого слова дали право «Энциклопедическому словарю Брокга-

уза — Ефрона» (1893) прямо заметить, что старинное значение термина остается еще в истории и в юриспруденции недостаточно выясненным⁸.

Но все это история. Начиная с XVIII века в русском языке слово «дворник» активно употребляется в двух значениях: они прежде всего и зафиксированы в Словаре 1847 года⁹. Одно значение обозначало хозяина постоялого двора, другое, основное, — домового работника, уборщика. В наши дни первое значение полностью отмерло, самое сочетание «постоялый двор» стало архаизмом, ушло из жизни и утрачено в нашем обычном словоупотреблении, второе — прочно укоренилось¹⁰.

К XVIII веку относится басня А. П. Сумарокова «Собака и вор». В

ней читаем: «Дворник, забывшись, не запер калитки». Тот же смысл в письме Пушкина к жене около 28 июня 1834 года. Дважды упомянут дворник в том же значении в «Носе» Гоголя (1836). Во всяком случае, бессмертная реплика Молчалина в «Горе от ума» (1824) фиксирует очень привычную и давнюю традицию. То же в очерке В. Д. Дала «Петербургский дворник» (в альманахе «Физиология Петербурга», 1844) и в очерке А. Ф. Писемского «Питершик» (1852).

В то же время можно вспомнить «Ночлег извозчиков» (1854) И. С. Никитина, где «дворник» семь раз употреблен в значении «хозяин». Вообще характерно, что в произведениях А. В. Кольцова, Н. В. Успенского, И. Т. Кокорева всегда именно такое значение. Напомню еще письмо И. С. Аксакова к отцу от 31 октября 1848 года, в котором он писал о браке горожанки с «дворником», «содержателем постоялого двора», пояснял он¹¹. Некрасов в стихотворении «Ночлеги» (1. На постоялом дворе, 1874) дворником называет, конечно, хозяина. О хозяйке — дворничихе села Воробьиного пишет С. Н. Терпигорев («Оскудение», гл. 10). «Пустого дворника» (то есть не имеющего постояльцев) дважды упоминает Лесков в рассказе «Пугало» (1885). Так же в рассказе Л. Н. Толстого «Хозяин и работник» (1894—1895): «В приходе был праздник, к деревенскому дворнику, купцу второй гильдии Василию Андреевичу Брехунову, нельзя было отлучиться». Аналогично в «Фальшивом купоне» (конец 1880-х годов и 1902—1904) и в «Крейцеровой сонате» (1887). Однако в последнем произведении слово употребляется и в современном значении. Оба значения встречаются и в «Анне Карениной».

Дворник в начале карьеры. Фото из собрания Я. Ривоша

К упомянутым произведениям можно добавить и другие источники: «Долг прежде всего» (1854) Герцена, «Обыкновенную историю» (1847) и «Обломова» (1859) Гончарова, «Пролог» (конец 1860-х годов) Чернышевского, «Бедность не порок» (1854) и «Праздничный сон – до обеда» (1857) Островского, «Братья Карамазовы» (1879) Достоевского (например: кн. 3, гл. 5; кн. 8, гл. 4; кн. 9, гл. 1 и др.).

По мере развития железнодорожной сети конная (ямская) почта стала быстро сокращаться; значительно уменьшилось число постоянных дворов, а с ними, соответственно, стало редким и обозначение их содержателей привычным словом «дворник». Со временем у этого слова осталось толь-

ко одно значение – «уборщик». Оно, впрочем, стало побеждать очень рано, вероятно, еще в середине или во второй половине XVIII века.

Разумеется, ни первое, ни второе значение не имели никакого политического оттенка, оба они обозначали только род занятий. Обычное бытование слова – в мужском роде, но уже в рассказе Тургенева «Постоялый двор» (1852) дважды встречаем «дворничиху», т. е. жену дворника; в женском роде слово не обозначало профессии. Впрочем, еще в 1838 году П. А. Каратыгин в водевиле «Дом на Петербургской стороне» трижды упомянет «дворничиху Домну», «исправляющую должность дворника».

Петербургский дворник с женой. Фото из собрания Я. Ривоша

В борьбе русского самодержавия с революционным движением, особенно начиная с конца 1879-х годов, домовым работникам поручалось следить за жильцами, помогать полиции при арестах и так далее. В «Московских ведомостях» за 1879 год (10 апреля. С. 3) было перепечатано распоряжение временного Санкт-Петербургского генерал-губернатора И. В. Гурко о круглосуточном дежурстве дворников именно для этих целей. В Москве тоже было издано соответствующее постановление, кажется, отменное в 1882 году. В воспоминаниях К. Головина по этому поводу читаем: «Оригинальный вид столицы, где в продолжение целой прозрачной весенней ночи у каждого дома, лежа, караулил спящий дворник, носил отпечаток какой-то беспомощной испуганности. Что-то комичное и тревожное было в этой бесполезной предосторожности. И проезжавшие по улице неистово смеялись над неуклюжим надзором... не мешавшим нисколько победоносному шествию революции»¹². Обязательная бляха выразительно дополняла полицейские функции дворового служителя, юридически состоявшего на частной службе у домовладельца.

Современники долго не могли забыть фигуру торчавшего у ворот дворника¹³. В воспоминаниях революционных деятелей этой эпохи, например у Н. А. Морозова, не раз рассказывается о том, как им приходилось ускользать от дворников, нередко строго опрашивавших всех входивших в дом¹⁴. О том же читаем в «Современной идиллии» Салтыкова-Щедрина: «В случае чего: дворник, исполняй свою обязанность!»¹⁵.

Очевидно, этот образ дворника – охранника, пособника полиции в ее борьбе с нигилистами прочно запомнился современникам. А. Тверитинов в позднем мемуарном очерке писал, что в 1864 году «Петербург еще не знал национальной гвардии, состоящей из дворников... дворники тогда не пользовались доверием начальства»¹⁶. В вольной русской поэзии дворник быстро стал типичной и одиозной фигурой, всем своим видом напоминавший грузного, сурового и безграмотного дворового работника-охранника – оплот и символ самодержавия. Именно эту мысль воплотил скульптор П. Трубецкой в знаменитой скульптуре Александра III, установленной на Знаменской площади Петербурга.

На эту тему в зарубежном революционном журнале «Общее дело» (Женева, 1885. № 72. С. 14) было анонимно напечатано стихотворение А. Ф. Иванова-Классика «Царство дворников»:

*...В овчинном тулупе
безграмотный дворник
Бессменно сидит у ворот,
И снится ему, что при сей обороне,
Нелепой, но грозной на вид,
Такой же как он,
на наследственном троне
Безграмотный дворник сидит¹⁷.*

В следующем номере журнала (№ 73. С. 16) было напечатано еще одно стихотворение неустановленного автора — «Дворник». В то же переосмысление:

*Тот высший столп, что из смиренья
Титулом дворника прикрыт¹⁸...*

В «Истории моего современника» В. Г. Короленко несколько раз говорит, что Александру II принадлежат слова: «Домовладельцы, смотрите за своими дворниками», будто бы сказанные им в Кремле, в речи перед словесными представителями 20 ноября 1879 года, на следующий день после неудачного покушения на него А. К. Соловьева. В действительности

Петербургский дворник.
Фото из собрания Я. Ривоша

Короленко не точно передает эту широко распространенную версию. В речи Александра II этих слов нет¹⁹, да и трудно понять, в чем смысл надзора за дворниками, которые как раз и должны были осуществлять охрану города. Недаром священник в очерке

Н. С. Лескова «Русское тайнобрачие» (конец 1870 — начало 1879 года) говорит: «Тьфу! Что за гадость, что за недоверие к русскому человеку, даже в том случае, если он дворник, которому сама полиция верит больше, чем любому ученому и литератору»²⁰.

Так или иначе, дворники стали восприниматься как ближайшие пособники полиции. В статье «Эра реформ» В. И. Ленин в 1903 году писал: «...на частных заводах представители рабочих могут оказаться в руках полиции новыми агентами, новыми фабричными дворниками, а на казенных заводах агентов и дворников всегда достаточно!»²¹.

В одной из большевистских листовок читаем: «Заставляйте дворников служить опять-таки нам, а не полиции»²². Речь идет о запрещении запиравать ворота, чтобы восставшие в случае надобности имели возможность спрятаться во дворах.

В распространенной эпиграмме тех лет назначенный в 1905 году дворцовым комендантом Д. Ф. Трепов именуется «старшим дворником». Так же назван в 1908 году вождем «Союза русского народа» А. И. Дубровин²³ — читатель хорошо понимал смысл этого иронического сопоставления.

Такую причудливую трансформацию значений прошло за несколько веков исконное русское слово.

¹ Материал опубликован в книге: Современная русская лексикография. Л., 1981.

² Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедиции Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1. С. 400.

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Изд. 2-е. М., 1908. Т. 2. С. 101.

⁴ Словарь Академии наук. СПб., 1895. Вып. 3. С. 978.

⁵ Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений / Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1902. Т. 8. С. 196–197.

⁶ См.: Русская энциклопедия. СПб., 1914. Т. 8. С. 13.

⁷ См.: Записки Уральского общества естествознания в Екатеринбурге. 1895. Вып. 2. Т. 15. С. 204.

⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1893. С. 197 (статья В. Н. Сторожева).

⁹ Там же. СПб., 1847. Т. 1. С. 211.

¹⁰ Укоренилось настолько, что к нему присоединилось еще одно, метафорическое, ставшее повсеместным — «двигающийся рычажок на ветровом стекле автомобиля (стеклоочиститель)».

¹¹ Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 2. Ч. 1. С. 7.

¹² Головин К. Мои воспоминания. СПб., 1908. Т. 1. С. 373.

¹³ См.: Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская дума. М., 1934. С. 168, 215.

¹⁴ См.: Морозов Н. А. Повести моей жизни: Мемуары. М., 1961. Т. 2. С. 33, 344, 345 и сл. Упоминанием дворников — пособников полиции переполнены воспоминания В. Н. Фигнер «Запечатленный труд» (ряд изданий).

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М., 1973. Т. 15. Кн. 1. С. 131. См. также примечания А. А. Жук и К. И. Соколовой на с. 354.

¹⁶ Твритинов А. Об объявлении приговора Н. Г. Чернышевскому. СПб., 1906. С. 7.

¹⁷ В качестве анонимного помещено в кн.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века. Л., 1959. С. 410. (Б-ка поэта. Большая сер.). Автор устанавливается свидетельством А. Н. Лескова (см.: Жизнь Николая Лескова. М., 1954. С. 477) и неизданными воспоминаниями В. С. Лихачева «Литераторы и журналисты» (Центральный государственный архив литературы и искусства. Ф. 282. Оп. 1. № 32. Л. 48).

¹⁸ Вольная русская поэзия... С. 413.

¹⁹ Моск. ведомости. 1879. 21 нояб. С. 2.

²⁰ Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1957. Т. 6. С. 599.

²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 315.

²² Листовки московских большевиков в период первой русской революции. М., 1959. С. 359. Дата: 11 дек. 1905 г.

²³ См.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 607. (Б-ка поэта. Большая сер.).

Дворник. Завод Гарднера в Вербилках. Россия. 1820-е гг.

Дворник в Петербурге — одна из самых старых профессий. Их значение «Инструкция для дежурных дворников» определяла так: «...дворники ближайšie охранители личной и имущественной неприкосновенности городского населения». История возникновения и становления профессии дворника может сделаться предметом особого исследования; мы коснемся только некоторых аспектов деятельности и быта дворников, начиная с 30-х годов XIX века, когда город начал застраиваться доходными домами и эта профессия стала массовой.

Дворники «состояли для слуги» при каждом особняке, дворце, учреждении. Крупные доходные дома обслуживались большим количеством дворников, число которых определял, вероятно, хозяин. Например, в доме купцов Тарасовых под началом двух старших дворников работало 30 младших дворников или «подручных». Старшие дворники «были начальством» — сами они «по двору» обычно не работали, а следили за работой младших дворников, определяя каждому участок работы (например, часть дома с лестницей для уборки)¹.

Старший дворник вел домовые книги, наблюдал, чтобы все проживавшие в доме были прописаны в участке, получал жильцам иностранные паспорта, улаживал недоразумения жильцов с полицией и вообще «представлял собой наблюдательный орган, как домовладельца, так и полиции».

Жильцы доходного дома Тарасовых вспоминали старшего дворника купцов Тарасовых Григория, «боль-

Хранители петербургских дворов, или Почему дворник не веселится

Р. Э. Павлова

шого умницу, получившего среди жильцов уважительное прозвище Министр. Каждое его слово было дельно, он умел правильно обходиться с подчиненными, дворники его уважали и боялись, порядок на его участке был образцовый». Старшие дворники подбирали себе помощников из родни и земляков. Поэтому большинство дворников были русские, из отставных солдат или крестьян ближайших губерний, приехавших на заработки. Ценились дворники-татары, трезвые и работающие, они служили даже в Зимнем дворце. Их отличали по бритой голове, покрытой суконной или бархатной тубетейкой. Для того чтобы стать дворником, достаточно было хорошего здоровья и большой физической силы, трудолюбия, честности, чистоплотности и отсутствия судимости.

Принятые на работу получали форменную фуражку с лакированным черным козырьком, на околышке ко-

торой была медная пластинка с надписью «Дворник». Медные значки на цепочках — «бляхи», также с надписью «Дворник» и с указанием улицы и номера дома, одевались только при дежурстве у ворот. У старших дворников цепь с бляхой висела на груди, у подручных укреплялась на шапке. Дворник был снабжен свистком, обычно роговым. Дворники государственных учреждений носили какое-то подобие формы: фуражку с кантами по цвету ведомства и кокардой на тулье; черный бушлат с металлическими пуговицами, присвоенными ведомству, и с петлицами из галуна. У дворников доходных домов был свой стиль: летом они ходили в широких черных шароварах, заправленных в высокие мягкие сапоги, носили ситцевую или сатиновую русскую рубашку, а поверх темно-синий двубортный глухой «дворничий жилет». Желая выглядеть по-городскому, заводили хромовые сапоги, пиджак, жилетку, гарусный шарф, однако по-деревенски стриглись в скобку, оставляли усы и бороду².

Но в основном облик дворника определялся профессией: для уборки на сапоги надевали калоши, поверх одежды белый холщовый передник с нагрудником, зимой на дежурстве был необходим свободного покроя нагольный тулуп или полушубок.

Самой опасной и тяжелой частью дворничьей службы были уличные дежурства, особенно ночные: «...никому нет дела, где он укрывается от потоков дождя, обрушивающихся с неба в осенние ночи, или зимой, когда морозы достигают 25—30 градусов... Независимо от погоды, он проводит на улице всю ночь...»

Дюма, которому принадлежат эти сочувственные слова, так описывает «ночных слуг» Петербурга: «...в одной руке у него деревяшка, в другой барабанная палочка, дворник прохаживается и выстукивает всегда один и тот же мотивчик, и это означает, что он бодрствует, и, стало быть, несет службу. Иногда он обходится без деревяш-

Дворник. Первая половина XIX в.

ки и стучит по деревянным столбам, установленным перед домами. И мелодия, им извлекаемая, становится еще более звучной. Хотя люди то и дело просыпаются, они, по крайней мере, знают, что можно не беспокоиться; дворник начеку»³.

Проверить, спит ли дворник дома, договорившись с дворником соседнего дома охранять по очереди, или ушел погреться в подъезд, было трудно. Поэтому родственница Пушкина Закряжская решила, «во вкусе умной старины», купить дворнику балалайку с тем, чтобы он всю ночь ходил по тротуару, играл и пел. Но так как ночь была морозная, дворник побренчал и ушел спать. Проснувшись ночью в полной тишине и боясь воров, барыня захотела узнать, почему «дворник не веселится»⁴.

Ночной дворник был характерным «петербургским типом». «В полночь город затихает, а в два часа ночи на улицах остаются только спящие ночные извозчики, дворники, сидящие у ворот в своих овчинных тулупах, да городовые, приткнувшиеся где-нибудь у уголка»⁵. Но сидеть на скамейке или табуретке запрещала «Инструкция для дежурных дворников», подписанная в декабре 1901 года Санкт-петербургским градоначальником Клейгельсом. Дворникам указывалось, что целью дежурства является охрана, поэтому стоять необходимо на тротуаре, «имея за домами постоянное наблюдение и без крайней необходимости не оставляя своего поста». Этой задаче подчинялся даже... угол подъема воротника тулупа, который можно было поднимать, «только до такой степени, чтобы он не препятствовал иметь бдительный надзор за всем происходящим»⁶.

Например, дворник должен был «бдительно надзирать», чтобы не подбрасывали никаких предметов и ничего ночью на фасады не наклеивали (днем, при наличии разрешения, можно было наклеивать «информационные материалы» строго определенного характера).

Летом дежурство начиналось в 8 вечера и заканчивалось в 6 утра, причем дворники сменялись через 4 часа. Зимой — в 4 вечера и заканчивалось в 8 утра, со сменой через 3 часа. Нельзя было покинуть пост или нанять вместо себя другого сторожа без уведомления полиции. «В воскресные, праздничные и табельные дни, а также накануне таковых, для надзора и наблюдения за порядком и спокойствия на

Невский проспект у Аничкова моста. Фрагмент. Худ. А. К. Беггров. 1886 г.

улицах», должны были стоять в воротах лично «старшие дворники»⁷.

Ворота во двор закрывались с наступлением сумерек, калитку запирали в 11 часов вечера, затем спускали дворовых собак. После этого попасть в дом можно было, только дернув за колокольчик (позже электрический звонок) в воротах, под которым была надпись «Звонок дворнику». Хозяин дворничьей, услышав звонок и по его характеру узнав жильца, «поворачивался, почесывался, зевал, накидывал тулупишко и, взяв ключи, отправлялся босиком по мерзлему снегу, попадая путем-дорогой левой рукой в правый рукав тулупа. Но, растворив наконец калитку, обыкновенно делался вежливее и мягче в

обращении своем и пропускал жильца молча или даже иногда приговаривал, будто нехотя, пополам с зевком «Извольте-с»⁸. Естественно, за такую услугу дворник получал «на чай».

Но иногда дворника ждало разочарование: поздним гостем оказывался околоточный надзиратель, проверявший, нет ли в дворничьей чужих людей, не выпивают ли на рабочем месте. Ключи от парадного и черного подъездов постоянно хранились у дворника, и всякий желающий осмотреть сдающуюся квартиру, найти жильца, оставить сообщение, не мог миновать «петербургского портъе». Дворник, «если ваша наружность и ваши манеры внушат ему доверие, откроет вам ту дверь, которую вы ищите, а случись Вам оказаться в этом доме впервые возьмет вас за руку.. и проводит на нужный этаж»⁹.

Позже стало не обязательно обращаться к дворнику, так как «в воротных пролетах выставляется список жильцов с указанием номеров квартир, которые они занимают». Но дворники знали, «что, если на его участке случится кража из окошка или взлом дверей и виновные не будут пойманы, дежурный дворник подтверждает себя строгой ответственности»¹⁰.

Поэтому они сами интересовались подозрительными людьми, их паспортом, местом жительства, знакомыми в своем доме «прекрасно зная по давнему опыту и навыку, что люди этого разбора беседуют очень неохотно и поэтому обыкновенно, не затягивая разговора, удаляются на поиски в иное место». В зависимости от характера дворника, потенциальный вор мог быть просто выброшен взащей, «погоняемый сзади с разными разговорами метлой» либо с разьясне-

Дворник у дома № 48 по Невскому проспекту. Фото из собрания Я. Ривоша

ниями, что «здесь де брат тебе никакой поживы не будет»¹¹. Впрочем, если «украденное в чужом доме» отдавали за бесценок, дворник с преспокойной совестью мог купить по принципу «не у нас украдено».

«Наставление дворникам» 1855 года, кроме охраны, требовало от дворников содержать в чистоте и пожарной безопасности двор, дом и улицу. В разделе «О содержании тротуаров, улиц и дворов» указывалось: «Дворники должны были мести улицы и тротуары, каждодневно, утром и вечером, но отнюдь не днем»... «откосы тротуаров полагалось посыпать песком». В торжественных случаях, например, во время крестного хода в день святого Александра Невского, посыпали и мостовые. Поэтому утродворник встречал на улице. Как писал современник, «подметание улиц начиналось в 6 утра. Дворники, кое-где подметавшие улицу, первыми выходили на улицу, вместе с городскими и ночными извозчиками...»¹² Уборка могла вызвать пыль, поэтому сначала полагалось сбрызнуть мостовую водой, причем, «уличные сметки» нельзя было сбрасывать на проезжую часть, а необходимо было собирать. Улицы должны были поливать два раза в день — утром (часов в десять) и вечером (часа в четыре), Невский — три раза в день.

Тяжелой работой была очистка улиц от навоза, ведь транспорт был конный. Особенно доставалось дворникам центральных улиц, вымощенных «торцами», дубовыми плашками. На таких улицах дворник метлой и железным скребком постоянно подбирал навоз, пока его не размесили колесами, а сами мостовые регулярно поливал и промывал из шланга, чтобы избежать неприятного запаха.

Но эти заботы окупались: прекрасное удобрение у дворника охотно покупали немцы-колонисты для своих огородов.

Зимой выпавший и «скинутый» с крыши снег должен быть убран к 10 часам непременно, а если снега мало, разрознят по ширине улиц». Мальчиком М. В. Добужинский «с завистью смотрел, как дворники особыми зубчатыми лопатами скалывали ледок на тротуарах, и он отскакивал аппетитными пластинками. Иногда панель загромождали рогатками — дворники сбрасывали с крыши снег... и какой это был особенный петербургский звук — гулко бухавшие снеговые глыбы. Когда выпадал слишком глубокий снег, его усиленно счищали, и кучи его, иные с

воткнутой лопатой или метлой, тянулись вдоль всех тротуаров»¹³. Потом дворники растапывали снег в «снеготаялках», стоявших во дворах или около домов (сбрасывать снег в реки и каналы было запрещено, а вывозить на специальные свалки было далеко и дорого). Но это делалось только в центре города, на окраинах сугробы лежали до весны. Кроме того, «дворники должны были «вычищать от снега стены набережных внутри рек и каналов, каждый перед своим домом»¹⁴.

Проезжую часть не убирали, так как по ней шел санный путь. Но, когда снег затвердевал и превращался от езды в лед, его скалывали. Первым градоначальником, который ввел скалывание грязного весеннего оледневшего снега, был обер-полицмейстер Федор Федорович Трепов (1873—1878). Поэтому конец марта, когда «целые полки дворников в белых передниках быстро убирали снег с улиц», называли «треповской весной». Горожане острили, что дворники делали весну в Петербурге»¹⁵.

В «зону ответственности» дворника входило все, что находилось на тротуаре, а также фасад дома. Они чистили снаружи двери домов, фонарные столбы и чугунные тумбы, ограждавшие тротуар, выливали воду из деревянных бочек, стоявших под водосточными трубами, огораживали и освещали часть улицы, где велись строительные работы.

Дворники должны были следить, «чтобы с наружной стороны подоконников не выставляли бутылок и горшков, чтобы не развешивали на балконах белье и платье; чтобы маляры, трубочисты, рабочие не ходили в грязном платье и с краской по тротуарам; чтобы маленькие дети жильцов не оказывались одни на улице и... чтобы не мочились на улицах»¹⁶. Формально обязанности дворника определяли договор с хозяином, постановления властей, но практически он был «прислугой за все». Дворник прибирал у колоды, где стояли извозчики с лошадьми, выдавал жильцам ключи от прачечных и чердаков, устанавливая очередность пользования ими, осматривал печи и очаги на предмет неисправности и даже следил за «благополучием оставленными на лето дачниками квартир».

Особенно много забот требовали дворы. Дворники отвечали за то, «чтобы дворы не загромождались экипажами, дровами и бочками, чтоб не держали взрыво- и огнеопасных материалов, чтобы сор собирали в спе-

циальные помойные ямы (позднее в баки с крышками), а «ветошники» его не растаскивали.

Немного передохнуть можно было только летом. Естественно, официального отпуска не было, но Питер пустел, господа разъезжались по «заграницам» и дачам. Дворники также могли по очереди уезжать в деревню: кто на пахоту, кто на сенокос, кто на уборку.

Жалованье им шло: артель выполняла работу за них. Оставшиеся «дворники, горничные, кухарки чувствовали себя хозяевами летнего Петербурга. Они сидели на лавочках у ворот, лушили семечки, играли на гармонике»¹⁷.

Младший дворник сто лет назад получал не больше неквалифицированного рабочего — 15—20 рублей, старший — в два раза больше. Большая часть этих денег отсылалась семье в деревню, поэтому экономили на всем: жили и кормились артельно (готовила «матка» — жена старшего дворника). То, что на такое место находилось много желающих, объяснялось не только избытком в Петербурге неквалифицированной рабочей силы и не требовательностью вчерашних крестьян, стремившихся любой ценой устроиться в городе, но и определенными выгодами этой работы.

Кроме жалованья, дворнику полагалось в доме бесплатное жилье. Семье старшего дворника — квартира, младшим — комната в первом этаже или подвале — «дворницкая».

Основной доход шел дворнику от жильцов. Мелочь можно было получить, выколачивая ковры, завязывая и вынося вещи при переезде, поднимая на чердак корзины с бельем.

За отдельную, уже фиксированную плату дворники носили в квартиру воду (платный водопровод появилась в 1863 году) и дрова. В каждом дворе были поленицы дров, которые нужно было распилить, наколоть и принести. «Каждый день они таскали вязанки дров на спине (были специальные приспособления) по черной, «кухонной» лестнице, которая вела во двор. Эти лестницы с простыми железными перилами предназначались для прислуги. Дрова складывались в огромный ящик на кухне»¹⁸.

Дворники убирали черные лестницы. А в Новый год, на Рождество и Пасху, в «день ангела», обходили жильцов с поздравлениями, получая «на чай» и, по обычаю, угощаясь водочкой с закуской. Но короток праздник у дворника — «даже напиток не успеешь».

Чтобы увеличить свои «праздничные», некоторые дворники придумывали оригинальные способы.

«...У него, как и у хозяина, квартиры были расценены по доходу, от гривенничка, получаемого по два раза в год с прежалкого и прекислого переплетчика... и до красненькой (10 рублей) двух квартир второго жилья... поэтому дворник давал постояльцам прозвания по числу рублей, получаемых к праздникам. Эти прозвища доходили до честолобивых жильцов, иногда повышая водочный гонорар. С жильцов беспокойных, которые постоянно возвращались домой по ночам, Григорий иногда настоятельно требовал на чай, уверяя, «что за ними де хлопот очень много»¹⁹. Впрочем, многие, «чтобы быть уверенными, что их сердечные тайны не станут достоянием улицы», не жалели денег.

Неофициальным, но распространенным способом «округлить капитал» была дача денег под проценты в своем кругу. Александр Дюма сразу заметил, «что дворники те же полицейские. Только их содержит не правительство, а частные лица...». Дворники могли стать платными агентами полиции, сообщая «о подозрительных сборищах и всех лицах, входивших и выходивших из дома и вызывавших подозрение»²⁰.

Но большинство дворников сотрудничало с полицейскими бескорыстно, потому что боялось их не меньше, чем хозяев. Полиция контролировала выполнение постановлений властей не только по охране, но и по благоустройству и содержанию в чистоте столицы империи. Значительная часть этих постановлений касалась содержания в чистоте улиц домов и дворов, так что дворники за различные неисправ-

ности могли быть оштрафованы полицией. «За оставление сора перед домом» дворник платил штраф 10–15 копеек, сон во время дежурств обходился в 1–5 рублей, появление в пьяном виде на дежурстве лишало трети жалования (на третий раз — увольнение), а неоднократный уход с дежурства без смены мог закончиться неделей ареста. Так было определено в «Положении о дежурных дворниках», которое вывешивалось на видном месте в полицейском участке, чтобы «дворники могли уяснить меру ответственности за неисправное несение обязанностей». Формально квартальный надзиратель, имевший «строгий присмотр» за состоянием улиц, мог оштрафовать домовладельца, но, если это происходило по не исполнительности дворника — штрафовали дворника»²¹. Все прегрешения дворника сообщались хозяину для принятия мер», так как «в столице служащие должны были быть безупречной нравственности», а затем заносились в специальный полицейский «учетный листок». При смене места службы новый хозяин мог обратиться в полицию и узнать ту правду, которая в принесенной рекомендации отсутствовала. Поэтому дворники предпочитали с полицией не ссориться, выполнять ее поручения, присутствовать в качестве понятых при обысках и арестах, производившихся в квартирах. Были дворники, прославившиеся поимкой нигилистов: газеты печатали фамилии («дворник, бляха №...») задержавших Каракозова и Рысакова.

Но даже если дворник не попадал в большую историю, он мог сделать карьеру в масштабах своего двора или дома. Например, дорасти до старшего дворника, стать швейцаром,

кучером, лавочником, пусть даже торговцем толкучего рынка, только изредка навешая родную деревню, — «человеку со столичным образованием в такой глуши жить тяжело».

Меньше всего думали петербургские дворники, что их профессия исчезнет как маленькое следствие разрушительных социальных перемен. Но, после Февральской революции 1917 года, вспоминала Мериэл Бьюкенен, «исчезли полицейские, направлявшие движение транспорта с помощью своих коротких белых жезлов... пропали куда-то и дворники в белых фартуках... несчастные лошади скользили по обледенелой мостовой, мальчишки катались на тротуарах, как на катке, и хождение по городу стало занятием трудным, а иногда — небезопасным»²². Уже в декабре 1917 года на улицах увидели «дворника поневоле», из чиновников, офицеров без погон или студентов «в переднике, с метлой в руке, неумело подметающего улицу на глазах у прохожих, отпускающих шуточки или сочувствующих ему, в зависимости от того, какую позицию эти прохожие занимали...»²³. Так власти пытались решить проблему содержания города в чистоте.

С национализацией жилья потеряли своих хозяев не только дома, но и дворники. Часть осталась преданной господам, стремясь сохранить хозяйское добро, многие вернулись в более сытую деревню, некоторые въехали в барские квартиры и грабили награбленное, вымещали старые обиды и унижения.

Но сложившийся веками уклад оказался столь прочен, что из всей «домовой прислуги» только дворники сохранили свое имя, облик и образ жизни на долгие годы.

¹ Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. СПб., 1999. С. 61.

² Ривош Я. Н. Время и вещи: Очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М., 198. С. 182.

³ Дюма А. От Парижа до Астрахани. М., 1991. С. 40.

⁴ Пыляев М. И. Замечательные чудачки и оригиналы. СПб., 1990. С. 280.

⁵ Светлов С. В. Петербургская жизнь в конце XIX века (в 1862 году). СПб., 1998. С. 44.

⁶ Алфавитный сборник распоряжений по Санкт-петербургскому градоначальству и полиции, извлеченный из приказов за 1891–1901 гг. СПб., 1902. С. 44–45.

⁷ Инструкция для дежурных дворников. СПб., 1901.

⁸ Физиология Петербурга. М., 1991. С. 49.

⁹ Дюма А. Указ. соч. С. 9.

¹⁰ Наставления дворникам. Правила, извлеченные из свода законов и приказов Санкт-петербургского обер-полицмейстера. СПб., 1855. С. 2.

¹¹ Физиология Петербурга. С. 44–45.

¹² Светлов С. Ф. Указ. соч. С. 45.

¹³ Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1981. С. 11.

¹⁴ Наставление дворникам. С. 9.

¹⁵ Светлов С. В. Указ. соч. С. 48.

¹⁶ Наставления дворникам. С. 12.

¹⁷ Добужинский М. В. Указ. соч. С. 11.

¹⁸ Колиндер Т. Петербургское детство // Невский архив: Ист.-краев. сб. М.; СПб., 1995. 11. С. 7.

¹⁹ Физиология Петербурга. С. 46.

²⁰ Наставление дворникам. С. 5.

²¹ Наставление дворникам. С. 8–9.

²² Алексеева И. М. Мериам Бьюкенен свидетельница великих потрясений. СПб., 1988. С. 174.

²³ Гирс И. В. Воспоминания из моей жизни // Невский архив: Ист.-краев. сб. СПб., 1999. С. 64.

Гуляки. Завод Гарднера в Вербилках. Вторая половина XIX в.

Путеводители XIX века, записки путешественников, богатая отечественная мемуаристика кратко или обстоятельно, но почти обязательно затрагивали такую яркую сторону жизни Петербурга, как народные гулянья. В столице Российской империи гулянья проходили на центральных площадях, по берегам Невы, на окраинах города, в ближайших и отдаленных пригородах. Масштабы и продолжительность их, разумеется, были разными. На первом месте стояли знаменитые масленичные и пасхальные гулянья, отличавшиеся огромным разнообразием увеселений, большим стечением всевозможного люда, особой приподнятостью настроения, броскостью красок (в вывесках, украшениях площадных строений, костюмах актеров и развлекателей, праздничной одежде посетителей) и оглушающим звуковым фоном, создаваемым множеством оркестров и одиночных музыкантов, неизменными шарманками, выкриками продавцов и зазывал, громким смехом и разговорами гуляющей публики.

Качели, карусели, катальные горы, выступления цирковых артистов, кукольников, фокусников, дрессировщиков с учеными собачками, канарейками, обезьянками и прочим, целая армия разносчиков, раешные обозрения и всякого рода косморамы, диорамы — это и многое другое в течение нескольких дней оглушало и одурманивало толпы посетителей, добровольно бросавшихся в объятия разгульного площадного веселья.

Центром этих гуляний были балаганы. Именно они создавали лицо и престиж народного городского праздника, определяя его ценность и весомость в глазах любителей площадной зрелищной культуры. Бесспорное главенство признавалось за крупными балаганами-театрами, где шли «обстановочные спектакли» — пантомимы, арлекинады, феерии, баталии, а позднее разыгрывались пьесы «для народа», зачастую основанные на адаптированных отечественных и

рубежных произведениях «большой» литературы.

Материалы конца XVIII—XIX веков содержат интересные сведения о типах балаганов, о популярных актерах, зазывалах, постановках, о специфической балаганной публике. Кое-что можно узнать и о владельцах балаганов, которые нередко были одновременно и антрепренерами, режиссерами, иногда и сами выступали на подмостках собственных балаганных «заведений»¹.

Пожалуй, первым крупным балаганщиком был Христиан Леман — любимец петербуржцев, имя которого не сходило со страниц столичной прессы на протяжении десяти лет — с 1826 по 1836 год.

Зазывалы на балконе карусели. Худ. Х.-Г. Гейслер. Конец XVIII — начало XIX в.

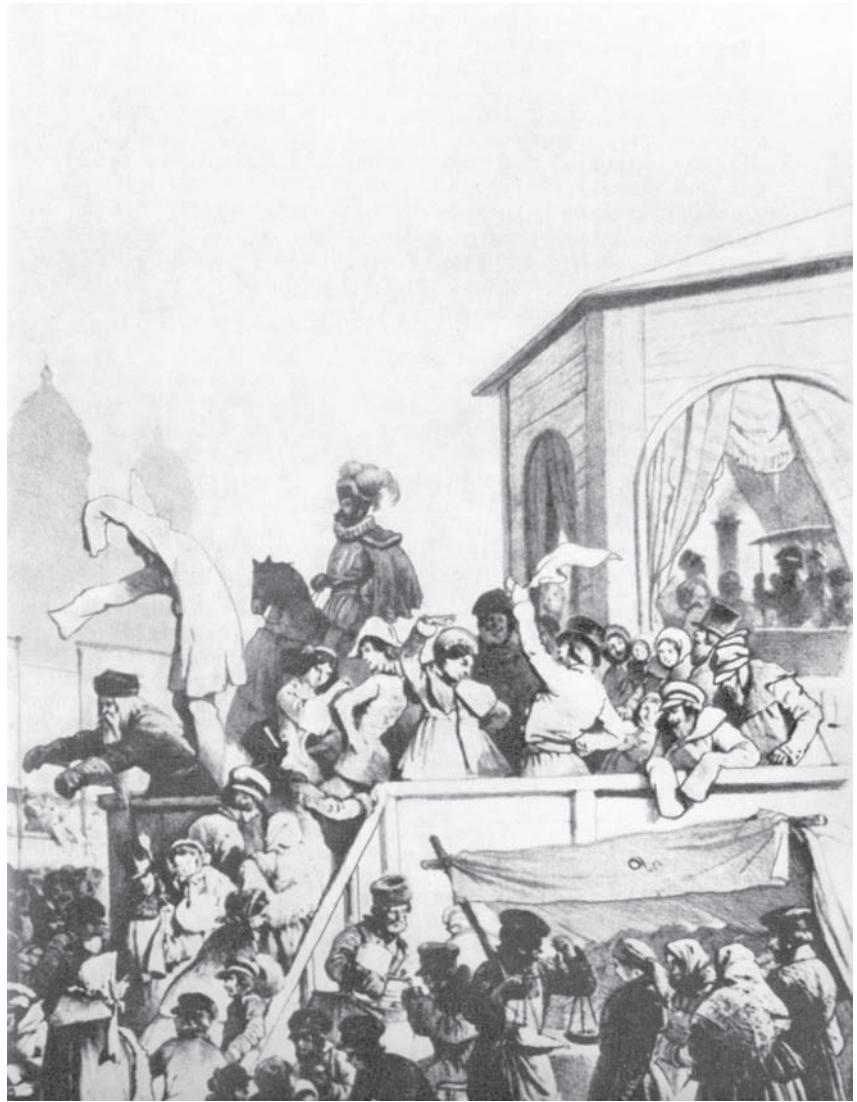
Регулярные корреспонденции «Северной пчелы» (газеты, рассчитанной на самого широкого петербургского читателя) донесли до нас восторженные отклики на выступления лемановской труппы.

В отчете, посвященном масленичным балаганам 1834 года, читаем: «...балаганы наши отличаются числом, просторностью, наружным и внутренним изяществом, которое возвышается с каждым годом. Числом их восемь. Первое место принадлежит Леману. <...> У нас идея о масленице неразрывно соединена с идеею о Лемане. Спросить у кого-нибудь “скоро ли будет масленица?” значит то же, что сказать: “Скоро ли Леман начнет представления?”»².

Через два месяца (в № 93) газета вновь обращалась к народным увеселениям. Прерванные Великим постом, они с немалым блеском возрождались на пасхальной неделе: «На Адмиралтейской площади возник фантастический городок, и шумные, пестрые толпы довольного, веселого народа потянулись туда из всех концов столицы... Вокруг качелей построено одиннадцать балаганов; из них первое место, как и всегда, занимает Леман»³.

Талантливый и успешный балаганный деятель воспринимался как своего рода достопримечательность Петербурга, среди поклонников его искусства были отнюдь не только простые люди. Известно, что в 1830 году на масленицу балаган Лемана «изволил посетить» Николай I вместе с наследником-цесаревичем, будущим Александром II⁴. Видимо, это событие подвигло Фаддея Булгарина⁵ на написание целой статьи, посвященной пантомиме Лемана, где поступок императора расценивался как проявление мудрости и истинного народолюбия, а самой пантомиме придавался статус древнего и подлинного искусства, ибо еще «в Римской империи не только простые граждане и сенаторы пристрастились к пантомимам, но и сам Август чрезвычайно любил сей род представлений»⁶.

Судя по дневнику, дважды побывал на постановках Лемана Александр Васильевич Никитенко — академик петербургской Академии наук, один из главных цензоров, видный литературный критик и историк литературы. 22 апреля 1831 года он написал: «Сегодня же был под качелями и, между прочим, в балагане Лемана. <...> К Леману нелегко про-

Масленица на Исаакиевской площади в Петербурге в 1851 году. Литография с рис. В. Ф. Тимма. 1852 г.

браться. У дверей его храма удовольствий так тесно, как в церкви в большой праздник до проповеди. Я с трудом достал билет, еще с большим трудом пробрался к дверям»⁷. О гуляньях 28 апреля 1834 года в дневнике всего несколько слов: «Праздники. Балаганы. Леман. Косморама. Бродил в толпе с Делем, Гергардтом и Чижовым»⁸. Торопливая, на память, запись, содержащая лишь ключевые слова, и, понятно, имя Лемана здесь далеко не случайность.

С нескрываемым восхищением вспоминал о Лемане художник Павел Петрович Соколов: «Центром целой массы построек и балаганов был пантомимный театр Лемана... Этот развеселый театр был битком набит и отборным обществом, и народом — хохот в нем стоял неумолкаемый. Игралась постоянно итальянская коме-

дия, и Леман играл Пьеро так, как после него никто не играл. Этот Леман был преоригинальная личность и при этом природный комик; по мне, он ужасно походил на Живокини, которого я позднее видел в Москве. Надо быть человеком чрезвычайно тонкого ума, чтобы уметь так рельефно изобразить совершенного дурака и выставить так сильно весь комизм его непроходимой глупости. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что этот Леман — человек, получивший очень большое образование и весьма начитанный»⁹.

Огромная популярность Христиана Лемана, безусловный его талант, оригинальность и неподражаемость, высоко ценимые современниками, оказались, однако, недостаточным поводом для написания биографии балаганного увеселителя. Мы ничего

не знаем о том, где и когда родился и скончался Леман; как, чему и у кого он обучался; где гастролировал до приезда в Россию, была ли у него семья, и прочее. Все, что сохранилось, – это впечатления от выступлений на народных (преимущественно петербургских) гуляньях, скудные описания отдельных постановок и особенно запомнившихся номеров, а также... пожар. Один из самых страшных театральных пожаров, потрясший петербуржцев и положивший конец русской карьере Христиана Лемана.

2 февраля 1836 года, в первый день масленицы, загорелся переполненный зрителями балаган Лемана, выстроенный в центре Адмиралтейской площади. Из-за возникшей паники, неумелых действий администрации и пожарных, из-за просчета при строительстве балагана (двери его открывались внутрь, а не наружу; широкие выходы находились только справа, где и возник пожар, толпа же бросилась влево, по узким лестницам, отчего и возникла страшная давка) погибло по официальным данным 126 человек. Передававшиеся из уст в уста слухи и рассказы подлинных и мнимых очевидцев увеличивали число жертв вдвое. Сам балаган сгорел дотла¹⁰.

Леман со своей труппой вынужден был перебраться в цирк у Симеоновского моста, который он арендо-

На масленичной неделе у балаганов в Петербурге.
Литография с рис. И. Егорова. 1857 г.

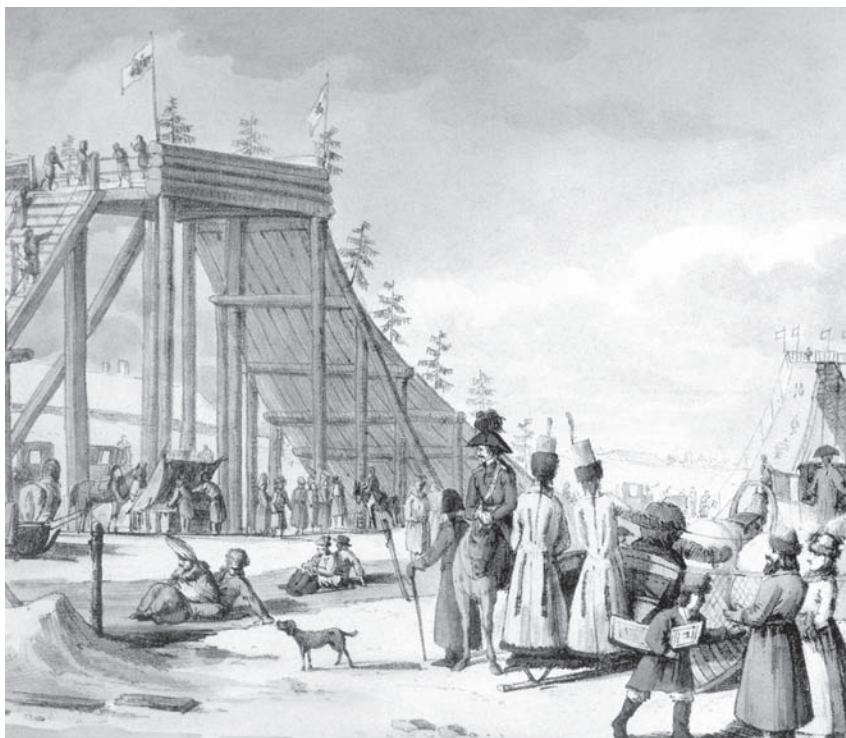
вал с 1835 года. Там состоялась премьера новой пантомимы-арлекинады, но оправиться после тяжелого удара Леман уже не смог и, «оказавшись несостоятельным к платежу аренды за цирк», в конце следующего – 1837 года – тайно покинул Петербург¹¹. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Несмотря на то, что Леман во многом остается загадочной личностью, его можно считать типичной фигурой своего времени. Как и большинство представителей балаганной культуры начала XIX столетия, он прибыл в Россию из Европы. Есть сведения о

том, что Христиан Леман с братом приехали в Россию в 1818 году и выступали поначалу в Москве. Через некоторое время Христиан перебрался в Петербург, а его брат остался в древней столице, где имел свой балаган (может быть, и другие строения).

В Москве Христиан Леман получил известность как площадной актер, владевший несколькими цирковыми и комедийными жанрами, а также как хозяин небольшого зверинца. Во всяком случае «Северная пчела» в апреле 1826 года, напоминая читателям о приближении пасхальной недели с ее непременно старыми и новыми увеселениями и развлечениями, настоятельно советовала завсегдатаям столичных гуляний обратить внимание на «балансера-гротеска» Лемана и его зверинец. Это первое упоминание Лемана в прессе¹².

Благодаря разысканиям А. И. Бройтман и Е. И. Красновой, стало известно, что в конце 1820-х годов зверинец Лемана располагался в манеже купца Козулина на Большой Морской улице, в доме № 20. Козулин сдавал помещения конторе дилижансов и заезжим гастролерам¹³. Был ли у Лемана второй зверинец, или местоположение его менялось в разные годы, достоверно не известно. Во всяком случае Ю. Л. Алянский называет другой адрес лемановского зверинца – «на Вознесенском проспекте в доме Струговщикова во втором этаже», добавляя, что там «обитали слон, тигрица, пантера, гиена, два кенгуру, зебра, змеи и обезьяны»¹⁴. Насколько вероятно размещение такого зверинца на втором этаже, сказать трудно.

Ледяные горы на Неве. Худ. А. Г. Убиган. 1817 г.

Зверинец пользовался успехом у петербуржцев. Во-первых, по сравнению с московским, столичный зверинец Лемана значительно расширился, став одним из самых больших в Европе. Во-вторых, посетители могли видеть там довольно много необычных для России, а уж для жителей Петербурга и подавно диковинных животных и птиц: помимо слона, гиены, пантеры, кенгуру, — белого медведя, шакала, страуса, льва, ягуара, попугая и других. «Особенно поражал публику <...> редкий зверь Вальрос, обитатель Северного Ледовитого океана. Он был необычайно громадной величины, имел большие здоровые зубы, кожа на нем была невероятной толщины. Публика битком наполняла зверинец, когда это чудовище показывалось» (в переводе с английского *walrus* — морж)¹⁵. Наконец, в-третьих, популярность зверинца определяло, как пишет Ю. А. Дмитриев, то, что Леман не ограничивался показом экзотических животных, он привносил элементы цирка с его чудесами дрессировки и смелыми экспериментами. Так, зрители удивлялись мирному пребыванию в одной клетке удава, тигра и льва¹⁶.

Посетивший зверинец Лемана А. В. Никитенко записал в дневнике под датой 22 апреля 1831 года: «Молодой слон очень мил. Он с точностью исполнял все предписания хозяина:

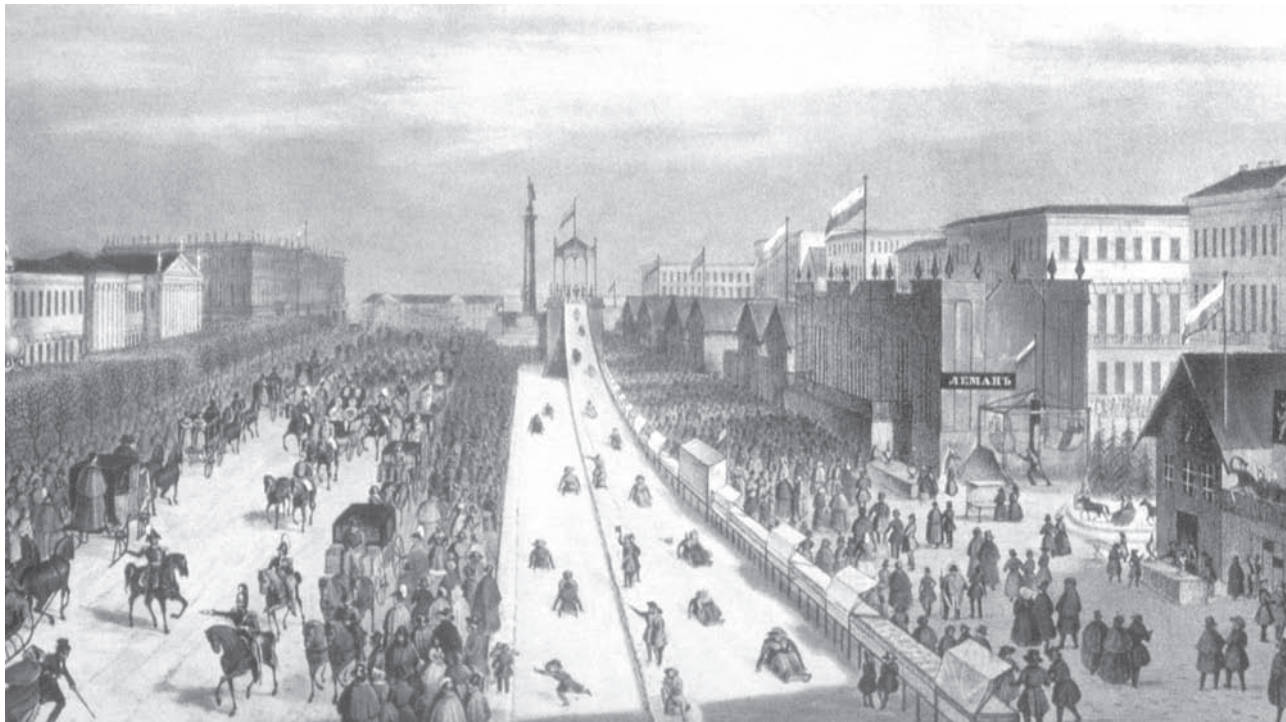
щеткою чистил себе ноги, смахивал себе со спины пыль платком, звонил в колокольчик, плясал, то есть передвигал в такт передние ноги и топтался на месте. Не без любопытства рассматривал я также обезьян»¹⁷.

Поначалу Леман, как многие цирковые и комедийные артисты, выступал в составе какой-нибудь известной гастролирующей труппы или всей своей (небольшой на первых порах) труппой входил в «сборную команду» собратьев по арене. Так, в 1820-е годы существовало временное объединение компании Лемана и шведской труппы Финарди. Исколесивший всю Европу, покоривший Варшаву, Москву, даже некоторые русские провинциальные города, Финарди оказался запечатленным и в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя. Рассказывая Чичикову о ярмарке, Ноздрев не преминул сообщить: «Одних балаганов, я думаю, было пятьдесят, Финарди четыре часа вертелся мельницею». Чуть позже Леман уже мог позволить себе приглашать в собственную труппу лучших, известнейших цирковых актеров. К примеру, в 1831–1832 годах, когда он выступал в «Императорском Театре-цирке у Симеоновского моста», успех обеспечивался не только замечательными комическими пантомимами, танцами на канате и на проволоке, исполнявшимися самим Леманом и его постоян-

ными партнерами по труппе, но и тем, что удалось заполучить выдающегося атлета Карла Раппо¹⁸.

Всего четыре года понадобилось Леману для того, чтобы освоиться в Петербурге и стать популярным и знаменитым. В мае 1827 года «Отечественные записки», помещая традиционное обозрение гуляний на святой неделе, ограничились простым упоминанием новой фигуры среди увеселителей столицы, отметив лишь наличие «сарая» Лемана под № 3 и обозначив основной жанр — «пляски по канату»¹⁹. «Северная пчела» в номере от 9 апреля того же года дала актеру более полную характеристику, скорее, более развернутую информацию о нем: «Леман артист вроде паяцев. Он, кроме ловкости во всех гимнастических упражнениях, одарен особым искусством переменять физиономию и смешить мною своею простотою». А уже в 1831 году газета почтительно именовала его «господин Леман» и устами своего корреспондента с восторгом восклицала: «Такого классического паяца, как г. Леман, мы отроду не видавали!»²⁰.

Действительно, почти все, кому довелось побывать на представлениях Лемана, отмечали превосходное умение его ходить по туго натянутому канату, причем артист не только выполнял сложнейшие трюки, от которых у зрителей захватывало дух, но успевал

Ледяные горы на Адмиралтейской площади во время масленицы. Издательство Е. Фельдмана. 1830-е гг. (Справа — балаган Лемана)

Катальные горы и балаганы на Адмиралтейской площади в Петербурге. Литография с рис. А. И. Шарлеманя. 1850-е гг.

еще смешить публику. Запомнилась такая его «коронная штука»: «Он прыгает по канату сперва верхом на колоссальном петухе, потом на спине «старухи»: эти два чучела так искусно к нему подвязаны, что никак нельзя догадаться, кто прыгает — всадник или петух. Публика всех сословий аккомпанирует сии прыжки громким беспрерывным хохотом»²¹.

Присутствовавшему на одном из подобных выступлений А. В. Никитенко понравился фарс, с блеском разыгранный Леманом: «Паяц ест яйцо. Вдруг схватывает его сильная боль в животе. Он корчится по-паяцовски, стонет и прочее. Приходит доктор, делает ему во рту операцию и вытаскивает преольшую утку, которая движется точно полуживая»²². Если для академика и цензора Никитенко Леман все же оставался «полу-артистом», шутки которого носили слишком грубый, безыскусный характер, то для основной массы посетителей гуляний он был кумиром, подлинным олицетворением площадного искусства, площадной эстетики, так что любые его номера, «штуки» и грубовато фамильярный юмор всегда воспринимались восторженно.

«Имя Лемана, — пишет А. М. Конечный, — стало легендарным. Даже

много лет спустя, в 1860-е годы, народ называл паяцев Адмиралтейской площади «лейманами»²³. А. Я. Алексеев-Яковлев уверял, что и в начале следующего десятилетия о Лемане можно было услышать «в воспоминаниях актеров, машинистов сцены, декораторов», работавших у братьев Легат — учеников и последователей знаменитого актера-предпринимателя»²⁴.

Яркие, талантливо выполняемые трюки на канате и блестящее исполнение роли паяца заставили говорить о Лемане-комике как об истинном украшении столичных гуляний. Однако настоящую славу ему составили не эти жанры. В глазах современников и в памяти последующих поколений Леман был прежде всего создателем оригинальных пантомим-арлекинад. Вынесенные впервые на суд публики в апреле 1830 года, именно они сделали из пользовавшегося большим успехом балаганного увеселителя известного всем «господина Лемана», владельца крупнейших балаганов. О новом направлении в деятельности Лемана сообщала все та же «Северная пчела» в номере, выпущенном к Пасхе 1830 года: «Г-н Леман, с новым обществом акробатов, поместился на Святую неделю в самом большом балагане под № 8 и будет давать пред-

ставления, состоящие из пляски на канате, эквилибристических шуток и пантомимы с всевозможным разнообразием».

Похоже, Леман был хорошо знаком с европейскими представлениями такого рода. Есть основание думать, что какое-то время до приезда в Россию он подвизался на подмостках небольших полуфольклорных театриков в предместьях Парижа, где еще в XVII–XVIII веках сформировался особый тип ярмарочных постановок — французский вариант пантомим-арлекинад в духе классической европейской комедии масок. Эти представления, своеобразно соединившие традицию итальянской *commedia dell'arte* с богатым опытом французских феерий, имели огромный и долгий успех в России²⁵.

Следует сказать, что подобный вид площадного искусства не был для русского зрителя начала XIX века совершенной новинкой. Первая труппа итальянских актеров комедии масок, выписанная Анной Иоанновной из Польши сроком на один год, прибыла в Москву в феврале 1731 года. «Спектакли, начавшиеся уже через неделю, произвели фурор, и в течение последующих пяти лет комедия масок в исполнении различных трупп стано-

вится зрелищем регулярным»²⁶ как в Москве, так и в Петербурге. Быстро расширив пространственные границы своих выступлений, заезжие актеры с легкостью перекочевали с придворной сцены на балаганную. Примерно с сороковых годов XVIII века персонажи итальянской комедии — Арлекин, Пьеро, Коломбина и другие — стали обычными героями русских балаганов, где жанр арлекинад занял одно из ведущих мест в репертуаре, а комики-зазывалы удачно соединяли в себе (в разных, конечно, пропорциях) итальянского паяца и русского масленичного или святочного деда, используя арсенал как тех, так и других комических средств и приемов²⁷.

Таким образом, Леману со товарищи предстояло заслужить внимание русских поклонников балаганной постановки-арлекинад не столько новизной, сколько качеством и разнообразием своих представлений.

Безусловно, Христиан Леман следовал вкусам века. Известно, что по-настоящему мода на пантомимы-арлекинад в России установилась после 1825 года, когда они стали основной частью репертуара многих балаганов. Веселые, занимательные, искрометные представления привлекали большое число зрителей. Обратившийся к этому жанру Леман скоро вышел в несомненные лидеры. Его арлекинад и феерии поражали мас-

сой невероятных сценических эффектов, которые достигались с помощью «замысловато устроенных машин», так называемого «черного кабинета», сложной системы зеркал, использования декораций в виде многогранных призм, специальных люков для провалов и прочего.

Основу лемановских пантомим составляли казавшиеся совершенно невозможными, поистине фантастические «превращения». Подобного петербургская публика еще не видела. «Пантомимы сии, — писала, будоража воображение горожан, «Северная пчела» 8 апреля 1830 года, — сопровождаемы будут забавными превращениями, например, управителя в осла, крестьянской избы в модную лавку, Арлекина в книги; камень превратится в Пегаса, на котором Арлекин полетит на воздух; Арлекином зарядят мортиру и выстрелят его в окно модной лавки; Пьеро раздвоится и обе части его пойдут в противные стороны; сильным ветром из мехов Пьеро в ванне поднимется на воздух».

На масленице 1831 года перед глазами зрителей разворачивались не менее удивительные картины: «...такие чудеса, что едва верится! Тут черная школьная доска превращается в храм, сияющий рубинами и яхонтами, там Паяц плывет в ушате, взлетает в воздух, падает и — не ушибается. Арлекин, убитый из ружья, распа-

ется на части, и вдруг начинается операция: ему приклеивают руки, голову к туловищу, и он воскресает. Паяца распиливают надвое. Словом, забавного много, и всё производится в действие так быстро, так ловко, что глаз не успевает следовать за движением и не примечает обмана»²⁸.

Напомним, что, следуя давней традиции, знаменитые лемановские арлекинад начинались еще с наружного балкона балагана, на котором нередко выступал и сам Христиан в костюме Пьеро, наряженный в балахон с длинными рукавами, весь обсыпанный мукой. «Можно ли забыть... давку перед его балаганом, его неподражаемого Пьеро и милую Коломбину!» — восклицал оставшийся неизвестным «любитель карнаваль-ной драматургии»²⁹. Со ссылкой на этого таинственного «любителя» «Северная пчела» поместила довольно любопытную характеристику лемановского стиля в искусстве балаганной арлекинад и феерий, поставив последние выше театральных постановок по произведениям В. Гюго, А. Дюма, Дюканжа³⁰, переполненных страшными сценами с разбойниками или потусторонними силами, кошмарными злодеями и безвинно страдающими жертвами, где зритель содрогался, испытывал неподдельный ужас, едва ли не падал в обморок. Балаганная эстетика, пользуясь тем же

Балаганы на Адмиралтейской площади. Фото. А. Лоренса. 1870-е гг.

театральным языком, переводила высокую патетику трагедий и мелодрам в смеховой регистр площадной культуры. Как раз это подметил и оценил «любитель карнавальской драматургии». «В балагане Лемана можно отдохнуть от театральных ужасов. <...> Впрочем, не пугайтесь, гг. любители Виктора Гюго, Дюмаса и Дюканжа; не думайте, чтобы Леман лишил вас любимых вами эффектов: он тоже покажет вам чертей, скелеты, ад, пожар, убийства; все это будет, непременно будет у Лемана, только Леман не так злопамятен, как Виктор Гюго, не так разрушитель, как Дюканж, не так закоренел в злодействе, как Дюмас. Леман добр по природе и потому, если убьет кого-нибудь, то через минуту опять воскресит; если оторвет у Пьеро голову, то, из жалости, опять скоро возвратит ее туловищу; если разрежет Арлекина на части, то немедленно склеит их; если черти посадят Панталона в клетку, то Леман, по добродушию, отопрет ее. Из всех его убийств ни одно не огорчает, а все заставляют смеяться. И когда на сцене дома и залы превращаются в дома разврата и тюрьмы, Леман объявляет, что он будет превращать дома в розовые беседки, поведет вас в поля и леса, из снопов покажет вам амуров, из блинника сделает китайского великана, заставит путешествовать Арлекина из колесницы в бутылку, из бутылки в барабан, из барабана в солонку, из солонки в кофейную мельницу, из мельницы в ландкарту... Да это целая Одиссея!».

Подчеркивая самостоятельность и оригинальность Лемана, восторженный почитатель его не преминул добавить: «Однако же он увлекся веком, покорились отчасти господствующему теперь вкусу. И Леман обещает сцены в современном роде: терзания Панталона, разрыв Пьеро на две части, появление мумий, превращение бочек в чертей и прочее»³¹.

Действительно, Леман и другие видные балаганщики прекрасно знали вкусы своих посетителей. Одновременно подчиняясь им и управляя ими, они устанавливали массовую моду на определенные типы представлений, героев, сценические приемы.

Вероятно, не без воздействия и наглядного успеха столичных балаганных постановок провинциальные театры со второй четверти XIX века стали уделять большое внимание оформлению спектаклей, в основном техническими «чудесами». По словам

И. Ф. Петровской, до конца 1850-х годов, а в отдельных антрепризах и позже, пользовались успехом спектакли с «волшебными явлениями, блуждающими огнями, огненными полетами, превращениями, провалами, тенями, адскими чудовищами, летающими драконами, скелетами, разными страшилищами». Взятые в кавычки слова — часть текста афиши к популярному представлению «Иоанн Фауст, или Чернокнижник»³².

И. Ф. Петровская пишет также, что мемуаристы сплошь и рядом вспоминали «постановки 1890-х годов, когда на сцене шли проливные дожди, низвергались водопады, били фонтаны, извержение Везувия или бушующее море с гибнущими кораблями было обычным явлением...»³³.

Удивительно, но все это гораздо раньше, а часто оригинальнее, чем в театрах, продельвалось в крупных балаганах. Современники, свидетели грандиозных успехов Лемана, еще в 1830-е годы признавали его «чудесный дар предупреждать» театры: «Все, что теперь влечет нас в Театр, все это мы давно уже видели у Лемана в балагане. Вам нравится извержение Везувия в “Фенелле”, — Леман показывал его за два года прежде; вас ужасает скелет в “Игроках” — Леман выставил его в 1830 году; вы восхищаетесь красным огнем в “Волшебном стрелке”, — но это изобретение Лемана, это его секрет; уже пять лет, как Леман освещает красным огнем свои храмы, своих богинь, амуров, волшебниц...»³⁴.

Популярность представлений Х. Лемана к середине третьего десятилетия XIX века была столь велика, что он мог позволить себе, вопреки сложившимся правилам и традиции, не украшать балаган вывесками и картинами. Вместо них имелась простая надпись: «A bon vin point d'enseigne» («Доброе вино не нуждается в ярлыке» — *франц.*). Балаганы Лемана, выстроенные по принятому шаблону, не отличались архитектурной оригинальностью, зато удивляли и ошеломляли своими размерами (балаган под № 6 «по огромности своей стоил всех прочих»³⁵) и богатством внутренней отделки. Как выглядел балаган Лемана, рассказывает журнал «Русский архив». Один из самых больших балаганов располагался, как положено, на самом выгодном месте Адмиралтейской площади. «Главный фасад его был обращен на площадь, стена находилась в конце здания к стороне [Зимнего] дворца, затем шли места, устроенные амфи-

театром, так что третьи места находились под самую крышею. Кассы и входные двери в балаган находились со стороны Адмиралтейства, а выходы — в противоположной стороне, к Гороховой улице. Лестницы эти, особенно для третьего класса, были очень высоки и круты»³⁶. Представить внутреннее убранство могут помочь сведения о крупных балаганах Берга и Легата, преемников Лемана, многое заимствовавших у него и успешно развивавших лемановское направление в жанре арлекинады. Вместо обычных свечей там были роскошные люстры, «скамейки обиты яркою материею», «авансцена расписана искусной кистью, а не сколочена из досок, загрунтованных белой кистью, как бывало»³⁷.

Достигнув вершины успеха, Леман стал законодателем балаганного искусства, к нему охотно шли известные актеры, зазывалы, пиротехники, декораторы и прочие. Ему пытались подражать, но, как правило, безуспешно. «Северная пчела» упоминала некоего Вейнарта, представлявшего в своем балагане «рождение Харлекина — горькую пародию на Лемана: бедность в костюмах, бедность в декорациях, бедность в смысле арлекинады». Все это, по мнению газеты, составляло «разительную противоположность Лемана»³⁸.

Богатство и признание не очень изменили балаганного маэстро, он по-прежнему охотно сам играл в пантомимах, принимал активное участие в оформлении постановок, в создании «живых картин» и рекламных вывесок для своих балаганов, с увлечением придумывал новые номера и трюки. Один показательный пример. В 1837 году в Москве работал балаган Георга Клейншнека, вторую часть программы которого составляли трюковые марионетки. Объявление, помещенное в «Московских ведомостях», уведомяло: зрителей ожидают «фигуры, превращающиеся в пять или шесть комических предметов», полная трансформация всей сцены: «внезапно театр превратится в храм Аполлона; из земли появятся 5 горящих жертвенников; вторичное превращение театра представит золотой храм богини Минервы, который вскоре потом, в третий раз, превратится в прекраснейший жертвенник трех Граций; потом... появится Минерва» и так далее. Специально подчеркивалось, что «механизмы и превращения» одного из марионеточных балетов «сочинены г-м Леманом в С.-Петербурге»³⁹.

Народные гулянья на масленице
в 1870–1880-е гг. на Марсовом поле

По всей видимости, Леман относился к тому типу людей, которые не могут останавливаться на достигнутом. Обязанный огромной славой и доходами арлекинад и феериям, доведенным им до совершенства (так, по крайней мере, считали современники), он один из первых отказался от беспрояранных героев и сюжетов. Уже в 1834 году, на гребне успеха, Леман вносит в свой репертуар неожиданное: на смену Арлекину, Пьеро, Коломбине пришли персонажи греческой и римской мифологии — Тезей, Геркулес, Ахилл, Ромул и Рем и другие⁴⁰.

Поиски, увлечение механикой и «увеселительной физикой» приводили иной раз к тому, что Леман пренебрегал сюжетом, логикой развития действия, целиком сосредоточившись на «чудесах», метаморфозах, потрясающих сценических эффектах, так что представление, по сути, сводилось к сумме отдельных виртуозных номеров. Это вовсе не разочаровывало, напротив, подогревало интерес обычной публики, настроенной на неожиданное, невиданное, «любопытства достойное» — ведь именно это и составляло особенность, очарование и притягательную силу городского массового гулянья. В то же время подобные новшества вызвали упреки у любителей классической арлекинады. Помешая отчет о масленичном гулянье 1834 года в Петербурге, «Се-

верная пчела» с разочарованием писала: «...в нынешнем году Леман не то, что был прежде: ни тени прежней арлекинской затейливости и насмешливости, ни искры прежней уморительной забавности Пьеро. Теперь множество перемен декораций и превращений, но нет сюжета, нет связи между всеми этими переменами и превращениями, видно, что Арлекин и Пьеро, Коломбина и Полишинель выходят единственно для того, чтобы дать время машинисту приготовить машины, распустить храм, раздеть чертей и поджечь фейерверк»⁴¹.

Так или иначе, но Христиан Леман оказался яркой звездой на небосклоне русской балаганной культуры. Несомненным было его влияние на сценическое искусство второй половины XIX столетия, на развитие таких жанров, как мелодрама, водевиль, цирковые представления. Дело Лемана подхватили и продолжили его ученики и более молодые коллеги — братья Легат, семейство Берг, отец и сын Лейферты, первый профессиональный режиссер балаганных театров — А. Я. Алексеев-Яковлев и другие.

Леман оказался верен себе до конца. Его судьба в России — скромное начало, невероятно быстрый, ошеломляющий успех и трагический конец карьеры — сродни его же феериям и арлекинадам. Яркие эффекты и метаморфозы составляли основу и

пантомим, и реальной жизни Лемана. То и другое происходило как бы на одних подмостках и объединялось общим понятием театра. Похоже, для современников Леман и не существовал вне балагана.

Поразительно, как публика, заполнившая в роковой день 2 февраля 1836 года балаган Лемана, увидела начавшийся пожар на сцене: «Это было в начале пятого часа пополудни. <...> Вдруг действующие в пантомиме актеры, одеваясь в отдельной камерке, увидели, что от одной лампы, слишком высоко подвешенной, загорелись стропила. Желая заблаговременно предостеречь публику, подняли занавес, чтобы показать ей приближающуюся опасность»⁴². Однако в первые минуты реальный огонь был воспринят как истинно лемановское эффектное зрелище. М. И. Пыляев приводит рассказ кадета Д. Чаплина, молодого человека, едва не погибшего в тот день: «Как только заиграла музыка, так на сцену с правой стороны из-за занавеса выскочил какой-то человек и громко закричал: “Господа, пожар, горим!” и сейчас же исчез. В балагане сделалась суматоха; многие вскочили с мест, а большая часть зрителей, думая, что Леман потешается над публикой, начала громко смеяться и кричать: “Браво!”. Но в этот самый миг откуда-то повторился новый неистовый крик: “Пожар, горим, спасайтесь!”». Тогда все бросились с своих мест, и вот тут-то сделался страшный переполох»⁴³.

О столь трагически начавшейся масленице говорили и писали многие, и сразу по горячим следам происшествия, и спустя какое-то время. 18 февраля 1836 года помечены письма, отправленные князем П. А. Вяземским и сестрой А. С. Пушкина — О. С. Павлищевой. И в них, помимо жутких подробностей пожара, присутствует тот же мотив зрелища, чудовищного и одновременно красочного; зрелища, будто гениально поставленного самим Сатаной. Вот строки из письма Ольги Сергеевны Павлищевой своему мужу: «Начался пожар. Леман крикнул: “Горим!”. Это сочли за мистификацию; он поднял занавес — вся сцена была объята пламенем, и через четверть часа все было кончено»⁴⁴. Из письма П. А. Вяземского А. И. Тургеневу: «Ты, верно, уже знаешь о несчастном происшествии, коим открылась наша масленица в первое воскресенье: пожар балагана Лемана, в котором сгорело

более 125 человек по полицейским известиям, а может быть, и более. Ужасы рассказывают: мучения ада, огонь, плач и скрежет зубов в буквальном значении. <...> Сказывают, что тут была картина под парю “Последнему дню Помпеи”, когда одна из разгоревшихся стен обрушилась и посреди пламени открылись на местах задохшиеся зрители, черные обгорелые лица, груды трупов <...>. Я нечаянно попал на пожар и минут десять стоял

перед ним, любуясь как декорацией, и ни мне, ни толпе, окружавшей меня, не приходило в голову, что это не пожар, а человеческий костер...»⁴⁵.

Так что даже пожар, унесший множество жизней и уничтоживший любимое детище Лемана, оказался похожим на оглушительно яркий финальный акт короткой феерической деятельности знаменитого балаганщика в столице Российской империи. Символично, что панихида по погиб-

шим, состоявшаяся по инициативе В. А. Жуковского, была отслужена на самом пожарище и «вечная память» жертвам катастрофы невольно воспринималась и как поминки по делу Лемана.

Вообще петербургский период в биографии Христиана Лемана высветлен будто лучом театрального прожектора, все остальное так и осталось за кулисами, окруженное тьмой и неизвестностью.

¹ О петербургских балаганах см., например: «Балаганщики»: Очерки жизни и нравов артистов и антрепренеров увеселительных заведений и праздничных балаганов. СПб., 1868; Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 1. С. 289–298; Лейферт А. В. Балаганы. Пг., 1922; Конечный А. М. Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Ист.-этногр. исслед. Л., 1989. С. 21–52; Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII – начало XX века. Л., 1988; Петербургские балаганы: А. Лейферт. Балаганы / Предисл. А. Бенуа; А. Алексеев. Воспоминания; Балаганные пьесы / Сост., вступ. ст. и коммент. А. М. Конечного. СПб., 2000; Русские народные гулянья. По рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева. В записи и обработке Евг. Кузнецова. М.; Л., 1948.

² Северная пчела. 1834. № 48.

³ Там же. № 93.

⁴ Там же. 1830. № 46; Русские народные гулянья. По рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева. В записи и обработке Евг. Кузнецова. С. 9.

⁵ Булгарин Ф. В. – писатель, журналист; вместе с Н. И. Гречем издавал «Северную пчелу» (1825–1859); автор многих статей, заметок, корреспонденций в этой газете.

⁶ Северная пчела. 1831. № 38.

⁷ Записки и дневник (1826–1877) А. В. Никитенко. СПб., 1893. Т. 1. С. 288.

⁸ Там же. С. 328.

⁹ Соколов П. П. Воспоминания. Л., 1930. С. 66.

¹⁰ Живокин Василий Игнатьевич (1805–1874) – знаменитый русский актер, комик-буфф, мастер импровизации.

¹¹ Северная пчела. 1836. 4 февраля, 4, 5 и 6 марта; Записки и дневник А. В. Никитенко. Т. 1. С. 365–367; Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу // Мир Пушкина. Фамильные бумаги Пушкиных-Ганнибалов. СПб., 1994. Т. 2. С. 153 (письмо из Петербурга от 18 февр. 1836 года); Воспоминания старого учителя И. К. Зайцева. 1805–1887 // Рус. старина. 1887. Т. 54. № 6. С. 677; Пыляев М. И. Старый Петербург. Л., 1990. С. 96–98 (репр. изд. 1889 г.).

¹² Пожар балагана Лемана совпал с приездом в Петербург юного Д. В. Григоровича. В «Литературных воспоминаниях» писатель говорит о слухах, по которым число погибших определялось в несколько сот человек (Григорович Д. В. Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1896. Т. 12. С. 221).

¹³ Конечный А. М. Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Ист.-этногр. исслед. Л., 1989. С. 29.

¹⁴ Северная пчела. 1826. 20 апр.

¹⁵ Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Большая Морская. СПб., 1996. С. 64.

¹⁶ Алянский Ю. Увеселительные заведения Старого Петербурга. СПб., 1996. С. 104.

¹⁷ Бройтман Л. И., Краснова Е. И. Указ. соч. С. 65.

¹⁸ Дмитриев Ю. А. Цирк в России. От истоков до 1917 года. М., 1977. С. 99.

¹⁹ Записки и дневник А. В. Никитенко. Т. 1. С. 288–289.

²⁰ Дмитриев Ю. А. Указ. соч. С. 52, 59.

²¹ Отеч. записки. 1827. № 85. Май. Ч. 30. С. 325.

²² Северная пчела. 1831. 17 февр.

²³ Там же. 1827. № 43.

²⁴ Записки и дневник А. В. Никитенко. Т. 1. С. 288–289.

²⁵ Конечный А. М. Указ. соч. С. 47.

²⁶ Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева. С. 50.

²⁷ Об арлекинадах см., к примеру: Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева; Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. 1. С. 289–298; Дмитриев Ю. А. Цирк в России. От истоков до 1917 года. С. 112–116; Конечный А. М. Указ. соч.

²⁸ Голдовский Б. П. Кукольный театр в Петербурге XVIII столетия // Кукольники в Петербурге. СПб., 1995. С. 28.

²⁹ См. об этом, в частности: Кузьмина В. Д. Русский демократический театр XVIII века. М., 1958; Русская народная драма XVII–XX веков. Тексты пьес и описания представлений / Ред., вступ. ст. и коммент. П. Н. Беркова. М., 1953.

³⁰ Северная пчела. 1834. 28 февр.

³¹ Там же.

³² Дюканж Виктор Анри Жозеф (1783–1833) – французский писатель, его романы и мелодрамы пользовались большой популярностью, в том числе у русского читателя и зрителя.

³³ Северная пчела. 1834. 28 февр.

³⁴ Петровская И. Ф. Театр и зритель провинциальной России. Вторая половина XIX века. Л., 1979. С. 62.

³⁵ Там же. С. 139.

³⁶ Северная пчела. 1834. 28 февр.

³⁷ Там же. 16 мая.

³⁸ Алянский Ю. Указ. соч. С. 40.

³⁹ Северная пчела. 1836. 4 апр.

⁴⁰ Там же. 1834. 16 мая.

⁴¹ Моск. ведомости. 1837. № 6. 24 февр.

⁴² Северная пчела. 1834. 27 апр.

⁴³ Там же. 4 апреля.

⁴⁴ Там же. 1836. 4 февр.

⁴⁵ Пыляев М. И. Старый Петербург. С. 97.

⁴⁶ Письма Ольги Сергеевны Павлищевой к мужу и отцу. С. 153.

⁴⁷ Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 3. С. 293–294.

Ленинградская печать в годы большого перелома: хроника цензурных репрессий 1937 года.

По донесениям Леноблгорлита в Особый отдел
Ленинградского обкома ВКП(б)

А. В. Блюм

Роман Гуль в статье «Писатель и цензура в СССР», опубликованной в парижских «Современных записках» в 1938 году, писал: «Немыслимо перечислить всех писателей, уничтоженных диктатурой. Об этом надо написать книгу, но только тогда, когда вскроются все архивы КГБ, Отдела Пропаганды, Главлита. И это будет одна из самых страшных книг»¹. Казалось бы, в наши дни не осталось никаких препятствий для создания такой книги, но это вовсе не так просто, как может показаться на первый взгляд. Основная причина: недоступность и засекреченность многих архивных документов советской цензуры. В каком-то смысле даже архивы тайной политической полиции представляют меньшую тайну, хотя, конечно, многое до сих пор остается за семью печатями. Очевидно, механизм убиения мысли, запечатленной в слове, представляет еще большую государственную тайну, чем физическое истребление людей.

Тем не менее до конца сохранить тайну никогда не удастся... Так, автору этих строк при фронтальном обследовании архивного фонда так называемого «Особого отдела» Ленинградского обкома ВКП(б) за 1930-е годы удалось обнаружить множество секретных цензурных документов. Именно в этот отдел доставлялись донесения органов НКВД/КГБ, а также, что представляет особый интерес, еженедельные «Сводки важнейших вычерков и конфискации, произведенных Леноблгорлитом», снабженные обязательным грифом «Секретно» (при публикации общая стереотипная «шапка» и гриф опускаются). Обычно эти оперативные сводки имели такую типовую схему: «1. Наименование инкриминируемого

произведения печати. 2. Автор. 3. Редактор. 4. Фамилия цензора, произведшего вмешательство. 5. Мотивы вмешательства (вычерки или конфискации). 6. Принятые меры». Сводки-отчеты распределялись, с одной стороны, на разделы «Предварительный контроль» (то есть цензурный просмотр произведения в рукописном виде) и «Последующий контроль» (на уровне версток и гранок, вторично поступавших на цензурный просмотр), с другой — на разделы «Нарушения военно-экономического перечня секретных сведений. Литера А» и «Важнейшие вычерки предварительной цензуры и обнаруженные на последующем контроле нарушения политико-идеологического характера. Литера Б».

Под литерой «А» подразумевался первый раздел основного документа, которым руководствовались цензоры, — «Перечня сведений, запрещенных к публикации», содержавшего «военные тайны». Начав выходить с 1927 года, он периодически обновлялся: последний такой документ вышел в 1987 году. В еженедельных сводках Леноблгорлита сведения о «нарушениях» этого раздела «Перечня...» занимали львиную долю и уже к середине 30-х годов приобрели вполне абсурдистский характер. Остальные документы почерпнуты из второго раздела еженедельных цензурных сводок, касавшегося нарушений в печати тайн «политико-идеологических», точнее не тайн, а установок партийного аппарата, менявшихся в те годы с калейдоскопической быстротой. Волны террора, следовавшие одна за другой, лихорадили работу издательств, журналов и газет, и, естественно, цензоров; масса уже подготовленных и сверстанных книг и журнальных публикаций была зап-

решена в последний момент (иногда — конфисковывалась и изымалась из библиотек и книготорговых организаций уже после выхода в свет по особым проскрипционным спискам Главлита). Цензоры не успевали объявлять «нелицами», если вспомнить термин, применявшийся чиновниками поразительно похожего на «наш Главлит» «Министерства правды» в романе Джорджа Оруэлла «1984», авторов, причисленных к «врагам народа».

Пик цензурных репрессий приходится на годы Большого террора, когда запуганные и терроризируемые «компетентными органами» чиновники Главлита и его местных отделений впадали, употребляя термин академика И. П. Павлова, в «парадоксальное состояние». Им всюду мерещился затаившийся враг, проникший на страницы литературы и печати. Многие претензии цензуры выглядят сейчас полнейшим курьезом, но тогда их «виновникам» было явно не до смеха: цензурные инстанции тотчас же передавали сведения о них в органы НКВД «для принятия мер».

Обратим внимание еще на одну особенность публикуемых документов: для цензоров нет «важного» и «неважного». И академический труд, и лирическое стихотворение, и пустячная заметка в какой-нибудь фабрично-заводской «многотиражке» на цензурных весах одинаковы: они в равной мере могли нанести вред незамутненному читательскому сознанию и нарушить гармонию единомыслия. Ко всем произведениям печатного станка цензоры относились с убийственной серьезностью, и не только в метафорическом смысле, а в самом прямом, ибо вслед за цензурными репрессиями — и они прекрасно об этом знали! — очень часто следовали «оргвыводы» истребительных инстанций. Следует учесть также, что в то время в главлитовские инстанции поступали профильтрованные тексты, уже прошедшие самоцензуру авторов и, что еще более существенно, цензуру редакторскую.

Хранятся публикуемые документы в Центральном государственном архиве историко-политических документов (ЦГА ИПД — бывший Ленинградский партийный архив), фонд 24, опись 2-в (секретная). В этой публикации далее указываются только номера дел и листов. Кроме того, в примечаниях использованы документы из фондов Леноблгорлита, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Санкт-Петербурге (ЦГАЛИ СПб).

1–10 января

Последующий контроль. Газета «Северо-Западный вестник», № 1, от 1 января. На 1-й полосе помещено клише — рисунок, символически изображающий наступление нового 1937 года. На клише помещены две фигуры (летчик и летчица), держащие в руках заштрихованное знамя, у древка которого изображена мертвая голова т. Сталина.

Портреты производства Полиграфкомбината. Портрет т. Сталина. Лицо затемнено. Плечи в разных планах (правое — неверно). Предложено переделать.

Портрет т. Ворошилова — неправильная расстановка глаз. Запрещен. Портрет т. Блюхера — халтура.

Д. 2295. Л.42, 53.

30 января

Леноблгорлит В Ленинградский Горком ВКП(б)

Направляю вам несколько вычерков из фабрично-заводских газет за январь 1937 года в связи с процессом над фашистской бандой, характеризующих, что и в других газетах возможны аналогичные ошибки, контррево-

люционные «опечатки», политически вредные формулировки и статьи.

Желательно было бы создать группу редакторов и обсудить политически неверный материал, печатающийся в газетах.

Начальник Леноблгорлита (Чекавый).

Газета «Рычаг», завод № 23, № 5 за 24 января.

Первый абзац статьи «Изменники родины» начинался так: «С глубоким возмущением встретили рабочие, ИТР и служащие нашего завода сообщение прокуратуры об окончании следствия по делу троцкистского центра». Получается, что рабочие возмущены не злодеяниями фашистских бандитов, а тем, что окончено следствие и опубликовано сообщение прокуратуры о привлечении их к суду. — Цензором абзац снят.

В газете «Советский объектив», № 10, вместо — «Мы требуем уничтожить троцкистскую нечисть» — «Мы требуем уничтожить троцкистскую печать». Предупреждены соответствующие органы о выявлении виновника. — Газета задержана и исправлена.

Газета «Цементник», № 2, от 17 января.

Дается фотография т. Кагановича, рядом с которой следующий заголовок: «Резолюций много, а толку мало». Сочетание клише и заголовка дает возможность вредно истолковать указания т. Кагановича.

Газета «Пищевой гигант». Орган «Пищекombината».

Пыталась опубликовать материалы о случаях воровства и хищений (кур, студня и тому подобного) под названием «Враги народа», совершенно произвольно характеризую действия этих рабочих, как действия врагов народа. Приводится масса примеров, фамилии расхитителей, способы кражи и так далее. Все эти абзацы создают впечатление, что все или большинство рабочих комбината — воры, а это неверно. — Снято.

Газета «Красный деревообделочник», № 3, от 27 января.

В стихотворении «Приказчики из фирмы Гестапо» встречаются следующие строчки:

«Они Мироньча убили:

Работали изменщики не зря...»
— Последняя строчка исправлена.

Газета «Володарка» (Швейная фабрика). № 7, от 29 января.

В заметке «невиданные в истории подлещи» было написано: «Просчитались наемные убийцы Троцкого — Пятаков, Радек, Серебряков, Сокольников, и им подобные...» Кого же убивали эти убийцы? Получается явная контрреволюционная формулировка, что они убили Троцкого, тогда как сам Троцкий убийца, главарь этой фашистской банды. — Переработано.

Газета «Крестьянская правда» (Лужский район). № 17, 21. I.

На клише, на котором изображен В. И. Ленин среди красногвардейцев, увешанных ручными гранатами и пулеметными лентами, была дана подпись, искажающая действительное положение вещей: «В. И. Ленин отправляет агитаторов в деревню». — Снято.

Д. 2295. Л.50, 57, 70.

10–20 февраля

«Стахановец канонерки» (Канонерский завод. Многотиражка).

7. II.1937 г.

На развороте дана шапка из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву»:

«Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья».

Получается, что звезда счастья еще не взошла. Налицо факт неумелого использования выдержки из стихотворения Пушкина, помещение которого в виде шапки является контрреволюционным. Шапка снята².

Д. 2295. Л. 173.

10–20 марта

Предварительный контроль. Газета «Лесной порт», № 2 от 8. I. 1937. В статье «Что творится в ремонтном цехе» снято выражение, что среди рабочих процветает антисемитизм, так как в доказательство не приводится ни одного случая. Как обвинение, не подтвержденное ни одним фактом, было цензором снято.

Газета «Монтажник» — завод «Гидравлика», от 6.2.1937. В заметке «Позорное явление» редакция неверно и безграмотно освещает имевшие у нас случаи антисемитизма: «Товарищеский суд, состоявшийся в мае 1936 г., показал, что в этом доме существует национальная вражда по отношению к евреям и татарам. Суд постановил: Постникову и Пономареву оштрафовать на 10 рублей каждую». Редакция восклицает: «Казалось бы, что после решения суда (штраф в 10 рублей) вражда должна прекратиться? Однако, случилось наоборот». Статья была переделана³.

Д. 2295. Л.137–138.

1–10 апреля

Предварительный контроль. Газета «Профилактик» (2-й Медицинский институт), от 8 апреля. Редактор Белянин. Цензор Лесохин.

В газете была помещена статья группы работников кафедры психиатрии «Обсуждать методику работы», суть которой сводится к тому, что при демонстрации душевного больного надо до минимума свести применение общественно-политических вопросов, заменив их вопросами бытовыми, профессиональными и так далее. Как

указано в статье, вызывается это тем, что душевнобольные на общественно-политические вопросы отвечают антисоветскими высказываниями.

Отсюда может быть только один контрреволюционный вывод, что эти больные (или, по крайней мере, большинство из них) заболели из-за Советской власти.

Цензором дано указание статью переделать.

Д. 2296. Л. 22.

14 октября

Леноблгорлит. Секретно

Особому отделу Ленинградского Обкома ВКП(б) Материалы о вредительстве в печати (по газетам и журналам Ленинграда)

<...> Особенно широкое распространение за последнее время получили опечатки, причем опечатки эти, в значительной своей части, отличаются от обычных опечаток, тем, что они искажают смысл фразы в антисоветском духе. «Опечатки» берут начало в типографии, но бывает, что первоисточником контрреволюционных вылазок в виде «опечаток», искажения цитат, фото и прямой вражеской пропаганды являются и редакции. Враги плодили антисоветские опечатки, продельвая всякие гнусности, используя газету, как трибуну для антисоветской агитации.

Техника опечаток такова: вражеская рука выбрасывает целые строки, заменяются целые слова... и тогда заголовку или тексту придается гнусный контрреволюционный смысл.

Например, в газете «Спартак» была дана такая «опечатка»: «...мелкий тоскливый вождь сеял над зеркальным прудом стадиона» — вместо дождь. Природа всех этих, с позволения сказать, «опечаток» совершенно ясна. Всё это делается с определенным умыслом — грубо извратить смысл в контрреволюционном духе. И эти подлые ухищрения газетных вредителей иногда удаются благодаря беспечности некоторых редакторов и работников цензуры.

Д. 2294. Л.91–92.

20–31 сентября

Николай Браун. Книга стихов. Издательство «Советский писатель». Цензор А.Семенов.

На предварительной цензуре снято 4 стихотворения. Например, «Друзьям» — послание к ним о будущей встрече с ними, когда «пройдут наши тяжелые годы». Стихотворение давнишнее и сейчас звучит двусмысленно. «На другой день» — стихотворение из цикла о Маяковском. Рядом с Маяковским поставлен Пастернак, как товарищ и близкий Маяковскому⁴.

Д. 2297. Л. 135.

20–31 октября

«Литературный современник». № 10. Журнал задержан из-за перевода стихотворения Б. Лившицем, арестованного к моменту выхода сборника⁵.

Д. 2294. Л. 30.

20–31 декабря

Журнал «Литературный современник». № 1.

На предварительном контроле из номера журнала снят плач Карташовой Анны Николаевны по Ленину. Плач по своему художественному уровню не только примитивен, но в политическом отношении неправилен. Например:

«Как мы все сволновались,
Что потеряли потеряшечку,
Да обронили оброняшечку,

Да оброняшечку немаленьку...»
и в конце:
«Как мы будем жить без Ленина?» Снято.

Журнал «Советская этнография», № 1–2, 1937 г. Издание Академии наук СССР.

На страницах журнала в отделе «Хроника» в статье «1-я Марийская языковедческая конференция» сказано: «По мнению Капитонова, слово «Революция» на марийском языке — это качым мундранымаш, то есть «народная смута», а диктатура — чот нентыден кучумаш, то есть «крепкое держание». Эта политически вредная практика перевода слов на марийский язык была применена националистом Васильевым, который слово «коммунист» переводит как пармызе («кучкист») а ячейку ВКП(б) как «изпармызе тушка», то есть «маленькую совместную кучку». Таким образом, журнал предоставляет трибуну клеветническим выпадам врагам народа против диктатуры пролетариата и ВКП(б).

Васильев арестован как враг народа.
Д. 2861. Л. 51, 67.

Сплошное чтение даже немногих публикуемых документов из бюллетеней Главлита может вызвать ощущение сюрреалистического абсурда. Мелочность и придирчивость цензуры очень часто не вызывалась «опасностью» текста, вовсе не претендовавшего на подрыв устоев. Но в том-то

все и дело, что тоталитарная цензура не делала различия между главным и неглавным, существенным и несущественным. На ее цензурных весах одинаковы и действительно криминальный «антисоветский» текст и пустячная опечатка в кроссворде или курьезный полуграмотный оборот фразы при переводе. Главная задача — устрашение всех пишущих, порождение тотального страха, полной неуверенности авторов, тщетно пытающихся угадать желания власти и тем самым обезопасить себя. Можно вывести закономерность тоталитарной цензуры: для нее важнее сам факт запрещения, чем содержание запрещаемого текста. Другими словами — репрессия как таковая (это касается и массового физического уничтожения людей) имеет в ее глазах самодовлеющую ценность.

Выявленные цензурные «огрехи», зафиксированные в бюллетенях, становились затем материалом для обвинения авторов в антисоветской деятельности и входили в «состав преступления». Главлитовские инстанции, всегда работавшие рука об руку с органами тайной политической полиции, неизменно сигнализировали о наиболее «враждебных вылазках» в печати, что влекло за собой «оргвыводы»: физическую расправу с журналистами, учеными, писателями. Только в Ленинграде была уничтожена в годы Большого террора треть писательской организации. Великий английский поэт и мыслитель XVII века Джон Милтон говорил, что «убить хорошую книгу все равно, что убить человека». И там, где начинают с уничтожения книги, неизменно заканчивают убийством человека. Такова печальная логика истории...

¹ Гуль Р. Одвуконь. Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк, 1973. С. 196.

² Этот документ уже был однажды опубликован автором и подробно прокомментирован в статье «Снять контрреволюционную шапку...» (Пушкин и ленинградская цензура 1937 г.) // Звезда. 1997. № 2. С. 209–216.

³ В отличие от 1920-х годов, когда вышло более 40 книг, разоблачивших проявления антисемитизма, в 1930-е началась и продолжалась полувековая полоса полного замалчивания этой темы. Цензурой запрещаются в это время даже сугубо исторические труды, в которых упоминаются еврейские погромы даже в дореволюционное время. Подробнее об этом см.: Блюм А. В. «Еврейский вопрос под советской цензурой» (СПб., 1996).

⁴ Браун Николай Леопольдович (1902–1975) — ленинградский поэт. Внимание цензора привлекло, по-видимому, и такое четверостишие в стихотворении «Друзьям» (1934):

*Идем и тычемся — кроты!
Дугой — пророки — горбимся!
Жрецы куриной слепоты,
Подножной травкой красоты,
Поджав копытца, кормимся!*

Это стихотворение позднее изредка все же перепечатывалось и даже вошло в двухтомное «Избранное» Н. Брауна (Л., 1972). Второе инкриминируемое ему цензором стихотворение — «На другой день», вошедшее в цикл «Четыре эпизода из воспоминаний о смерти Маяковского» и опубликованное впервые в ленинградском коллективном сборнике «Маяковскому» (1931) — последний раз печаталось в 1935 году (книга стихотворений «Поединок»). В глазах цензора образ канонизированного властью поэта, которого, по словам Пастернака, в 1930-е годы она насильственно насаждала «как картофель при Екатерине», никак не сочетался с таким своевольным и «неуправляемым» поэтом, каким был в глазах официального режима Пастернак, тем более что он назван Брауном «побратимом» Маяковского.

Позднее стихотворение «На другой день» не входило в сборники Брауна, не вошло оно и в двухтомное «Избранное» 1972 года. Тогда уже по другой причине: вено было как можно меньше упоминать имя Пастернака — в связи с публикацией в 1958 году за рубежом «Доктора Живаго» и скандалом вокруг полученной им Нобелевской премии.

⁵ Лившиц Бенедикт Константинович (1888–1939) — поэт, автор до сих пор непревзойденных переводов французских «проклятых» поэтов (Рембо, Малларме, Верлена и других). Арестован в 1937 году, умер в лагере 15 мая 1939 года. Номер журнала вышел с большим опозданием; перевод Б. Лившица в нем, конечно, отсутствует. Бенедикт Лившиц — автор интереснейших мемуаров «Полутороголазый стрелец», вышедших впервые в Ленинграде в 1933 году, причем с большими цензурными осложнениями. Главлит обратил внимание на просчет ленинградской цензуры, выпустившей книгу, отличавшуюся «несомненно формалистическими установками автора <...> и только тот факт, что книга уже отпечатана, заставило Главлит все же пойти на ее разрешение, обязав издательство («Издательство писателей в Ленинграде». — А. Б.) снабдить ее предисловием, резко противостоящим формалистической концепции Б. Лившица» (ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 10. Д. 582. Л. 5). За последние 7 лет вышло в свет три различных изданий «Полутороголазого стрелца». Об уровне «гласности» даже под самый занавес «перестройки» можно судить по тому, что во вступительной статье к ленинградскому изданию 1989 года ни слова не говорилось об аресте поэта. Вместо этого мы встречаем такой привычный для того времени эвфемизм: «Трагическая гибель в 1938 году (ошибка — в 1939-м. — А. Б.) погрузила его имя в полузабвение» (с. 35).

Анциферовские премии

А. Д. Марголис

Петербурговедение как особая форма общественного самосознания возникло в начале XX века. В преддверии 200-летнего юбилея города на Неве образовалось художественное объединение «Мир искусства». Несколько лет деятельности этой небольшой группы энтузиастов, сплотившейся вокруг Александра Бенуа, полностью перевернули отношение современников к Северной Пальмире. Их усилиями были созданы Музей старого Петербурга и общественная Комиссия по изучению и описанию старого Петербурга¹.

Наивысший подъем отечественное краеведение переживало в первое послеоктябрьское десятилетие. Петроградский научно-исследовательский экскурсионный институт, Ленинградское отделение Центрального бюро краеведения (ЦКБ) и общество «Старый Петербург – новый Ленинград» стали методическими центрами краеведческой работы для всей России.

Важнейшей фигурой петербурговедения 1920-х годов был Николай Павлович Анциферов (1889–1958) — автор замечательной книги «Душа Петербурга» (1922) и других классических работ, в которых заложены принципы комплексного изучения города как целостного историко-культурного организма².

Краеведческое движение, как и многие другие живые начинания того времени, было раздавлено в годы «великого перелома». Среди жертв борьбы с «вредительством на историческом фронте» оказался и Н. П. Анциферов. В апреле 1929 года он был арестован. Затем — пять лет в Соловецких лагерях, на Беломорканале... В 1937-м — новый арест. В годы ежовщины его пристанищем стали Бутырка, Таганка, лагерь на Дальнем Востоке.

Новый подъем в петербургике приходится на 1970—1980-е годы. В краеведении, казавшемся властям не более чем формой культурного досуга советских трудящихся, было позволено больше, чем в «серьезной» исторической науке. Поэтому в краеведение пришло новое поколение молодых исследователей. Ленинградскими краеведами был поднят и освоен огромный пласт информации.

«Душа Петербурга» оказалась впервые переиздана только в 1990 году. Вскоре лучшая книга Анциферова выдержала еще несколько изданий и стала вдохновляющим ориентиром для нынешнего поколения петербурговедов. Поэтому, когда в 1995 году возникла идея учредить премию за лучшие современные работы по истории Петербурга, ее название было принято единодушно. Учредителями Анциферовской премии стали Международный благотворительный фонд спасения Петербурга—Ленинграда, Балтийский гуманитарный фонд и Государственный музей истории Санкт-Петербурга, полномочные представители которых вошли в оргкомитет (сопредседатели А. В. Кобак и А. Д. Марголис). К участию в жюри удалось привлечь наиболее авторитетных и уважаемых специалистов, в том числе академиков Д. С. Лихачева, В. Н. Топорова, Б. В. Ананьича, Т. А. Славину. Председателем жюри был избран председатель Союза краеведов России академик Российской академии образования С. О. Шмидт.

Согласно положению Анциферовские премии присуждаются раз в два года по четырем номинациям: лучшая научно-исследовательская работа; лучшая популярная работа; лучшая работа о Петербурге зарубежного автора; за общий вклад в современное петербурговедение. На соискание премий выдвигаются опубликованные работы в широком диапазоне, включающем культурологические, экономические, социально-политические, этнографические и иные аспекты петербургского краеведения.

Художник Е. Ю. Меркурьев разработал эскизы дипломов двух видов — для победителей (лауреатов) и для дипломантов конкурса. На Монетном дворе по модели скульптора А. В. Бакланова были заказаны бронзовые медали «За лучшую работу о Петербурге» с портретом Н. П. Анциферова.

На первый конкурс, итоги которого были подведены в мае 1996 года, представили свои труды 74 автора из Петербурга и Москвы, а также из Германии, Нидерландов, Великобритании и Финляндии. Два года спустя число номинантов стало еще больше. На соискание премии 2000 года 73 автора представили десятки самых разнообразных сочинений — от документальных мнотомников до красочных книжек для детей. На торжественные церемонии вручения премий из США приехала дочь Н. П. Анциферова — Татьяна Николаевна Камендровская.

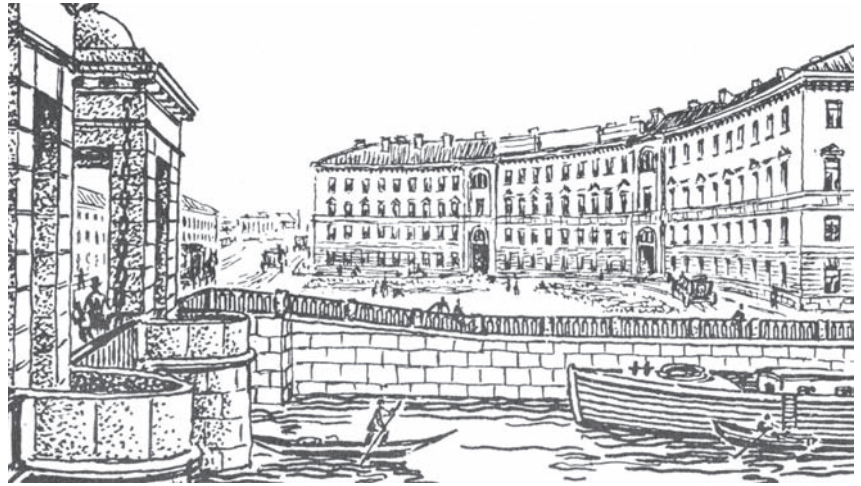
Все тридцать работ, которым были присуждены Анциферовские премии и дипломы в 1996, 1998 и 2000 годах, являются выдающимися достижениями в исследовании и популяризации петербургской темы. Среди них справочник-путеводитель «Исторические кладбища Петербурга» (авторы-составители А. В. Кобак и Ю. М. Пирютко,

1993), филигранная краеведческая работа И. Ф. Петровской и В. В. Соминой «Театральный Петербург: начало XVIII века – октябрь 1917 года», книга А. М. и М. А. Гординых «Пушкинский век: Панорама столичной жизни» (1995), фундаментальная монография профессора Санкт-Петербургского государственного университета М. С. Кагана «Град Петров в истории русской культуры» (1996), работа московского искусствоведа Ю. М. Овсянникова «Великие зодчие Санкт-Петербурга: Трезини, Растрелли, Росси» (1996), книга «Большая Морская улица» (1996), ставшая итогом многолетних архивных исследований Л. И. Бройтман и Е. И. Красновой, монография М. Бейзера «Евреи Ленинграда. 1917–1939: Национальная жизнь и советизация» (1999), многотомный «Ленинградский мартиролог 1937–1938», подготовленный под руководством А. Я. Разумова. Среди зарубежных сочинений хочется отметить книгу финского исследователя Сауло Кепсу «Петербург до Петербурга: история устья Невы до основания Петербурга» (1995) и замечательную работу американской писательницы Сюзанны Масси «Павловск: жизнь русского дворца» (1997).

За общий вклад в современное петербурговедение Анциферовской премией были отмечены искусствоведы Б. М. Кириков и В. В. Антонов, историк Е. В. Анисимов, коллекционер Н. П. Шмитт-Фогелевич.

Петербургведение рубежа веков характеризуется появлением прекрасных образцов справочной литературы. Кроме уже упомянутых «Исторических кладбищ» и «Театрального Петербурга», это трехтомная историко-церковная энциклопедия «Святые Санкт-Петербурга» В. В. Антонова и А. В. Кобака, справочник «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX – начала XX века» под редакцией Б. М. Кирикова, «Энциклопедия улиц Санкт-Петербурга: Василеостровский район» Г. Д. Никитенко и В. Д. Соболя, «Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга» под редакцией А. Г. Владимировича, и другие. Достоверная, объективная информация интересует наших современников гораздо больше, чем идеологизированные толкования.

С другой стороны, огорчает то, что Анциферовская премия в номинации «за лучшее учебное пособие по краеведению» так и не была присуждена, хотя соискателей было немало. Жюри констатировало, что уровень педагогической литературы по краеведению все еще недостаточно высок.

Междисциплинарность – характерная черта петербургского краеведения, которое сегодня переживает новый расцвет. Тем не менее принципы комплексного подхода и группировки знаний еще не вполне разработаны. Поэтому среди наиболее актуальных задач – создание методологической базы междисциплинарной петербургики.

Согласно Положению об Анциферовской премии, поданные на конкурс работы авторам не возвращаются. Из них формируется специальная Анциферовская библиотека³. Какова цель создания этой библиотеки и принципы ее комплектования? По мысли организаторов, ядро книжного собрания составляют сочинения, поданные на соискание Анциферовской премии. Авторы сдают в оргкомитет также свои автобиографии и специальные анкеты. Таким образом, в библиотеку поступают лучшие современные труды по истории Петербурга наряду со сведениями об их авторах.

Последнее – принципиально важно. Мы не только собираем публикации, а хотим зафиксировать современный этап развития наших знаний о городе. А это прежде всего люди – сотни тех, кто выявляет сведения о городе на Неве, систематизирует и публикует их. Поэтому наша задача – собрать биографические

сведения об авторах, изучающих Петербург. Результатом должен стать библиографический словарь современных петербургских краеведов.

Поистине бесценный подарок сделал нам в 2002 году Николай Павлович Шмитт-Фогелевич (лауреат Анциферовской премии 1998 года). Он передал в Анциферовскую библиотеку свое книжное собрание, которое включает несколько тысяч книг о Петербурге, изданных с середины XVIII века до наших дней.

Анциферовская библиотека открыта в помещении Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева (Моховая ул., 15) для всех, кто интересуется историей нашего города. В будущем, возможно, она станет основой для большой городской специализированной библиотеки. В настоящее время идет создание электронного каталога, который будет доступен в Интернете.

В наши дни мы испытываем дефицит профессионального и человеческого общения. Анциферовская премия сплачивает людей вокруг достойного дела, которое сегодня приобрело характер общественного движения.

Лауреаты и дипломанты очередного Анциферовского конкурса, который финансирует Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева, будут названы в декабре 2003 года. На соискание премий в год 300-летия Петербурга выдвинуты работы около 100 авторов из шести стран. Общий уровень изданий в последние годы заметно вырос, а количество новых первоклассных книг о городе исчисляется десятками.

¹ Марголис А. Д. Музей Старого Петербурга // Архитектура Петербурга: Материалы исслед. СПб., 1992. Ч. 2. С. 140–146.

² Добкин А. И. Н. П. Анциферов: Материалы к библиографии // Анциферовские чтения: Материалы и тез. конф. Л., 1989. С. 19–21.

³ Анциферовская библиотека: Аннот. кат. // Сост. И. С. Галеева, А. В. Кобак, А. Д. Марголис. СПб., 1996.

В статье использованы рисунки художников Р. П. Костылева и П. Р. Костылева.

Среди юбилейных проектов, посвященных 300-летию Санкт-Петербурга, своеобразным вкладом научной интеллигенции города стал проект «Санкт-Петербург на перекрестке культур» — серия путеводителей, отражающих вклад иностранцев в строительство и культуру северной столицы, выпускаемых издательством «Фрегат».

В феврале 2003 года он был представлен в Милане на Туристической выставке в День Санкт-Петербурга, презентация проекта прошла в Международном пресс-центре на Итальянской улице в марте сего года, публикации о проекте появились в ряде журналов, ему посвятили несколько сюжетов радиожурналисты. Инициатор проекта — автор настоящей статьи. К работе над проектом были привлечены специалисты крупнейших научных организаций города: Санкт-Петербургского государственного университета, Кунсткамеры, нашего университета, Российской национальной библиотеки, Центрального

Е. С. Протанская

государственного архива кинофото-фонодокументов, ряда институтов и музеев. Ими были созданы 12 оригинальных, явившихся результатами собственных разработок, содержащих исторически достоверные сведения и занимательных по содержанию текстов. Авторы путеводителей опирались на 20-летний опыт изысканий ежегодных конференций по этнографии Петербурга, организованных ведущим научным сотрудником Кунсткамеры доктором исторических наук Натальей Васильевной Юхнёвой, на материалы, собранные петербургскими краеведами, востоковедами, историками. И все же серия путеводителей не повторяет работы по теме «французы (или немцы, итальянцы) в Петербурге». Своеобразие проекта заключается в том, что он позволяет увидеть уникальную культуру города как результат диалога с культурами других народов.

Возможно, поэтому проект был поддержан Постоянным представительством России при ЮНЕСКО, включившим его в План мероприятий по празднованию 300-летия Санкт-Петербурга, подписанный президентом страны. Проект получил Эгиду ЮНЕСКО, и директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура в своем интервью для ИТАР—ТАСС 20.05.03 отметил эту особенность: «Этот проект дал возможность раскрыть традиции культурного диалога города с различными

странами... Отчеканена медаль ЮНЕСКО с надписью «Санкт-Петербург 1703—2003 «Диалог цивилизаций»». По моему решению, — сказал господин Мацуура, — она будет вручаться впредь за исключительный вклад в диалог цивилизаций».

Основные культурологические идеи проекта были предложены доктором философских наук, профессором кафедры этики и эстетики философского факультета Санкт-Петербургского университета Татьяной Анатольевной Акиндиновой. В культурологической концепции, на основании которой создавались тексты путеводителей, было сжато сформулировано существо общей позиции авторского коллектива: «Мы разделяем точку зрения культурологов, которые видят в Санкт-Петербурге реализацию стремления Петра Великого сделать город местом встречи и близкого взаимодействия России и Западной Европы (смотри: М. Каган. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996)... Новая столица не просто превращала Россию в морскую державу, она создавала особое пространство для насыщения русской традиционной культуры достижениями соседних государств в области наук, искусств, ремесел. Мы не можем, поэтому, согласиться с оценкой петровских реформ как начала утраты национальной самобытности «золотой Руси». Напротив, уникальная

Проект петербургских ученых к 300-летию города

красота облика Санкт-Петербурга, деловой и вдохновенный образ жизни его обитателей свидетельствовали о возникновении особого культурного синтеза, о плодотворности скрещения в нем разнородных тенденций. Более того, мы считаем закономерным этапом эволюции культуры России органическое вхождение ее в культуру Европы. Почему? Петр I ознакомился с западноевропейской культурной жизнью, как известно, в эпоху, которая сама отличалась интегральностью: XVII век явился там гранью, разделявшей и одновременно соединявшей средневековье, которое завершилось эпохой Возрождения, и Новое время, которое получило логическое завершение в эпоху Просвещения. Средневековая христианская традиция, которой принадлежало и русское православие, дополнилась светскими формами культуры, возникшими в пору католического Возрождения на юге Европы и широко распространившимися затем в протестантской Северной Европе. Христианская любовь к Богу все более явно проявляется и в любви к человеку в единстве его духовно-телесной природы, а также переходит на весь природный мир, что выразилось в становлении художественных жанров портрета, пейзажа, натюрморта.

Благоговейное изучение природы, провозглашенное Галилеем, приобретает ко времени Бэкона все более практическую направленность, его результаты влияли на обустройство человеческого жилья, разрастание ремесел. Даже архитектурный облик храма в стилистике барокко обретает неведомую до того динамичность и грацию. Расцвет наук и искусств оказался, однако, возможен постольку, поскольку первоначальная парадигма сознания и общения людей «МЫ – ОНИ» была отгеснена парадигмой «Я – ТЫ», утверждавшей ценности личности и межличностных отношений, диалогического начала во всех видах человеческой деятельности, творчества.

Духовная атмосфера Европы, несшая на себе печать названных изменений в традиции христианской культуры, в которую окунулся молодой Петр, отнюдь не случайно захватила его воображение. Мы рискуем утверждать, что в ней Петр сумел угадать некоторую внутреннюю логику эволюции христианской культуры, необходимую стадию будущего развития культуры России, и в этом смысле – «свое», а не чуждое ей. Поэтому по-

ставленная Петром Великим цель просвещения русского народа, реформы традиционной культуры имела глубинное основание. Ее достижение предполагало, прежде всего, открытость иноземному опыту наук, искусств, ремесел, его использование в качестве собственного. Первые же сооружения в Петербурге, построенные, скажем, итальянским зодчим (Петропавловский собор, здание Двенадцати коллегий), ассоциировались и с голландской архитектурой (во дворце Меншикова). Рядом воздвигались аналогичные строения с участием русских архитекторов (Кунсткамера). А стилистика всех этих зданий получила название «петровского барокко». Соответственно, после появления барокко в России происходит смена художественных стилей параллельно западноевропейскому искусству: классицизм, романтизм, реализм, модернизм, постмодернизм... И постепенно эти стили становятся совершенно органичными формами самовыражения души русского человека, закономерными явлениями культуры России.

Становление культуры Санкт-Петербурга нельзя, тем не менее, называть в определенном смысле беспрецедентным феноменом мировой истории. Оригинальные культурные новации возникали как раз чаще всего в результате пересечения различных эпох и географических передвижений. Достаточно сказать, что обращение христианской традиции к античности открыло человечеству эпоху Возрождения. Иначе говоря, уже в начале XX века Россия стала неотъемлемой частью европейской культуры, ее национальным вариантом наряду с дру-

гими. Итальянская, французская архитектура и живопись, немецкая философия и музыка, голландское ирригационное искусство и изразцы, европейская наука, медицина, промышленность, культура обслуживания, традиции фермерства и многие, многие другие участники творения города нашли здесь достойных учеников и преемников, в свою очередь обогативших различные виды, жанры и отрасли европейской культуры. В том числе и вследствие эмиграции научной и художественной интеллигенции после Октябрьской революции и в советский период.

Своеобразие Санкт-Петербурга заключается здесь прежде всего в том, что его культура доказала перспективность сознательной установки на диалог между народами. Ее отличительной чертой стала открытость «Другому», желание понять его. Вероятно, не случайно, что именно в этом городе России особенно ярко обнаруживает себя чуткость к культурным феноменам, которые привыкли противопоставлять европейской традиции как Восток – Западу. Интерес к культуре древней Индии, Китая, Японии в течение двух последних столетий набирал силу во всем мире, включая Россию. Однако среди глубоких исследователей индийской культуры, пожалуй, особое место принадлежит Николаю Рериху, сделавшему ее близкой русской душе. Конец XX века ознаменован рождением нового синтеза России и Японии, представленного в творчестве А. Сокурова. Эстетика благоговейного созерцания пейзажа, человеческого лица, вещи, отличающая японское искусство, оказалась наиболее адекватной для выра-

жения художественной природы кино-режиссера, и, наверное, точнее всего отвечает потребности всей европейской культуры переосмыслить дальнейшую перспективу традиционной для нее ориентации на коренные преобразования и скорость перемен.

Санкт-Петербург за свою 300-летнюю историю, несмотря на трагические ее страницы, обрел неповторимую ауру культуры, делающую ее исключительно привлекательной для пытливого ума и чистого сердца.

Именно поэтому мы считаем совершенно необходимым изучить опыт осуществленного здесь творческого синтеза и показать как вклад различных народов, так и его трансформацию в уникальной культуре нашего города».

Для авторов сложность работы состояла также в том, что стояла задача – дать читателю представление о городе в целом. Это должен был быть путеводитель по Санкт-Петербургу для тех, кого интересует «итальянский» (или какой-то другой) профиль города, но вместе с тем мы не могли себе позволить не сказать об основных достопримечательностях северной столицы, о ее славной истории, хотя бы и коротко. В наибольшей степени, на мой взгляд, этот аспект удался профессиональным историком города, имеющим большой экскурсионный опыт, – авторам «Английского маршрута» Наталье Николаевне Каретниковой, Алле Александровне Смирновой и Руфине Эммануиловне Павловой, работающим в нашем университете. Именно Наталья Николаевна поделилась опытом общения с иностранцами на экскурсиях и обратила внимание на эту сторону проекта. Путеводитель «Английский маршрут» создает впечатление о всеобъемлющем вкладе англичан в Петербурге, между тем достоверно известно, что их в городе проживало не более 2,5 тысячи. Материалы о них собирались авторами буквально по крупицам.

Авторами показано величие замысла Петра I – «окна в Европу» и перспективности его для мира и России, сосуществование конфессий, верований, традиций разных народов, их взаимное дополнение и обогащение, значение традиций города, в котором никогда не было международной розни.

Проект в определенной мере восстанавливает историческую справедливость в оценке вклада иностранцев

в культуру города. Он стал формой выражения благодарности горожан участникам его строительства. Он может стать своеобразной точкой отсчета дальнейшего диалога Петербурга с культурами других стран. Авторы повествуют о том, как многие голландцы, немцы, французы, итальянцы, шведы, англичане несли миссию просветительства из Европы. Именно здесь они начинали свой блистательный путь, получали поддержку российских монархов, градоначальников, встречали благодарных слушателей и преемников, обучали русских мастеров, сотрудничали с учеными, помогали приоткрыть «железный занавес». Серия служит созиданию в глазах российской и мировой общественности привлекательного образа города, открывающего предпосылки для развития туризма, инвестирования, открытия наукоемких и высокотехнологичных производств и тому подобного. Известно, что сегодня Петербург один из восьми наиболее привлекательных для туристов городов мира.

Авторы проекта стремятся показать, что Петербург раньше и теперь открыт для всех культур и народов, что здесь можно увлеченно и с прибылью работать, приятно жить и отдыхать, находясь в гуще культурной жизни мира и Европы, что здесь уникальный природный, архитектурный и культурный климат, созданный представителями разных народов в прошлом и настоящем.

Несомненна значимость идей проекта для целей патриотического воспитания: его тексты способствуют осмыслению горожанами и гостями исторических судеб, настоящего и перспектив развития великого города.

Моральный дух прошлых и нынешних поколений петербуржцев,

участвовавших в созидании города, упрочении его традиций, отстаивании его независимости, борьбе со стихийными бедствиями, наводнениями, формировался благодаря, в том числе, и привнесенному опыту выходцев и представителей народов других стран. Петербург привлекал, вдохновлял, сближал, соединял людей в прошлом, в этом была его сила и тайна. Неповторимый стиль его архитектурных ансамблей, садово-паркового устройства, величайшие, мирового уровня музейные коллекции, уникальный уровень балетного, музыкального, театрального искусства, экономические, торговые традиции, обычаи хлебосольства и гостеприимства формировались в диалоге культур, во взаимном притяжении России и мира.

Проект включает в себя серию путеводителей по городу, каждый из которых будет представлять собой определенный маршрут: «Санкт-Петербург на перекрестке культур. Французский маршрут», «...Английский маршрут», «...Итальянский маршрут», «...Немецкий маршрут», «...Финский...», «...Арабский...», «...Китайский...», «...Шведский...», «...Японский...» – всего 12 маршрутов, из которых к настоящему времени выпущены французский, итальянский, английский, немецкий, голландский, китайский, финский – на русском и на языке маршрута.

Путеводители адресованы петербуржцам и гостям города. Они переведены на языки стран – участниц проекта и продаются непосредственно в этих странах. Историческая информация раскрывает те страницы истории города, которые сознательно замалчивались или затенялись по идеологическим соображениям в советскую эпоху. Многие стали открытием как для горожан, так и для гостей, в частности, для потомков эмигрантов, желающих посетить свою прародину.

Значительное внимание уделено современности. Показано, что многие традиции, обычаи, ремесла, увлечения, формы проведения досуга, привнесены иностранцами, были переосмыслены и преобразованы, став частью петербургской жизни, российской традиции. Несмотря на многообразие сюжетов, поворотов темы в каждом путеводителе, главное достижение проекта – показ неповторимого культурного своеобразия Петербурга как целого.

Путеводители рассказывают об итальянских, голландских, французских, английских архитекторах, ин-

женерах, промышленниках, заводчиках, о китайских, японских моряках, немецких врачах, ученых. Авторы повествуют о художниках и путешественниках, о визитах политических деятелей, о взаимном интересе и влиянии народов и культур, об удивительных судьбах и славных биографиях многих известных и не очень эмигрантов из разных стран мира, приехавших и оставшихся жить в Петербурге, основавших и успешно ведущих здесь свое дело, полюбивших наш город, Россию, ставших частью ее истории. Наряду с ними тексты рассказывают о тех, кто отдал Петербургу часть своей жизни и возвратился на родину, но чей вклад не забыт и сегодня.

Проект осуществляется совместно с ЮНЕСКО и под эгидой ЮНЕСКО. Однако речь идет о консультативном сотрудничестве, поскольку ЮНЕСКО – не коммерческая организация и никаких материальных вложений в проект не делает.

Путеводители увлекли всех его создателей. Эта работа практически всеми выполнялась впервые и не имела аналогов. Ведь нигде в мире нет такой серии. И хотя в Париже можно приобрести путеводитель «Русские в Париже», в нем, в отличие от нашей серии, речь идет о знаменитостях, живших в Париже или посещавших его. Мы же рассказываем о диалоге и взаимном влиянии французской и русской культур, о становлении петербургских архитектурных стилей, балетных и живописных школ, садово-паркового искусства при участии французов и итальянцев, голландцев и немцев, шведов и японцев.

Нельзя не отметить энтузиазм авторов и неоценимый вклад каждого в создание путеводителей. Ведь кроме скрупулезнейших изысканий, связанных с поисками и уточнением адресов, авторам пришлось заниматься и поисками иллюстративного материала. Неоценимую помощь в этом оказали сотрудники Национальной библиотеки Инга Георгиевна Ландер и Людмила Ивановна Шишова, подобравшие основные иллюстрации. Но расстановка иллюстраций в верстке, уточнение подписей, имен, в том числе русских написаний, в разных источниках не совпадающих, оказалось тяжелейшим трудом.

В серии для петербуржцев будет немало открытий. В частности, более выпукло предстает личность Петра I, Екатерины II, других российских мо-

нархов, способствовавших диалогу с народами других стран, строивших и украшавших город, приумножавших музейные коллекции, развивавших науку, систему образования, покровительствовавших искусствам. Интересно, что во многих маршрутах с разных сторон рассказывается о зданиях нашего университета, о связанных с ними исторических фактах.

Одним из первых в серии вышел «Французский маршрут». Его автор – Наталья Николаевна Павлова – филолог-романист, написавшая ранее для издательства «Фрегат» «Путеводитель по Парижу». Собственно, с этого путеводителя и начался проект, поскольку при подготовке к парижскому путеводителю состоялось знакомство автора и издателей с тогдашним генеральным консулом Франции в Санкт-Петербурге Александром Никитичем Кельчевским. Александр Никитич показал нам парижское издание «Русские в Париже» и высказал пожелание написать и издать подобную книгу о Санкт-Петербурге. Отсюда и возникла идея всего проекта. Нам захотелось проследить развитие взаимовлияния культур. Одна из тем – языковая. Так же как изначально латынь для Европы, европейские языки для России, начиная именно с Петербурга, где открылся первый в стране университет, Академия наук, стали языками образования и культуры. Об этом говорит такой факт. В 1809 году по указанию А. Н. Оленина, тогда еще товарища гл. директора, а впоследствии директора Императорской публичной библиотеки, «был произведен подсчет фонда. Всего оказалось 262 640 книг, 12 000 рукописей, 24 574

эстампа и только *четыре книги на русском языке*» (Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биограф. словарь. СПб., 1995. С. 394).

Как пишет автор «Французского маршрута»: «Французская культура входила в русскую культуру органично. Этому способствовало традиционное «французское» образование русской интеллигенции, традиционный французский язык русского дворянства. Множество слов проникло к нам из французского. Во-первых, это были слова, которые приходили в русскую жизнь вместе с теми предметами, которые они обозначали. Как замечал Пушкин: «Но панталоны, фрак, жилет, / Всех этих слов на русском нет...». Действительно, надо же было как-то называть вошедшие в моду парики, декольте, вуали или боа. А портсигары, портфели и портмоне, тартинки и бульоны, абажуры и люстры? По словам, заимствованным из французского, можно сделать вывод о том, как широко было французское влияние во всех областях искусства: актер, артист, спектакль, менуэт, гавот, падекатр; фронтон, антаблемент, колоннада, бордюр, вестибюль, ансамбль, декор; пьедестал, панно, портрет, натюрморт, бюст – этот список нескончаем!». Наталья Николаевна разыскала данные о более чем трехстах французах, чья судьба так или иначе связана с Петербургом, уточнила многие адреса. По словам Александра Никитича Кельчевского, он «предполагал, что может получиться интересная книга, но такой, какую увидел, – замечательной, прекрасно изданной, с такими красивыми иллюстрациями – не ожидал!»

Захватывающая история Петербурга, раскрываемая авторами «Немецкого маршрута» – Натальей Васильевной и Екатериной Даниловной Юхнёвыми. Это и рассказ о немецкой колонии, насчитывавшей до 50 тысяч человек, и повествование о многих отраслях культуры, производства и ремесел с участием немцев: академическая наука и дома для обывателей, хлебопекарное дело и устройство армии. Дух российского офицерства, воспитание чувства долга и чести в значительной степени начал формироваться в Пажеском корпусе. А основателем его был немецкий писатель Ф. И. Клингер. Как пишут авторы, «Наибольший успех имела его драма «Бура и натиск» («Sturm und Drang»), она дала название целому литературному течению штюрмеров. Принадлежавшие к штюрмерам писатели отличали нравы владетельных феодалов, правящих верхов и церкви.

В 1780 году Клингер приехал в Россию, где сделал блестящую военную карьеру (в 1811 году получил чин генерал-лейтенанта). Впрочем, карьера эта была не столько военной, сколько педагогической. Он служил в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, 20 лет был его директором, был членом совета Смольного института, членом Комиссии об училищах при Министерстве народного просвещения, руководил созданием Пажеского корпуса. Кадетские корпуса успешно справились с подготовкой отечественных офицеров. При Николае I доля немцев среди них была по-прежнему велика, но это были уже не иностранцы, а балтийцы – подданные российской короны.

В путеводителях даны интересные биографические материалы. Так «Финский маршрут», его автор – ведущий научный сотрудник Кунсткамеры, кандидат исторических наук Александр Иванович Терюков, повествует о многих финнах, для которых Петербург стал городом восхождения к вершинам науки и отправной точкой служения своей Родине. Среди них прекрасно имя Эрика Лаксмана. Его имя упоминается и в «Японском маршруте» «Кирилл Густавович (Erik Laxman, 1737–1796), финский естествоиспытатель, геолог, путешественник. Будущий академик родился в семье бедного лавочника из города Нейшлот (Савонлинна, Финляндия). Учился в Академии Або, но не закон-

чил университетского курса по бедности. После этого в 1762 году Э. Лаксман переезжает в Петербург и становится воспитателем в пансионе Петришуле и учителем естественной истории и ботаники в Университетской гимназии.

В 1764 году он принял предложение отправиться в Барнаул в качестве пастора на 5 лет. Перед отъездом он был избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук с поручением изучить сибирскую растительность, которая была мало известна науке.

В 1770 году академия избрала Лаксмана действительным членом по разряду экономии и химии. Он был единственным ученым в академии, который избирался по такой кафедре.

Позднее преподавал химию в Академической гимназии и Сухопутном кадетском корпусе. В 1778 году ученый предпринял большую поездку с целью «физико-топографического и экономического исследования» районов «Северных гор между морями Ледовитым и Балтийским». За свои научные заслуги он бы избран членом ряда заграничных научных обществ. Так, например, шведский король Густав III наградил его двумя золотыми медалями.

В 1780 году он был назначен на должность помощника главного командира Нерчинских заводов и вновь отправился в Сибирь. На этот раз он провел там десять лет, с 1781 по 1791 год. Его деятельность заключалась в поисках и доставке поделочных камней и самоцветов для царских дворцов.

Под Иркутском вместе с Барановым в 1784 году он основал стекольный завод по совершенно новой, изобретенной им технологии выплавки стекла. После публикации способа получения этого материала с помощью глауберовой соли его технология постепенно распространяется во всей Европе.

С именем Э. Лаксмана связана первая попытка установления дипломатических отношений с Японией. В 1790 году он встретил в Иркутске попавшую в Россию после кораблекрушения группу японцев во главе с капитаном Дайкокуя Кодаю. В 1791 году он сопровождал эту группу в Петербург, где она была принята императрицей Екатериной II. Она санкционировала снаряжение в 1792 году спе-

циальной экспедиции для возврата японцев на родину, которую возглавил сын Лаксмана – Адам. Ему удалось получить согласие японских властей на посещение Японии один раз в год русскими судами.

В 1794 году отец и сын Лаксманы снова были в Петербурге, где отчитывались о первой японской экспедиции. В 1795 году Лаксман отправился в новое путешествие, на этот раз в Бухарский эмират. Но планам не суждено было осуществиться. 5 января 1796 года он умер в пути».

Не менее интересны и «восточные маршруты» проекта. Например, неожиданным для многих будет «Арабский маршрут». Его автор – доктор исторических наук, заместитель директора Кунсткамеры по научной работе Михаил Анатольевич Родионов. С самого начала читателя интригует рассказ о распространенной метафоре – сравнении Петербурга с древней Пальмирой. «Это словосочетание вызывает в памяти древний арабский город в Сирийской пустыне, окно с Востока на Запад. В облике Пальмиры органично слились античные и азиатские традиции. То же самое можно сказать и о городе на Неве. Мало кто знает, что среди тех, чьими руками строился Петербург, были и пленные “турки”, или подданные многоликой Османской империи, включавшей и арабские страны. Пальмирой правила царица Зиновия (Бат-Заббай, IV век нашей эры), бросившая вызов могучему Риму и проигравшая битву с ним. Обращенная в развалины Пальмира опустела, стала пристанищем кочевников, пока в XVII веке у европейцев не возникает интерес к этому многоколонному городу. Ученые приступили к изучению пальмирских надписей именно в то время, когда Петр задумывал свою столицу “на берегу пустынных волн”.

Оба города строились по плану, с широкими проспектами, просторными площадями, величественными арками. Русскую императрицу Екатерину Великую сравнивали с пальмирской Зиновией, а Петербург с Пальмирой. Только Екатерина не проигрывала войн, и город на Неве рос и становился все прекрасней, несмотря на старое пророчество: “быть Петербургу пусты”».

О других маршрутах будем рады рассказать в следующих номерах журнала.

Историко-книговедческая школа в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств

И. А. Шомракова

Библиология — комплексная наука о книге. В XVI веке французский ученый Ж. Ж. Рив впервые применил этот термин для обозначения науки о книге. Он считал, что библиология — «искусство рассуждать о книгах и говорить о них с уверенностью или в отношении их содержания или в отношении их истории» (Немировский Е. Л. Библиология // Книга: Энциклопедия. М., 1999. С. 77). В России, с легкой руки известного библиографа и книговеда первой половины XIX века В. Г. Анастасевича, с 1814 года стали употреблять термин «книговедение». Основателем российского книговедения считают Н. М. Лисовского, сформулировавшего состав науки в своей знаменитой триаде: книгопроизводство, книгораспространение и книгоописание. По мнению Н. М. Лисовского, книговедение — социальная наука. Первым учебным заведением, где в 1913–1917 годах читался Н. М. Лисовским курс «Книговедение», был Петроградский университет. Вторым высшим учебным заведением стал Институт внешкольного образования (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств), где с 1920 года Михаил Николаевич Куфаев начал читать курс «История книги». С того года и того курса можно отсчитывать начало формирования книговедческой школы в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств.

Под научной школой, как известно, понимается научное направление, связанное единством основных взглядов, методологии, общностью и преемственностью принципов и методов, продолжением и развитием традиций, уважением к трудам предшественников. Научная школа предполагает широкий круг изучаемых вопросов, проблем, наличие крупных ученых и их учеников, у которых, в

свою очередь, есть ученики. Научная школа немыслима без крупных фундаментальных исследований, публикаций учебников, монографий. Все эти качества в полной мере присущи кафедре общей библиографии и книговедения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Они были заложены М. Н. Куфаевым.

Михаил Николаевич Куфаев — многогранная личность: историк, библиограф, библиотековед, библиофил и, в первую очередь, книговед. История книги, теория и методика книговедения, практика книжного дела — основные направления его научных интересов. Он впервые исследовал книгу и книжное дело в единстве их исторической эволюции и реальной данности. В его знаменитом труде «Проблемы философии книги» (Л., 1924) была впервые сделана попытка философского осмысления сущности книги, ее роли в социуме. Он разрабатывал проблемы библиопсихологии и библиосоциологии. М. Н. Куфаев — ученый старой, досоветской формации, и, естественно, вулгарный социализм 20–30-х годов XX века был ему чужд. Из-за этого его нещадно критиковали, обвиняли в идеализме, особенно за уже упоминавшийся труд «Проблемы философии книги». Тем не менее его идеи, новые направления нашли продолжение и развитие в трудах зарубежных и отечественных ученых.

Широта и разносторонность интересов, независимость суждений, свойственны М. Н. Куфаеву, А. М. Ловягину, Н. М. Лисовскому, были восприняты и развиты их последователями. Основные их принципы прослеживаются в трудах И. Е. Баренбаума, А. В. Блюма, И. А. Шомраковой и их учеников.

Развивая традиции М. Н. Куфаева, ученые кафедры вели и ведут ис-

М. Н. Куфаев

следования по широкому спектру книговедческих направлений. Основным, естественно, является разработка всеобщей истории книги — исследования проблем бытования книги в различных странах и в различные хронологические периоды, роли книги в формировании социума, развитии мировой культуры. Эти исследования велись в рамках функционального направления, свойственного петербургской книговедческой школе. История книги и книжного дела исследовалась в зависимости, говоря современным языком, от социокультурных условий возникновения, развития и функционирования книги и книжного дела. Историко-книжное направление всегда занимало ведущее место в книговедении, но петербургским ученым вообще и сотрудникам кафедры общей библиографии и книговедения в частности свойственно стремление к расширению границ исследований.

Ученые кафедры: доктор филологических наук, профессор И. Е. Баренбаум первым стал исследовать ис-

торию демократической книги в России, доктор филологических наук, профессор И. А. Шомракова фактически сформировала новое историко-книжное направление в исследовании истории книги советского периода. На кафедре впервые, после закрытия в 1936 году Института книги, документа и письма, в середине 60-х годов XX века возобновились исследования всемирной истории книги. Результатом стали не только статьи, но и монографии, учебники, учебные пособия. В то же время на кафедре сформировалось фактически новое направление в книговедении – история читателя и чтения. История национальной книги, история местного, провинциального книжного дела также достаточно длительное время занимала ведущее место в научной деятельности кафедры в области книговедения. Впоследствии для избежания дублирования научных исследований это направление перешло в сектор книговедения Российской национальной библиотеки.

Дискуссионные теоретические проблемы также были в центре научных интересов ученых кафедры. Так, профессор И. Е. Баренбаум – автор основополагающих статей по вопросам состава и методов книговедения. Профессор И. А. Шомракова – одна из первых разрабатывала вопросы источника в историко-книговедческих исследованиях, проблемы периодизации истории книги советского периода, проблемы массовой книги, массового читателя, массового типа издания.

После 1989–1990 годов, когда прекратился идеологический контроль и прессинг, на кафедре появились направления, по которым исследования велись и ранее, но, что называется, «в стол». Доктор филологических наук, профессор А. В. Блюм выпустил две обширные монографии, посвященные истории цензуры советского периода, и составил Указатель книг советских писателей, запрещенных советской цензурой. И. А. Шомракова стала публиковать результаты своих исследований книжного дела Русского зарубежья первой волны. Доктор исторических наук, профессор Д. А. Эльяшевич исследовал положение еврейской книги и печати в России 1797–1917 годов, результатом стала монография и докторская диссертация. Нет надобности подчеркивать, что все названные выше направления исследовались впервые.

Таким образом, даже из такого беглого перечня тем, проблем и направлений, исследуемых на кафедре общей библиографии и книговедения, можно сделать вывод о наличии в деятельности кафедры широты проблематики, научной новизны и фундаментальности. Одним из определяющих, принципиальных свойств петербургской книговедческой школы в целом и на кафедре общей библиографии в частности является строгое следование принципам историзма, предполагающее обязательное накопление разностороннего и репрезентативного фактического материала и его скрупулезную проверку по возможно большому кругу столь же репрезентативных источников.

Вторым признаком научной школы, созданной на кафедре, является наличие учеников, традиций и преемственности. На кафедре более полувека работает аспирантура по книговедению, ее окончило около сотни ученых. Аспиранты занимались разработкой ведущих кафедральных научных направлений: история книги в России, всемирная история книги, история национальной книги, история цензуры, история книжного дела Русского зарубежья. Единство тематики научных исследований обеспечивало преемственность. А единая методология, выработанная ведущими учеными кафедры, способствовала не только высокому уровню исследований, но и создавало определенные традиции. Одной из традиций кафедры является исключительно уважительный уровень полемики, абсолютное уважение к трудам предшественников. Ученые-книговеды, получившие подготовку на кафедре, работают в различных университетах, институтах и научных центрах России, в государствах бывшего СССР, в странах Европы, Азии, Африки и Америки.

Среди учеников И. А. Шомраковой, И. Е. Баренбаума есть доктора наук С. А. Пайчадзе, В. В. Головин, Д. А. Эльяшевич, А. В. Шевцов, у которых, в свою очередь, есть ученики – кандидаты наук. Профессор, проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств В. В. Головин свою первую работу «Новейшие публикации автографов Пушкина» опубликовал в сборнике Института русской литературы (Пушкинский дом) еще студентом второго курса. В аспирантуре он занимался исследова-

нием изданий литературы для детей в 20–30-е годы в Советской России. С течением времени его интересы оказались связанными с изучением народного крестьянского чтения и фольклором. Доктор исторических наук, профессор Д. А. Эльяшевич в аспирантуре исследовал теоретические проблемы, связанные с определением понятия «книга» и изданием книг для детей, а затем стал изучать проблемы еврейской книги и печати в Российской империи. Доктор исторических наук С. А. Пайчадзе – автор многих монографий по истории книжного дела Сибири и Дальнего Востока. Доктор филологических наук А. В. Шевцов занимается исследованиями издательской деятельности не социалистических политических партий России начала XX века и историей издания политической литературы в Российской империи. Результатом стали многочисленные статьи и монография. Кандидат педагогических наук П. Н. Базанов исследует издательскую деятельность политических организаций Русского зарубежья, аспирант С. С. Кремнев – издательскую деятельность военных организаций Русского зарубежья.

Большое число учеников, разнообразие тематики и в то же время последовательное исследование основных книговедческих направлений кафедры является продолжением начатого М. Н. Куфаевым, И. Е. Баренбаумом, А. В. Блюмом, И. А. Шомраковой и несомненным свидетельством продуктивной научной деятельности книговедческой школы в Санкт-Петербургском государственном университете культуры и искусств.

Уважение к трудам предшественников также свойственно научной школе нашего вуза. Примером может служить подготовленный к изданию И. Е. Баренбаумом труд М. Н. Куфаева «Избранное: Труды по книговедению и библиографии» (М., 1981) с его же вступительной статьей, где впервые всесторонне и уважительно анализируется деятельность Михаила Николаевича.

Книговедческая школа Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, получившая признание в нашей стране и за ее пределами, продолжает развиваться и решать задачи, связанные с современными проблемами книжного дела, с новыми реалиями в функционировании, бытовании книги и самой ее сущностью.

Выставка «Два града Петровых» в музее Петрозаводска

О. Б. Папкова

8 июля 2003 года в Музее изобразительных искусств Республики Карелия к 300-летию юбилею города Петрозаводска открылась выставка «Два града Петровых», на которой представлены 200 работ из коллекции музея и из частных собраний (45 работ предоставили авторы).

Первый раздел выставки посвящен личности императора Петра I и городу Санкт-Петербургу. В нем представлены произведения мастеров XVIII — начала XX в. Среди них мастерские гравюры А. Зубова «Бой при Гангуте», «Свадьба Петра I», гравированные портреты Петра I, выполненные И. Крамским, Е. Чемесовым, В. Бобревым и большое количество видов Петербурга. Из живописных произведений экспонируются портреты Петра I и его дочерей, Анны и Елизаветы, выполненные неизвестными художниками XVIII века, и картина И. Айвазовского «Приезд Петра I на Неву», написанная в 1853 году к 150-летию Санкт-Петербурга. Дополняется раздел портретами Жана Мекю, на которых запечатлены правители из династии Романовых. Особый интерес в экспозиции вызывает гипсовый барельеф К.-Б. Растрелли «Основание Петербурга».

Второй раздел выставки посвящен произведениям мастеров

Петр I. Худ. Толяндер

Приезд Петра I на Неву.
Худ. И. Айвазовский

XX века, отразивших в своем творчестве тему Петрозаводска и Санкт-Петербурга. Представлены известные петербургские художники, такие как Я. Крестовский, Ю. Люкшин, Г. Егосин, Б. Рахлин, Р. Доминов и еще ряд крупных имен.

Художники Карелии в этом разделе занимают центральное место. Это такие мастера, как С. Юнтунен, А. Авдышев, Б. Акбулатов, В. и С. Чиненовы, А. Харитонов, М. Юфа и другие: наряду с Петрозаводском, многие из них изображают Санкт-Петербург, особенно те художники, кто учился в этом замечательном городе.

Санкт-Петербург и Петрозаводск связаны исторически и вместе отмечают свое 300-летие. Высокий уровень художественной культуры Санкт-Петербурга оказывал и оказывает влияние на формирование художников Карелии. Основанные императором Петром I два города устремлены в будущее, ведь в исторической перспективе 300 лет – совсем немного. По разному интерпретируют тему художники, но их объединяет главное – любовь к своей стране, к ее историческим памятникам и желание сохранить для потомков своеобразие жизни этих прекрасных городов в XX веке.

Музей изобразительных искусств в Петрозаводске
(бывшее здание мужской и женской гимназий)

Александр I на набережной Невы.
Худ. Н. Г. Чернецов

Герой Измаила в доме Бецкого

Б. Г. Кипнис

Дворец на берегу Невы, которым, собственно, и заканчивалась в начале XIX века Дворцовая набережная и с которого она начиналась в XX веке, дворец, во второй половине XVIII века связанный с именем известного русского просветителя И. И. Бецкого, а в XIX веке ставший семейным гнездом не менее известных своей любовью к просвещению и благотворительности принцев Ольденбургских, этот дворец в самом конце XVIII века оказался связан с именем человека, прочно вошедшего в историю России.

Иосиф Михайлович (как звался он в России) де Рибас и Бойон, сын Мишеля де Рибаса, министра короля Обеих Сицилий, и знатной ирландки, происходившей из рода лордов Дункан и Фингалд, разбросанных после неудачных восстаний в пользу лишенных английской короны Стюартов в 1715 и 1745 годах, а также и кровавых «умиротворений» католической Ирландии протестантской Англией по дворам Бурбонов, царствовавших тогда в Париже, Мадриде и Неаполе. Именно в Неаполе и появился на свет 6 июня 1749 года¹ этот блестящий авантюрист, «законное» дитя скептического, беспокойного и космополитического XVIII столетия. Испанец и ирландец по крови, неаполитанец по подданству, слуга дома Бурбонов по прияге, он прочно связал свою судьбу с Россией и в этой стране упокоились его бранные останки.

На русскую службу И. М. де Рибас поступил, познакомившись с самим графом А. Г. Орловым-Чесменским в Ливорно в 1773 году². Там помог он знаменитому «Алехану» вывезти из Италии и доставить в Петербург небезызвестную авантюристку «княжну Тараканову». Эта услуга была оценена по достоинству, и поручик неаполитанской службы был зачислен в русскую армию уже капитаном и определен цензором в Сухопутный шляхетский корпус с 6 марта 1774 года³, а уже 11 апреля⁴ отправился волонтером в русскую действующую армию на Дунай, где уча-

Портрет Хосе де Рибаса.
Худ. И. Б. Лампи Старший. Холст, масло

ствовал в боях против турок в корпусе М. Ф. Каменского при Козлице и в других местах. По возвращении с театра военных действий он продолжал службу в корпусе, там, очевидно, он и познакомился с И. И. Бецким, который уже к тому времени расстался с главным директорством, но продолжал оставаться членом Совета корпуса. Служба

Штурм Измаила с речной стороны. Худ. М. М. Иванов

де Рибаса была вознаграждена 21 апреля 1776 года чином подполковника, но более важным успехом было его сватовство к Анастасии Ивановне Соколовой, которую официально считали воспитанницей И. И. Бецкого, а иные говорили, что это его побочная дочь. Так это было или иначе, мы вряд ли уже когда-нибудь узнаем, а для нашего повествования важно то обстоятельство, что она была главной наследницей знаменитого вельможи-просветителя и очень приближена к самой императрице Екатерине II.

Искательство энергичного полуиспанца, полуирландца было встречено благосклонно, и 27 мая в дворцовой церкви Екатерининского дворца в Царском Селе в присутствии ея величества состоялось бракосочетание подполковника и кавалера де Рибаса с девицею Соколовой⁵. Так как Анастасия Ивановна продолжала и после замужества проживать в доме на берегу Лебяжьей канавки, то там поселился и наш герой. Последующий его жизненный путь и карьерный рост хорошо известны: наиболее славные его страницы — это война с Турцией в 1787—1791 годах. Де Рибас — один из героев победы над турецким флотом в Днепро-Бугском лимане⁶ в июне—июле 1788 года, близкий сотрудник князя Г. А. Потемкина-Таврического и личный друг великого Суворова, под водительством которого особенно отличился наш испанец 11 декабря 1790 года при штурме Измаила. Его десант с лодок Дунайской военной флотилии, которую де Рибас, кстати, и создал, решил исход сражения: дотоле мужественно оборонявшиеся на стенах крепости турки дрогнули и отступили на улицы города, где и погибли в рукопашной схватке. За свои боевые подвиги Иосиф Михайлович был удостоен орденов Святого равноапостольного князя Владимира 2-й степени, Святого и благоверного князя Александра Невского и Святого великомученика и победоносца Георгия 2-й степени, а также чина контр-адмирала⁷. Однако к тому времени относился и его первый конфликт с тогда еще цесаревичем Павлом Петровичем. Цесаревич был генерал-адмиралом российского флота, но чин свой де Рибас получил помимо него соизволением Г. А. Потемкина, а поэтому, когда Павел Петрович встретил де Рибаса в Царском Селе в контр-адмиральском мундире и сделал ему замечание: как может он носить мундир, полученный не по официальному каналу, испанец сослался на приказ Потемкина. Естественно, большого восторга это у цесаревича не вызвало⁸.

Однако со вступлением на престол императора Павла I вначале И. М. де Рибас не пострадал, хотя на него были большие нарекания, связанные с хищениями казенных средств, когда он в 1791—1793 годах руководил строительством Одессы. Наоборот, он даже стал вице-адмиралом и управляющим Лесным департаментом, но

Летний сад и дом Рибаса.
Неизвестный художник. 1822 г.

вот тут-то в начале 1800 года и был наказан за очередное хищение. Жительствовал же адмирал по-прежнему с женою и двумя дочерьми в доме Бецкого, скончавшегося еще в 1794 году. Вот тогда-то и сошелся И. М. де Рибас с графом Н. П. Паниным, вице-канцлером и другом детства Павла I, с которым граф Никита Петрович окончательно «разошелся» в тот момент на почве внешней политики. Император развалил союз с Англией и Австрией и пошел на сближение со ставшим только что первым консулом Франции Наполеоном Бонапартом. Во время встреч полуопальных сановников и зародилась, как считали современники, мысль о свержении императора Павла I, вскоре к ним примкнул и третий «конфидент» граф П. А. фон дер Пален. Однако в середине 1800 года граф Н. П. Панин был выслан из столицы, а вице-адмирал де Рибас вскоре прощен и стал докладчиком при императоре по делам Адмиралтейств-коллегии. Считается, что граф Пален очень засомневался в том, захочет ли при новых обстоятельствах адмирал сохранить их «секрет». И тут в ноябре 1800 года де Рибас заболел. В последние дни болезни, когда стало ясно, что она роковая, граф Пален безотлучно находился при умирающем. И когда тот испустил дух, немедленно завладел всеми его бумагами. Произошло это 20 декабря 1800 года⁹. Императору Павлу I оставалось жить еще три с небольшим месяца.

Так, рожденный на берегу Неаполитанского залива, И. М. де Рибас окончил свои дни на берегу Невы в том самом особняке, который сегодня ежедневно посещают тысячи студентов Университета культуры и искусств. Дом же Бецкого оставался во владении А. И. де Рибаса и в начале XIX столетия, пока не был выкуплен в казну.

¹ Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. 16. С. 168—169.

² Древняя и Новая Россия. 1879. Т. 3. С. 85.

³ Русский биографический словарь. С. 168—169.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 168.

⁶ Записки А. В. Храповицкого. М., 1990. С. 128.

⁷ Русский биографический словарь. С. 169.

⁸ Записки А. В. Храповицкого. С. 147.

⁹ Русский биографический словарь. С. 169.

КОМАНДУЮЩИЕ ВОЙСКАМИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА*

В. М. Лурье, П. А. Калёнов

**Маркиан Михайлович
ПОПОВ**

*2 (15) ноября 1904**, станция Усть-Медведицкая, ныне г. Серафимович
Волгоградской области – 22 апреля 1969, Московская область.
Советский военачальник.*

Русский. Из служащих. Генерал армии (26 августа 1943; 03.8.1953). Герой Советского Союза (7 мая 1965). В Вооруженных силах с 1920 г. Член компартии с 1921 г. Окончил Новоржевское высшее начальное училище (1919), 74-е Псковские пехотные командные курсы (июнь 1921 – январь 1922), курсы «Выстрел» (октябрь 1924 – октябрь 1925), основной факультет Военной академии им. М. В. Фрунзе по 1-му разряду (апрель 1932 – май 1936).

Участник Гражданской войны. Красноармеец 242-го Волжского полка 27-й стрелковой дивизии (май 1920 – июнь 1921), политрук 6-й роты Псковского территориального полка (июнь 1921), отделенный командир (январь – август 1922), командир взвода (август 1922 – январь 1924), помощник командира учебной роты (январь – август 1924), начальника полковой школы 33-го стрелкового полка 11-й стрелковой дивизии (август – октябрь 1924).

После окончания курсов «Выстрел» – помощник начальника (октябрь 1925 – февраль 1926), начальник (февраль 1926 – октябрь 1927) полковой школы 33-го, командир батальона 31-го (октябрь 1927 – октябрь 1928) стрелковых полков, преподаватель, командир батальона Школы переподготовки командиров запаса РККА (октябрь 1928 – ноябрь 1929), преподаватель тактики Ленинградской пехотной школы (ноябрь 1929 – январь 1930), начальник штаба моторизованного отряда 11-й Ленинградской дивизии (январь 1930 – январь 1932), исполняющий должность инспектора по моторизации корпуса ВУЗ МВО (январь – апрель 1932).

Начальник штаба 9-й механизированной бригады (май 1936 – июль 1937), 5-го механизированного корпуса (июль 1937 – июнь 1938).

Заместитель командующего войсками Дальневосточного фронта по укрепрайонам (июнь – август 1938), начальник штаба (сентябрь 1938 – июль 1939), командующий (июль 1939 – январь 1941) 1-й Отдельной Краснознаменной армией Дальневосточного фронта. Дважды выступал на совещании высшего командного и политического состава РККА в Москве (23–31 декабря 1940). Совещание проходило в условиях, когда пламя мировой войны стремительно распространялось по земному шару.

Командующий войсками Ленинградского военного округа (14 января – 23 июня 1941).

Территория округа к началу Великой Отечественной войны включала Ленинградскую (в предвоенных границах территория нынешних Ленинградской, Псковской и Новгородской областей), Мурманскую области, Карело-

Финскую ССР. Архангельская и Вологодская области, Коми АССР в марте 1940 г. отошли ко вновь образованному Архангельскому ВО.

За полгода до начала войны Попов провел большую работу по оперативной подготовке командного состава, строительству оборонительных сооружений, дорожной сети, укреплению северных границ.

Прежде всего новый командующий уделил большое внимание укреплению границ, тем более что после советско-финляндской войны на ряде больших участков они значительно изменились. На Карельском перешейке развернулось строительство трех укрепрайонов: Выборгского, Кексгольмского и Сортавальского. К сожалению, к началу войны они практически не были готовы.

В марте под руководством заместителя наркома обороны К. А. Мерцкова в округе проводилась большая, многодневная оперативная игра, на которой отрабатывались и изучались главным образом такие вопросы, как ведение оборонительных операций на широком фронте против превосходящих сил противника. К игре привлекли командование и штабы округа и армий, которым она принесла большую пользу в деле укрепления навыков и расширения оперативного кругозора. Несколько позже игра была повторена примерно с тем же составом с целью устранения недочетов, вскрытых на игре, проводившейся К. А. Мерцковым.

В начале мая Попов и начальник оперативного отдела округа П. Г. Тихомиров были вызваны в Генштаб, где в течение нескольких дней отрабатывали варианты плана прикрытия и обороны границ округа на случай войны. Как вспоминал сам Попов, «очень напряженно жил и работал в те майские и июньские дни штаб округа. До утра не выключался свет в большинстве кабинетов, и даже по воскресеньям. К подъездам штаба округа подходили автомашины с начальниками, спешившими на работу...»

В десятых числах июня Попов выехал на Карельский перешеек, где встречался с командующим Северным флотом адмиралом А. Г. Головкин. 22-го утром вернулся в Ленинград. Война уже была в самом разгаре.

24 июня 1941 г. на базе управления и войск Ленинградского военного округа был образован Северный фронт. Авторы считают, что читателям будет интересно узнать, какими силами располагал наш округ на 22 июня 1941 г.

* Продолжение. Начало см. в № 1–4 за 2001 г.; № 1–6 за 2002 г.; № 1–3 за 2003 г.

** Вопреки официальной дате (1902), М. М. Попов прибавил себе два года, чтобы поступить на службу в Красную армию, о чем свидетельствует его отец, письменно подтвердили сестры Валентина и Лида. (По сообщению ЦА МО СССР 13.01.1977 № 7/74985, Серафимовичского ЗАГСа Волгоградской области 6/1 – 1977 № 4. См.: Попов А. А. Тогда решать судьбу людей дано... СПб., 1995. С. 2, 49.)

Численный и боевой состав Северного фронта (на 23 июня 1941 г.)

№ соединения	Личный состав	Танки	Орудия и минометы				Всего
			76-мм и крупнее	минометы	ПТ орудия	зен. орудия	
<i>14-я А</i>							
14 сд	9425	—	30	150	37	4	221
52 сд	8192	7	54	120	53	4	231
104 сд	9105	9	74	156	54	4	288
122 сд	10 124	12	72	140	54	8	274
1 тд	9963	364	24	45	8	4	81
<i>7-я А</i>							
54 сд	13 849	9	78	144	54	8	284
71 сд	11 759	9	76	152	62	4	294
168 сд	13 437	—	76	134	64	4	278
237 сд	9311	—	85	101	50	—	236
<i>23-я А</i>							
142 сд	12 987	10	78	151	52	4	285
115 сд	12 421	8	80	150	54	—	284
43 сд	12 678	10	75	132	54	4	265
70 сд	13 887	16	70	120	49	8	247
123 сд	14 094	16	92	150	36	—	278
198 мд	9963	77	44	66	32	12	154
21 тд	5343	201	4	45	65	6	156
24 тд	7515	282	26	45	50	8	129
<i>8 осбр</i>	7600	64	56	100	36	12	204
<i>Резерв Сев. фр.</i>							
191 сд	14 136	—	68	142	54	—	264
177 сд	14 370	—	77	136	54	4	271
163 мд	9229	254	42	60	30	4	136
3 тд	10 011	263	28	39	5	8	80
Арт. РГК	13 103	—	214	—	—	—	214
Корп. Артилл.	4053	—	92	—	—	—	92
<i>Всего в Сев. фр (ЛВО)</i>	256 555	1771	2115	3825	1053	1236	8229

Блокада рассекреченная. СПб., 1995. С. 22.

В связи с образованием Северного фронта и ликвидацией Ленинградского военного округа 15 июля 1941 г. образован ЛВО 2-го формирования как тыловое управление Северного фронта, которому оно подчинено директивой Генерального штаба РККА от 25 июля 1941 г. Включал территорию Ленинградской, Мурманской областей, Карело-Финской и Эстонской ССР.

Приказом НКО СССР от 21 августа 1941 г. управление округа расформировано и обращено на укомплектование полевого управления Ленинградского фронта.

Командующий войсками Северного фронта (24 июня — 23 августа 1941).

Отражая наступление одной немецкой и двух финских армий в Карелии, фронт сумел к середине июля 1941 г. остановить врага в 20–30 км от советской границы. В это время создалась угроза прорыва крупных сил противника к реке Луга. Проявив решительность и отличные организаторские способности, Попов собрал семь стрелковых дивизий, в том числе дивизию народного ополчения, объединил их с двумя военными училищами, рядом артиллерийских частей и выдвинул к реке. Они задержали противника почти на месяц. План немецкого командования с ходу прорваться к Ленинграду был сорван.

С целью совершенствования управления войсками директивой СВГК Северный фронт 23 августа 1941 г. был разделен на Ленинградский и Карельский фронты.

Командующий войсками Ленинградского фронта (23 августа — 5 сентября 1941).

Первоначально в состав фронта вошли 8-я, 23-я и 48-я армии, Копорская, Южная и Слущко-Колпинская оперативные группы, 30 августа в оперативное подчинение был передан Балтийский флот. Попову не удалось остановить дальнейшее наступление немцев на Ленинград.

О причинах ухудшающейся оперативной обстановки и бездействии командования Ленинградского фронта

Телеграмма И. В. Сталина членам ГКО В. М. Молотову и Г. М. Маленкову 29 августа 1941 г. ЛЕНИНГРАД

Сов. секретно

Шифром

СЕКРЕТАРЮ ГОРКОМА КУЗНЕЦОВУ
для МОЛОТОВА, МАЛЕНКОВА

Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет

сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности. Они заняты поиском новых рубежей отступления, в этом они видят свою задачу. Откуда у них такая бездна пассивности и чисто деревенской покорности судьбе? Что за люди — ничего не пойму. В Ленинграде имеется теперь много танков КВ, много авиации, эрсы. Почему эти важные технические средства не действуют на участке Любань—Тосно? Что может сделать против немецких танков какой-то пехотный полк, выставленный командованием против немцев без этих технических средств? Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке? Не кажется ли тебе, что кто-то нарочно открывает немцам дорогу на этом решающем участке? Что за человек Попов? Чем, собственно, занят Ворошилов и в чем выражается его помощь Ленинграду? Я пишу об этом, так как очень встревожен непонятным для меня бездействием ленинградского командования. Я думаю, что 29-го ты должен выехать в Москву. Прошу не задерживаться.

СТАЛИН
(Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 123)

5 сентября Маркиан Михайлович был снят с должности и направлен в распоряжение Ставки ВГК.

Вспоминает бывший командующий ВВС фронта главный маршал авиации, дважды Герой Советского Союза А. А. Новиков: «Маркиан Михайлович, будучи командующим фронтом и одним из немногих руководителей, прямо ответственных за судьбу Ленинграда, даже в самые тяжелые времена был всегда выдержан, деловит, никогда не дергал людей. Это в нем — нравилось мне. А поэтому все устные приказы, большей частью выраженные в форме просьбы, я воспринимал не только умом, но и сердцем» (Новиков А. А. В небе Ленинграда. М., 1970. С. 110).

Заместитель командующего (ноябрь—декабрь 1941), командующий (декабрь 1941 — июнь 1942) 61-й, 40-й (июль—октябрь 1942) армиями. Заместитель командующего войсками Сталинградского фронта (октябрь—декабрь 1942), заместитель командующего Юго-Западным фронтом по руководству действиями 5-й ударной и 5-й танковой армий (декабрь 1942 — апрель 1943), одновременно командующий 5-й танковой армией (декабрь 1942 — январь 1943).

Командующий войсками Резервного фронта (10—15 апреля 1943), Степного ВО — резервными формированиями Ставки ВГК (апрель—июнь 1943), где под руководством Попова готовились семь общевойсковых и одна воздушная армия.

Командующий войсками Брянского (июнь—октябрь 1943), Прибалтийского (10—20 октября 1943), 2-го Прибалтийского (20 октября 1943 — 23 апреля 1944; 21—31 марта 1944) фронтов. Войска фронта в январе—феврале 1944 г. приняли участие в разгроме противника под Новгородом и Псковом. Немецкое командование начало отход, который не был вовремя обнаружен, что позволило противнику оторваться от наших войск и отвести боевую технику. ГКО в своем постановлении отметил недостаток резервов, вследствие чего советские части продвинуться не смогли, хотя фронт имел задачу вступить в Восточную Латвию. Попов был снят с должности и понижен в звании до генерал-полковника (20.4.1944).

Начальник штаба Ленинградского фронта (28 апреля

1944 — 22 марта 1945; 1 апреля — 9 июля 1945), 2-го Прибалтийского фронта (март 1945).

При непосредственном участии Попова в июне—августе 1944 г. Ленинградский фронт при активном содействии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий успешно осуществил Выборгскую операцию, в результате которой он вместе с Волховским фронтом создал условия для вывода Финляндии из войны. В июле—октябре того же года участвовал в Прибалтийской операции, освободившей континентальную часть Эстонии; кроме того, войска Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом в период с 27 сентября по 24 ноября очистили от противника Моонзундские острова. На этом наступательные действия фронта завершились. Его войска занимали позиции на советско-финляндской границе и побережье Балтийского моря от Ленинграда до Риги.

9 июля 1945 г. Ленинградский фронт был преобразован в Ленинградский военный округ.

Имя Попова шесть раз отмечалось в приказах Верховного главнокомандующего.

Условные фамилии в период Великой Отечественной войны: Марков — до 31 мая 1944 г., Поляков — с 1 июня 1944 г.

Война для Попова закончилась. Она была для него и удачной, и связанной с поражениями. «М. М. Попов во время войны то повышался по служебной должности, то опускался ниже. Начал войну командующим Ленинградским фронтом, а закончил начальником штаба того же фронта. То же самое произошло и с воинским званием, в войну вступил генерал-полковником, в 1943 — генерал армии, а заканчивает войну генерал-полковником. И все это при его исключительных способностях», — вспоминал А. М. Василевский.

Командующий Львовским (июль 1945 — май 1946), Таврическим (май 1946 — сентябрь 1954) военными округами. 50-е годы были переломными в истории Вооруженных сил. Появление ракетно-ядерного оружия определило новые способы обучения сухопутных войск. Попов уделял много внимания перевооружению соединений, освоению личным составом поступившей техники. В распоряжении МО СССР (сентябрь 1954 — январь 1955).

Заместитель начальника (январь 1955 — июнь 1956), начальник (июнь—август 1956) Главного управления боевой подготовки, 1-й заместитель Главнокомандующего — начальник Главного штаба (август 1956 — июль 1962) Сухопутных войск. «...Не раз мне довелось быть на командно-штабных учениях и военных играх, которые проводил начальник штаба Сухопутных войск. Всегда поражала оригинальность мысли, умение схватывать главное, глубокое знание природы современных операций и общевойскового боя» (Жадов А. Генерал армии М. М. Попов // Воен.-ист. журн. 1959. № 10. С. 125—127).

Военный инспектор — советник группы Генеральных инспекторов МО СССР (июль 1962 — апрель 1969).

За заслуги перед Родиной и Вооруженными силами, умелое руководство войсками, мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, указом Президиума Верховного Совета СССР М. М. Попову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Депутат Верховного Совета СССР 2-го — 6-го созывов.

Награжден пятью орденами Ленина (22 февраля 1941, 30 апреля 1945, 14 ноября 1952, 16 ноября 1962, 7 мая 1965), тремя орденами Красного Знамени (5 октября 1944, 3 ноября 1944, 5 ноября 1950), двумя орденами Суворова

I степени (№ 32 – 28 января 1943, 27 августа 1943), Кутузова I степени (22 июня 1944, 29 июня 1945), орденом Красной Звезды (22 февраля 1968), медалями, иностранными орденами.

Комбриг (1938), комдив (1939), генерал-лейтенант (1940), генерал-полковник (1943).
Трагически погиб.
Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Некролог:

Красная звезда. 1969. 25 апр.

Сочинения:

В боях за город Ленина // Оборона Ленинграда. 1941–1944: Воспоминания и дневники участников. Л., 1968. С. 29–74.

Курляндский «котел». Л., 1969. С. 588–595.

Фланговый удар Брянского фронта // Воен.-ист. журн. 1959. № 10. С. 19–33.

Южнее Сталинграда. Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 641–643.

Литература:

Блокада рассекреченная. СПб., 1995. С. 84, 85, 89.

Бычевский Б. В. Город-фронт. М., 1963. С. 4–69.

Василевский А. М. Дело всей жизни. 3-е изд. М., 1978. С. 309, 499.

Горьков Ю. Государственный комитет обороны постановляет (1941–1945): Цифры и документы. М., 2000. См. имен. указ.

Еременко А. И. Годы возмездия. М., 1969.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 2 т. 13-е изд., доп. и испр. по рукописи автора. М., 2002. См. имен. указ.

Г. К. Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001.

Курочкин П. Генерал армии М. М. Попов // Воен.-ист. журн. 1982. № 11. С. 90–92.

Ленинград в осаде: Сб. документов о героич. обороне Ленинграда в годы Великой Отеч. войны. 1941–1944. СПб., 1995.

Попов А. А. Когда решать судьбу людей дано... СПб., 1995.

Русский архив. М., 1944. Т. 13 (2–1): Великая Отечественная: Приказы нар. комиссара обороны СССР.

Русский архив. М., 1993. Т. 12 (1): Великая Отечественная. С. 85–88, 185–188.

Русский архив. М., 1997. Т. 15 (4–3): Великая Отечественная. Прелюдия Курской битвы.

Русский архив. М., 1997. Т. 15 (4–4): Великая Отечественная. Курская битва: Документы и материалы. 27 марта – 23 августа 1943.

Русский архив. М., 1996. Т. 16 (5–1): Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1941 год.

Русский архив. Т. 16 (5–2): Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы. 1942 год.

Русский архив. М., 1998. Т. 23 (12–1): Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1941 год.

Самсонов А. М. Сталинградская битва. 3-е изд., доп. М., 1982.

Свердлов Ф. Д. Человек долга // Воен. мысль. 1992. № 12. С. 69–73.

Стрешинский С., Франтишев И. Генерал Симоняк. Л., 1971. С. 277–278, 352–353.

Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1973. С. 274, 484, 487–488.

**Трифон Иванович
ШЕВАЛДИН**

*01.02.1888 – с. Пристань, ныне Артинский район Свердловской области –
02.7.1954 – г. Свердловск, ныне г. Екатеринбург.*

Русский. Из рабочих. Генерал-лейтенант (04.6.1940). В Советской армии с 1918 года. Член компартии с 1917 года. Окончил школу мотористов (1915), Курсы «Выстрел» (октябрь 1924 – май 1925), КУВНАС (1928), Курсы командиров-единоначальников при Военно-политической академии (1931).

В службе 1909–1913 и с июля 1914 по март 1916. Командир взвода. Фельдфебель.

Участник Гражданской войны. Начальник партизанского отряда в Красноуфимском и Златоустовском уездах (декабрь 1917 – июнь 1918), помощник командира 1-го Красноуфимского 4-й Уральской дивизии Восточного фронта (ноябрь 1918 – октябрь 1920), 262-го (октябрь 1919 – сентябрь 1920) стрелковых полков, командир этого же полка (сентябрь 1920 – май 1922), командир и военком 88-го стрелкового полка (май 1922 – июнь 1925), в спецкомандировке в Китае (июнь 1925 – октябрь 1927), помощник командира 29-й (октябрь 1927 – январь 1928), 33-й (январь 1928 – февраль 1930), командир и военком этой же (февраль 1930 – май 1934) стрелковой дивизии, комендант и военком Полоцкого Ура (октябрь 1934 – октябрь 1936), помощник командующего БВО по материальному обеспечению (октябрь 1936 – июль 1937), командир 4-го стрелкового корпуса (июль 1937 – март 1938), заместитель командующего (март 1938– январь 1939), командующий (январь 1939 – июль 1940) войсками Приволжского ВО, в распоряжении НКО (июль 1940 – август

1940). Заместитель генерал-инспектора пехоты Красной армии (август 1940 – июль 1941).

Участник Великой Отечественной войны.

Командующий войсками Ленинградского военного округа 2-го формирования (июль – сентябрь 1941).

Командующий войсками 8-й армии (сентябрь – ноябрь 1941), в распоряжении ГУК НКО СССР (ноябрь 1941 – март 1942), командующий войсками Архангельского (март 1942 – февраль 1945), Белорусско-Литовского (февраль – сентябрь 1945) ВО, в распоряжении ГУК НКО СССР (сентябрь – ноябрь 1945), заместитель командующего войсками Уральского ВО (ноябрь 1945 – апрель 1948).

С 07.4.1948 в отставке по болезни.

Комдив (26.11.1935), комкор (09.02.1939).

Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I ст., медалями.

Некролог: Красная звезда. 1954. 6 ав.

Книги о Петербурге в год его трехсотлетия

А. Ф. Векслер

Замечательный след в истории Петербурга оставили первые годы XXI века — последние годы подготовки к трехсотлетию юбилею города и год проведения юбилейных мероприятий. Нам еще предстоит осмыслить и оценить сделанное, но уже сегодня можно с удовлетворением отметить то обстоятельство, что эти годы пополнили наши библиотеки разнообразными книгами о Петербурге. Увидевшие свет благодаря поддержке администрации Санкт-Петербурга в лице ее комитета по подготовке к празднованию 300-летия основания города, ряда фондов и, что весьма симптоматично, частных лиц, эти книги, и подарочные фолианты, и энциклопедии, и скромные издания, представляют собой существенный вклад в петербурговедение. И хотя библиографам еще предстоит составить полный список вышедших в нашем городе книг с годами издания от 2001 до 2003, уже можно сделать краткий обзор таких изданий и прорецензировать некоторые из них.

Первоначально из множества изданий я выбрал книги, посвященные весьма интересующим меня темам: история и культура Петербурга, его топонимика, архитектура и общие издания (энциклопедии, справочники, путеводители), надеясь позже обратиться к иным.

Тема городских названий всегда была близка всем интересующимся петербургской культурой. Ей отдали дань историки, филологи, краеведы, культурологи. Ныне топонимическая библиотека пополнилась тремя изданиями. Это «Топонимическая энциклопедия»¹, «Топонимика Петербурга—Петрограда второй половины XIX — начала XX вв. (до 1917 г.) по планам города»² и «Реестр названий объектов городской среды Санкт-Петербурга»³.

Энциклопедия, как и положено изданиям такого рода, беспристрастно и объективно воссоздает топонимическую картину города, пригородов и окрестностей в ее поэтапном историческом развитии на протяжении трех веков жизни Санкт-Петербурга. Городская топонимия представлена в книге со всей возможной полнотой и

охватывает 10 тысяч названий проездов всех типов, рек, каналов, островов и мостов, расположенных на территории, относящейся к юрисдикции администрации и Законодательного собрания Санкт-Петербурга.

Для каждого топонима приведены сведения о его происхождении, границах действия, истории бытования и изменения. Для большинства названий указаны устанавливающие их нормативные документы. Столь подробные и точные сведения о городской топонимии приводятся впервые. Все названия в книге даны в нормативной форме, установленной легитимными властями и являющейся обязательной на территории города.

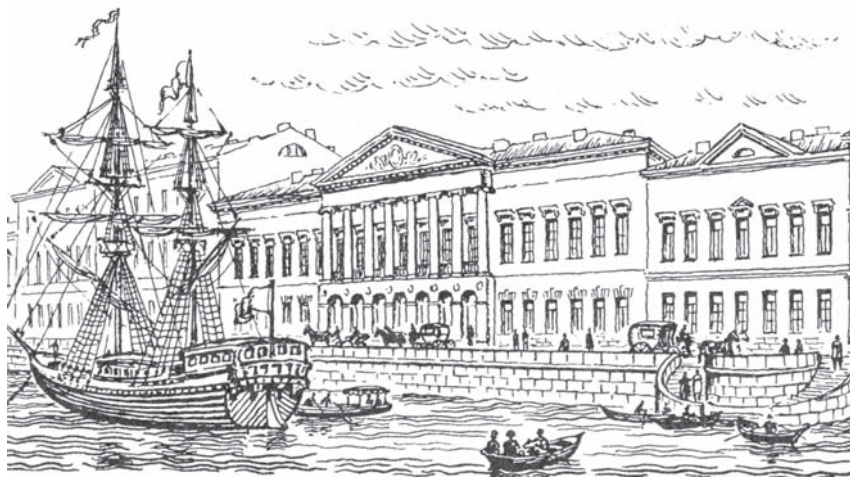
Основному справочному блоку предшествуют указания о пользовании энциклопедией, сведения о принятой терминологии, территориальном делении Санкт-Петербурга и очерк «Петербургская топонимия» (История, этапы и особенности развития).

Удобство пользования энциклопедией обусловлено как распределением топонимов по месту их нахождения (собственно город, пригородное поселение или окрестности), так и по времени действия (действующее, утраченное или проектное название). Удобны топонимические схемы городских и окраинных исторических районов.

Замечателен справочный аппарат книги, включающий именной указатель — наиболее полное собрание имен государственных и общественных деятелей, отраженных в городской топо-

нимии, или имевших к ней определенное отношение; указатель литературы и источников — это весьма полный список публикаций по петербургской топонимической практике.

Вышедшая в 2003 году «Топонимика Петербурга—Петрограда второй половины XIX — начала XX вв. (до 1917 г.) по планам города» завершает начатую ранее в отделе картографии Российской национальной библиотеки работу по составлению свода названий проездов, встречающихся на печатных планах города, хранящихся в отделе. Таким образом, комплект из трех книг⁴ содержит топонимическую информацию для исторического периода от основания города до 1917 года. Подобное издание, как и энциклопедия, предпринято впервые в России и не имеет аналогов в мировой топонимической литературе. Основой издания служит рукописный (и поэтому доступный ограниченному кругу пользователей) Сводный каталог печатных планов Петербурга—Петрограда, составленный в 1960-х годах старейшим библиографом РНБ Н. К. Шаблаевой. Продолжая ее дело и изучая многочисленные печатные планы города как один из основных источников сведений о городской топонимии, составитель «Топонимики...» В. В. Кукушкина по разработанной ею методике составила своды городских топонимов, включающих названия частей города, слобод, деревень, улиц, площадей, переулков, набережных, рек, каналов, мостов,

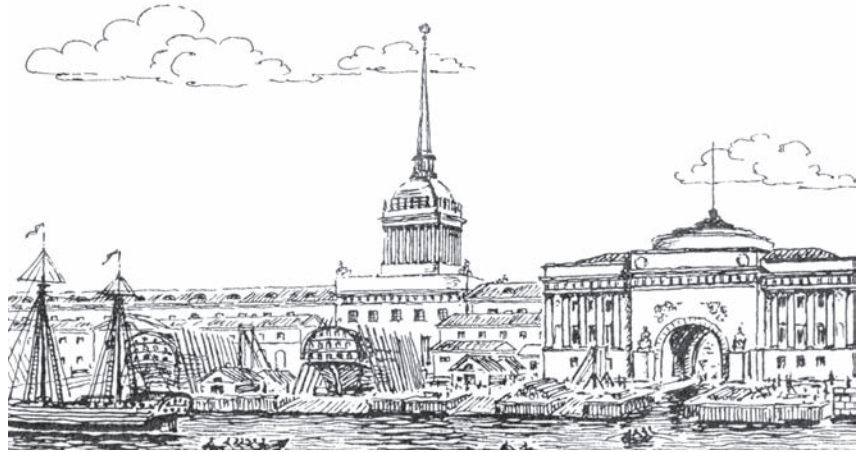

островов, садов и других объектов городской среды, относящихся к XVIII в. (книга издана в 1993 г.) и к XIX — началу XX веков (книги изданы в 1996 и 2000 годах). Печатные планы города в их хронологической совокупности позволили составителю выявить главные характеристики топонимов — их написание в различные периоды существования и границы в пределах городской территории (в том числе проектное или еще не закрепившееся в городском обиходе, включая разночтения), время введения топонима в официальный оборот, часто отличающееся от времени установления названия нормативными актами. Это обстоятельство особенно ценно для топонимов, возникших в XVIII в., и во многом способствует уточнению места действия ряда событий истории города, уточнению словаря петербургского городского языка.

Издание содержит список планов города и список литературы и картографических материалов, использованных для составления каждой из книг.

Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга, как и комплект книг, изданных в РНБ, — не только ценные пособия по истории петербургской топонимики, но и строго научные издания, способствующие ее сохранению как основной части петербургского городского языка — значительного явления петербургской культуры. Эти книги заинтересуют в первую очередь историков, опытных краеведов, преподавателей курса «История и культура Санкт-Петербурга».

Достижению той же цели, но адресованная читателю, имеющему дело с практическим использованием топонимии (сотрудникам Государственной инспекции по безопасности дорожного движения, Федеральных почтовой и налоговой служб, городской телефонной сети, справочной службы, средств массовой информации, рекламных агентств, служб городской администрации), послужит выпущенная информационно-издательским агентством «ЛИК» книга⁵, содержащая официальный текст «Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга», разработанного Петербургским топонимическим обществом⁶ и введенного в действие Распоряжением губернатора Санкт-Петербурга № 1144-р от 1.11.1998, все принятые Топонимической комиссией и утвержденные в установленном порядке дополнения к нему (около 30),

комментарии и разъяснения. В процессе подготовки издания все включенные в него названия выверены его составителями — членами Топонимической комиссии Санкт-Петербурга А. Г. Владимировичем, А. Д. Ерофеевым и П. А. Скрелиным. «Реестр...» в свое время был расослан по официальным каналам службам городской администрации и включен в информационную базу данных «Кодекс». Новое издание делает «Реестр...» еще более доступным.

Несмотря на свою деловую направленность и краткость, «Реестр...» в полной мере отражает традиции и особенности петербургской топонимии и предоставляет пользователю масштабную информацию о современных наименованиях объектов городской среды, что позволяет устранить существующие искажения в употреблении топонимов, путаницу в обозначении их статусных частей. Кроме точного названия объекта разработчики включили в Реестр границы действия названия и дату его присвоения (последнего изменения). Интересны комментарии и уточнения, сопровождающие основную часть издания, написанные составителями вместе с В. Е. Левтовым. Так авторы комментария обращают внимание на отсутствие в городском законодатель-

стве рекомендаций по употреблению полной и краткой форм названия города — Санкт-Петербург и Петербург: «...нынешняя тенденция преимущественного повсеместного использования полной формы названия нарушает существовавшие на протяжении двух веков исторические традиции, согласно которым полная форма обязательна при использовании в законодательных и нормативных актах, официальных сообщениях, в различных торжественных случаях... Краткая форма целесообразна в повседневном употреблении, включая СМИ, средства связи и коммуникации, служебную документацию, деловую переписку, живую речь».

В заключение отмечу, что в год трехсотлетнего юбилея Санкт-Петербурга городская топонимика, так много страдавшая во времена волонтаризма и излишней политизации общества, а в последнее десятилетие — от его коммерциализации, и всегда — от безразличия к традициям и русскому языку, получила абсолютно безупречные доступные горожанам издания, подобных которым не имеет ни один другой город в мире. Это обстоятельство позволяет надеяться на то, что не только научная общественность, но и городские власти включатся в дело сохранения уникальной петербургской топонимики.

¹ Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга / Авт.-сост.: С. В. Алексеева, Е. А. Балашов, А. Г. Владимирович и др.; Шеф-ред. В. Е. Левтов; Под общ. ред. А. Г. Владимировича. СПб.: Информ.-изд. агентство «ЛИК», 2002. 808 с.

² Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX в. по планам города / Сост. В. В. Кукушкина; Науч. ред. Н. К. Шаблаева; Предисл. С. В. Семенцова. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1996. 443 с.

³ Реестр названий объектов городской среды Санкт-Петербурга / Сост.: А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев, П. А. Скрелин; Вступ. ст. и коммент. их же и В. Е. Левтова. СПб.: Информ.-изд. агентство «ЛИК», 2003. 190 с.

⁴ См.: Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX в. по планам города...; Топонимика Петербурга—Петрограда второй половины XIX — начала XX вв. (до 1917 г.) по планам города / Сост. В. В. Кукушкина; Науч. ред. Н. К. Шаблаева; Предисл. С. В. Семенцова. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2000. 353 с.; Топонимика Санкт-Петербурга XVIII в. по планам города / Сост. В. В. Кукушкина; Науч. ред. Н. К. Шаблаева; Предисл. С. В. Семенцова. СПб.: Рос. нац. б-ка, 1993. 341 с.

⁵ Реестр названий объектов городской среды Санкт-Петербурга...

⁶ Реестр названий объектов городской среды Санкт-Петербурга // Топоним. журн. 1999. № 1/2. С. 21—104. В статье использованы рисунки художников Р. П. Костылева и П. Р. Костылева.

«Санкт-Петербург. 300 лет истории»*

С. Н. Полторак

К 300-летию Санкт-Петербурга из печати вышло немало достойных научных изданий об этом городе. Для многих людей это, возможно, самый главный итог юбилейного года.

Среди замечательных книг, к которым тянутся душа и разум, я бы выделил ту, что, на мой взгляд, стала лучшей. Это по-настоящему академическое издание. Его редакторами стали одни из самых известных петербургских историков — Р. Ш. Ганелин, В. М. Ковальчук, В. Н. Плешков, В. А. Шишкин.

Монография состоит из трех частей. В каждой добротнo и основательно освещаются события столетия: город в XVIII веке, в XIX и, наконец, в минувшем, который едва успел стать историей.

Структура книги проста, разумна и соответствует интересам как научного исследования, так и любого читателя. В первой и второй частях по шесть глав, в третьей — 10, что тоже во многом обоснованно, хотя, вероятно, наступит время, когда и об истории XX века ученые будут говорить если не через запятую, то уж по крайней мере не так подробно, как хочется и как «умеется» нам.

Объем книги немного превышает 100 печатных листов, и поэтому авторский коллектив из 11 человек справедливо кажется вовсе не большим. Авторы глав книги — признанные ученые. Это Е. В. Анисимов, Е. М. Балашов, А. З. Ваксер, Р. Ш. Ганелин, А. Р. Дзенiskeвич, В. М. Ковальчук, А. П. Купайгородская, В. А. Нардова, А. С. Сухорукова,

А. Н. Цамутали, А. Н. Чистиков. Их имена и работы на слуху и известны далеко не только специалистам. Как главный редактор «Истории Петербурга» я горжусь тем, что трое из авторов и членов редколлекции — Р. Ш. Ганелин, В. Н. Плешков и А. Н. Чистиков — члены редколлекции нашего журнала, а Е. В. Анисимов, А. З. Ваксер, А. Р. Дзенiskeвич, В. А. Шишкин и опять же В. Н. Плешков и А. Н. Чистиков — постоянные авторы «Истории Петербурга». Воистину «узок круг...», но это, правда, говорилось совсем по другому поводу.

Радует то, что каждый член авторского коллектива, что называется, «на своем месте». Взять хотя бы Е. В. Анисимова, автора всех шести глав первой части исследования. Им написано более 160 из 760 страниц книги. По существу — монография в монографии!

Признаюсь, будучи хорошо знакомым с публикациями Евгения Викторовича, я вначале предположил, что в этом труде он во многом «выезжает на старом багаже». Но прочитав написанные им главы, удивился и обрадовался: использовано много новых фактов, идей; появились интереснейшие гипотезы, а некоторые старые доказательно отвергнуты. Например, только во второй главе в научный оборот введены сведения более чем из ста архивных документов, и это при том, что автор не упустил из вида уже опубликованные работы видных историков, археологов. Конечно, по ходу чтения у меня возникло неприятие трактовки каких-то событий или суждений, но это — нормально. По-другому, пожалуй, и быть-то не должно.

Показалось странным, что среди авторов первой части не оказалось Ю. Беспятых, хотя десятка два, а то и больше ссылок на его публикации есть. Но в каждом авторском коллективе — свое закулисье, и лезть в него, как в чужие семейные дела, негоже.

Стержневую роль в подготовке второй части книги сыграл, на мой взгляд, А. Н. Цамутали. Хотя, конечно, опыт и надежность блестящего профессионала В. А. Нардовой, как, вероятно, и старания А. С. Сухорукова имели в подготовке второй части существенное значение. Изучение и описание исторических событий XIX века имеет свои, только этому периоду свойственные, особенности. В отличие от XVIII тот век оказался более информационно насыщенным, что часто не облегчает, а наоборот, осложняет исследование. Смещение акцентов в угоду кому-то или чему-то порой куда коварней обычного отсутствия информации. А история XIX века, в том числе Петербурга, была богата на полутона и недоговорки.

Представляется, что авторы второй части поступили мудро, используя в качестве источников во многом мемуары людей часто взаимоисключающих взглядов и убеждений. Созданная на этой основе историческая диффузия убеждений, мироощущений, поступков очень достоверно отразила динамичный XIX век. Правда, бросилось в глаза, что Петербург XIX века в изложении авторов оказался очень уж невоенный, тогда как был он и военной столицей. Петербург XIX столетия без шпор, гвардейцев и клинков, пронизывавших, пропитывавших его дух и быт, — это не совсем тот Петербург. И еще. Во второй части очень скромно представлены архивные сведения — дай бог, чтобы набралось ссылок пятнадцать такого рода. Они — не самоцель, а свидетельство новизны подаваемого читателю материала.

Думаю, что все же самой сложной была работа над третьим разделом, посвященным событиям XX века. Петербург минувшего столетия столько пережил, что не то что описать это, а даже чтобы осмыслить, потребуются долгие годы. Одно то, что

* Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. 760 с. 2000 экз.

замахнулись написать об этой истории, — уже научный подвиг!

Я с интересом изучал расстановку авторских сил, участвовавших в написании третьей части монографии. Почему-то возникали аналогии с действиями военачальника, выдвигавшего на передовые рубежи свои отборные и проверенные в боях соединения. Представляется, что главным идеологом этого раздела был Р. Ш. Ганелин. Чувствуется, как говорится, рука мастера. Причем ощущается это в неприметных, на первый взгляд, деталях. Например, с ювелирной точностью сформулированы названия глав. И дело не только в словах, но и во многих важных штрихах. В частности, в выверенности периодизации столетия. Признаюсь, более удачной мне встречать не приходилось. Тут что ни фраза — кладезь мудрости и исследовательского опыта: все очень выверенно, академично, корректно и наряду с этим — по-научному смело. Взять, к примеру, названия восьмой и девятой глав: «В годы “оттепели” и реформаторских попыток (1950-е — начало 1980-х гг.)» и «В годы перемен (1982—1991 гг.)». Вроде бы все просто, но ведь в этом-то и проявляется талант ученого. Никаких словесных нагромождений. А как мастерски соединены в единый слыв очень разные, но исторически неразделимые этапы истории?! Да только тем, что авторы включили в единую главу события 1982—1991, а не ставший стереотипным период 1985—1991, уже стоит восхититься — высший пилотаж.

В третьей части работы чувствуется общий дирижер. Быть может, это заслуга не только Р. Ш. Ганелина, но и ответственного редактора В. М. Ковальчука. Даже скорее всего так. Но это тот счастливый случай, когда дирижер управляет виртуозами. Все без исключения главы написаны на высоком научном уровне. При этом ни один из авторов не потерял свою самостоятельность, свойственный лишь ему стиль, аргументацию, язык.

Как всегда наслаждался, читая седьмую и восьмую главы, написанные А. З. Ваксером. С почтением вечного ученика прослеживал блестящие рассуждения А. П. Купайгородской, В. М. Ковальчука, А. Р. Дзенискевича. С пристрастием — моя давняя «родная» проблематика — вчитывался в строки, написанные А. Н. Чистиковым.

Признаюсь, с замиранием сердца читал две последние главы, написанные Е. М. Балашовым, поскольку

ку посвящены они самому последнему периоду истории Ленинграда—Петербурга. Не все ложилось на душу, но даже то, с чем не соглашался или в чем сомневался, воспринималось как очень талантливая, прочно «сшитая» работа.

Но вопросов возникало немало. Так, зная А. Р. Дзенискевича как очень крупного специалиста по истории блокады Ленинграда, сожалел, что он не участвовал совместно с В. М. Ковальчуком в написании шестой главы «Великая Отечественная война. Блокада». Конечно, В. М. Ковальчук — известный историк блокады, но ряд моментов, в частности, медицинские аспекты проблемы, Андрей Ростиславович первым среди ученых поднял на должную высоту, и то обстоятельство, что его научные достижения не нашли отражения в главе о блокаде, ее не усиливает. Не хочу покушаться на святое, но замечу, что глава о блокаде Ленинграда — ярчайшей странице жизни города — занимает почти десятую часть всей книги, что вносит некоторую диспропорцию в общий контекст освещения истории города. В то же время некоторые фразы не очень четко отражают суть происшедших событий. Например, человеку несведущему в истории защиты Ленинграда от фашистов, непросито будет понять истинный смысл фразы: «К исходу 11 сентября был занят Дудергоф, а 12 сентября оставлено Красное Село» (с. 542). О чем идет речь, понятно только подготовленному читателю.

Монографии такого уровня и масштаба не обходятся без обобщения результатов труда предшественников-исследователей, работавших в прежние годы. Эта книга — не исключение, но в ней есть досадные прорехи. Так, можно по-разному относиться к работам академика И. И. Минца, можно даже ставить под сомнение его авторство, но игнорировать его трехтомник об Октябрьской революции, основательный том о событиях 1918 года вряд ли стоит. Кстати, в третьей главе третьей части книги нет ни слова о достижениях самого крупного знатока истории Петербурга в 1918 году — М. О. Малышева. А ведь он в начале 1980-х годов на истфаке ЛГУ прекрасно защитил докторскую диссертацию. Я был на той защите еще аспирантом, и она произвела на меня большое впечатление. Да и сам Милентий Олегович — историческая личность: разведчик, воевавший в фашистском тылу под Ленинградом. За-

быты в главе и другие имена. Например, Ю. С. Кулышев. А ведь он всего 20—30 лет назад был одним из лучших знатоков истории Гражданской войны у стен Петрограда.

А. Н. Чистиков не раз ссылаясь в своей главе на книгу А. С. Пухова «Петроград не сдавать!». Это справедливо, но ведь у этого автора была и вполне достойная книга о морях-балтийцах, защищавших этот город. Но морская тематика как-то не очень привлекала Александра Николаевича. Думаю, что полторы страницы, отведенные в книге изложению событий советско-финляндской войны (с. 530—531), вряд ли достаточно, чтобы показать роль Ленинграда в тех боевых событиях. Огорчают ссылки на работы Н. И. Барышникова и В. Н. Барышникова, опубликованные 18 лет назад. Книга-то хорошая и даже очень, но после этого отец и сын Барышниковы столько нового написали по этой проблеме. Только предпоследняя монография Н. И. Барышникова «Блокада и Финляндия. 1941—1944» (СПб.; Хельсинки, 2002) чего стоит! Правда, вышла она из печати лишь в начале этого года, так что «срагировать» на нее было сложно.

Но поводов для радости несоизмеримо больше, когда читаешь эту книгу. Как колоритно, например, описана атмосфера Петербурга в 1914 году, в первые месяцы войны. Зрелищная жизнь города описана тонко и с глубоким проникновением в суть происшедших событий (с. 368—375).

К сожалению, в книге встречаются и огрехи технического характера, и, как говорится, есть резервы для совершенства. Крайне скромно использовалась зарубежная историография Петербурга. Но ведь об истории города иностранными исследователями написаны сотни книг, тысячи статей. В них — далеко не всегда пересказ работ российских авторов, а часто — новые идеи, совершенно неизвестные зарубежные источники.

В книге есть подробный именной указатель, но он страдает неточностями. Например, в нем указан Д. Аль (с. 733), но нет уточнения в скобках, что это — Даниил Натанович Альшиц — не только драматург, но и очень известный петербургский историк — доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки России и, кстати, автор любопытной книги об истории Петербурга, вышедшей из печати в 2002 году и не упомянутой в этом издании.

Монографии, как изданию академическому, явно недостает списка литературы и источников. Будь он в книге, она бы стала еще и очень ценным справочным изданием.

Огорчает подготовка сносок в тексте. Кое-где имя автора указано впереди фамилии (с. 502) и множество случаев, когда сноски на странице начинаются со слов «там же», что недопустимо.

Особого разговора заслуживают иллюстрации. Многие из них кочуют

из книги в книгу, особенно в юбилейном году. Но есть, к счастью, немало и таких, которые мне прежде не встречались. Однако очень многие иллюстрации не атрибутированы, что мешает в работе с текстом. Да и сами иллюстрации, сделанные в виде вставок «пакетами» в текст, не пронумерованы, что при необходимости затруднит их поиск и ссылку на них при появлении такой необходимости.

Опечалило и то, как даны сведения об авторах книги — только уче-

ные степени. Но ведь многие имеют и ученые звания, которые почему-то не упомянуты. Не сказано и что А. З. Ваксер — заслуженный деятель науки РФ.

Но авторы такого труда по сути уже стали заслуженными, даже очень заслуженными деятелями науки!

Убежден, монография «Санкт-Петербург: 300 лет истории» — это самая значительная из книг о его прошлом, написанных за три столетия существования города.

Капитальный труд петербургских архивистов

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: ПУТЕВОДИТЕЛЬ:
В 2 т. / Сост.: Н. И. ДЕРИНГ (ОТВ. СОСТАВИТЕЛЬ), М. Г. ЕРШОВА,
Т. А. ЗЕРНОВА, Ж. В. ФРИДМАН, Н. Ю. ЧЕРЕПЕНИНА, Т. Я. ЯСКЕЛЯЙНЕН;
РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. И. ДЕРИНГ, Т. С. КОНЮХОВА, О. Ю. НЕЖДАНОВА,
Н. Ю. ЧЕРЕПЕНИНА. М.: Звенья, 2002. Т.1. 855 с.; Т. 2. 871 с.

Г. Л. Соболев

Два года назад написав для «Истории Петербурга» рецензию на вышедший тогда путеводитель по Центральному государственному архиву историко-политических документов Санкт-Петербурга, я предложил редакции ввести в журнале рубрику «Путеводители по Петербургу». Однако осторожная редакция посчитала это преждевременным, полагая, что эта рубрика может не получить продолжения. И вот теперь я торжествую: в серии «Архивы России» опубликован новый фундаментальный путеводитель по Центральному государственному архиву Санкт-Петербурга, богатейшие фонды которого ныне тщательно описаны профессионалами-архивистами и выставлены таким образом на широкое использование исследователями. Последним еще предстоит по достоинству оценить титанический труд своих коллег-архивистов, досконально изучивших за многие годы тысячи фондов и создавших свой «Архивный фонд» и научно-справочный аппарат: описи, каталоги по истории учреждений, систематический, географический и именной каталоги, указатели, справочные картотеки по личному составу. Справедливо отмечая, что настоящий путеводитель является самым полным

справочником о составе и содержании всех фондов ЦГА Санкт-Петербурга, находящихся на открытом хранении по состоянию на 1 января 2001 года, вероятно, следовало бы подчеркнуть, что это результат работы не одного поколения сотрудников архива, образованного в 1936 году как Архив Октябрьской революции. В разное время в нем трудились талантливые архивисты, ставшие впоследствии видными историками, — Ю. С. Токарев, В. И. Старцев, О. И. Шкаратан, В. А. Зубков, Б. Д. Гальперина, Н. Б. Лебедева, А. С. Дубин и другие. Прежде чем стать опытными публикаторами документов, они прошли все этапы архивной работы и много сделали для того, чтобы Ленинградский архив Октябрьской революции стал одним из ведущих в стране.

В обширном предисловии прослежен сложный и тернистый путь, который прошел архив в прошлом веке к своему новому названию — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Как известно, с 1938 года архивы страны были переданы в ведение НКВД, в связи с чем деятельность Ленинградского архива Октябрьской революции претерпела существенные изменения: главное внимание стало

уделяться выявлению и использованию документов, представляющих «оперативно-чекистский» интерес. В ходе почти двадцатилетней работы такого характера были собраны обширные справочные материалы о лицах, лишенных избирательных прав, гражданах, оказавшихся на оккупированной территории, и так далее. Одновременно развернулась работа по засекречиванию документов: в дополнение к материалам секретного отдела, созданного на базе ликвидированного Секретного архива, из научного использования в Ленинградском архиве Октябрьской революции было изъято 84 фонда, в том числе и фонд Петроградского Совета. С конца 1980-х годов архив приступил к массовому рассекречиванию своих документов, были сняты, если верить составителям, все грифы «ограниченного доступа», установленные фондообразователями, создана межведомственная комиссия для изучения материалов спецхрана. За десять лет (до 1997 года) на общее хранение были переданы документы около 800 фондов, в том числе документы секретных отделов областного, городского, районных исполкомов, комиссий по лишению избирательных прав, Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюци-

ей и саботажем, Чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов и др. Однако, как мне кажется, составители могли бы более полно раскрыть состав рассекреченных документов.

Сегодня Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, носящий это название с 1991 года, является одним из крупнейших архивов нашего города: в нем хранится 4284 фонда, содержащих почти 3 млн. единиц хранения. Рецензируемый путеводитель помогает исследователю сориентироваться в этом море документов и определить направление научного поиска. Квалифицированное описание фондов по тематическому принципу и указатель включенных в путеводитель фондов смогут оценить в первую очередь историки, ранее занимавшиеся в этом архиве и не имевшие такого источника информации. Конечно, богатейшие материалы архива по истории революционного движения и советского времени широко использовались исследователями и прежде, о чем можно судить и по помещенному в приложение библиографическому списку монографических работ, подготовленных на документах архива. А сколько было написано кандидатских и докторских диссертаций! И все же значение нового путеводителя по ЦГА Санкт-Петербурга как источника информации трудно переоценить. Далеко не все, кто занимается историей Временного правительства, например, знали о существовании в архиве документов Главного экономического комитета при Временном правительстве, Министерства продовольствия Временного правительства, Комиссаров Временного правительства по Петроградской губернии, Петроградской городской общественной управы, уездных и волостных управ. Путешествуя по архиву с путеводителем, можно обнаружить в нем и документы за более ранний период: они отложились в фондах профсоюзных организаций, где собраны материалы комиссий по истории профсоюзов, а также в коллекциях по истории фабрик и заводов, по истории Ленинградского Совета, общества бывших политкаторжан и ссыльно-переселенцев. Знакомясь с описанием фонда Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, еще раз убеждаешься в том, какие богатейшие материалы по истории революционного движения в России в 1917 году в нем хранятся. Именно в Петроградский Совет стали

обращаться с первых же дней Февральской революции тысячи рабочих, солдат и крестьян, о чем свидетельствуют их многочисленные письма, хранящиеся в этом фонде. И хотя эти письма уже привлекали внимание историков, они требуют новых подходов и новых приемов их изучения. Будет обидно, если эту важную и нужную работу сделают за нас и на наших материалах зарубежные исследователи.

Достаточно полно раскрыты в путеводителе и фонды периода Гражданской войны. Это документы органов Союза коммун Северной области, Центральной и районных комендатур революционной охраны, комитетов обороны. Петроградской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем, революционных трибуналов, милиции. Большой интерес представляют сведения о составе лиц, «выключенных» из политической жизни, которые хранятся в фондах Комиссии по лишению избирательных прав. В фондах административных органов сохранились уникальные «дела по контролю» за деятельностью общественных организаций, союзов и религиозных общин.

Основные этапы истории Петрограда—Ленинграда в советское время отражены в фондах местных органов власти — губернского (областного) городского и районных Советов. История развития ленинградской промышленности в ее различных аспектах представлена в фондах совнархозов, Севзаппромбюро, трестов, плановых комиссий, статистических и финансовых учреждений, многочисленных заводов и фабрик.

Принятая составителями структура описания фондов по рубрикам — государственная власть и управление, экономика, социально-культурная сфера, административно-политическое управление, общественные организации — позволяет получить достаточно отчетливое представление о богатстве фондов, хранящихся в архиве, помогает исследователям в их научных поисках. Правда, в ряде случаев хотелось бы получить от составителей и более конкретную и полную информацию. Меня, как историка обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, интересовало, например, какие новые фонды и документы, помещенные ранее в спецхран, теперь находятся на открытом хранении. Из предисловия я только знал, что «период Великой Отечественной войны отражен в докумен-

тах штабов МПВО, комиссий: по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, эвакуационной, по трудовой повинности. На общее хранение переданы трофейные немецкие документы сельскохозяйственной части группы «Норд», отдельных организаций оккупационных властей». Если это и все, то можно высказать только сожаление. Дело в том, что из фондов Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, плановой комиссии исполкома Ленинградского городского Совета и Статистического управления Ленинграда было изъято раньше немало документов военного времени (целые описи!) на специальное хранение. С некоторыми из них, касающимися смертности населения в блокированном городе, я в свое время знакомился (разумеется, по специальному допуску), не имея права ссылаться на них в открытой печати. Судя по опубликованному в 1995 году сборнику документов «Ленинград в осаде», по крайней мере часть из них была рассекречена, но упоминания об этом в путеводителе я не нашел.

Отдельно выделены в путеводителе личные фонды (участников революционного движения, партийных и советских работников, деятелей науки и культуры), а также коллекции документов, среди которых стоит упомянуть коллекцию документов немецких оккупационных властей, действовавших на временно оккупированной территории Ленинградской области. Из поступивших в ЦГА СПб в последние годы материалов следует отметить коллекцию документов о зверствах, разрушениях и убийствах, причиненных Ленинграду и Ленинградской области в период Великой Отечественной войны. Обязательно надо сказать о ценных приложениях: это история административно-территориального деления Петрограда—Ленинграда—Санкт-Петербурга (1917—2001), история объединения органов власти и управления Петрограда—Ленинграда и Петроградской—Ленинградской губернии, области (1917—1931), списки председателей исполкомов Петроградского — Ленинградского городского Совета и Петроградского—Ленинградского губернского, областного Совета (1917—1991).

В заключение хотелось бы выразить благодарность составителям за ценный путеводитель, который, я уверен, послужит не одному поколению историков.

Дорогие друзья!

Продолжаем викторину «Из истории Санкт-Петербурга», начатую в первом номере этого года. Вашему вниманию предлагаются вопросы четвертого тура. Впереди — еще один тур. Желаем успехов всем читателям — участникам викторины. Напоминаем, что в последнем номере «Истории Петербурга» 2003 года редакция подведет итог викторины. Победителя ожидает приз — бесплатная подписка на наш журнал на 2004 год.

Редколлегия

ВИКТОРИНА

«Из истории Санкт-Петербурга»

ВОПРОСЫ ЧЕТВЕРТОГО ТУРА — «МОСТЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА»

1. Сколько мостов насчитывается в настоящее время в Санкт-Петербурге (без пригородов и без многочисленных мостиков в садах и парках)?
2. Какой мост упоминает И. А. Бунин в стихотворении «На Невском»:
*«И на мосту, с дыбящего коня
 И с бронзового юноши нагого,
 Повисшего у диких конских ног,
 Дымились клочья праха снегового...»?*
3. У какого моста, по свидетельству коломенского будочника, видели огромную тень умершего Башмачкина, срывавшую теплые шинели с генеральских плеч (смотри повесть Н. В. Гоголя «Шинель»)?
4. Через какой мост проезжал Печорин — герой романа М. Ю. Лермонтова «Княгиня Лиговская»: «Между тем белый султан и гнедой рыцарь пронеслись вдоль по канаве, поворотили на Невский, с Невского на Караванную, оттуда на ... мост, потом направо по Фонтанке и тут остановились у богатого подъезда с навесом и стеклянными дверями и с медною блестящею отделкой...»?
5. «Нет ли лишнего билетика?» — так в Петербурге прозвали мост у одного из самых знаменитых театров города и страны.
6. Первый постоянный мост через Неву, построенный в 1842—1850 годах инженером С. В. Кербедзом, продвинувшимся за время строительства моста от капитана до генерала.
7. В огромном доме купца Зверкова, стоявшем у этого моста, в 1829—1831 годах жил писатель Н. В. Гоголь. В Столярном переулке у этого моста оказался и художник Лугин из неоконченной повести М. Ю. Лермонтова «Штосс».
8. Мост, с 1738 года называвшийся Цветным, в 1790 году получил свое нынешнее романтическое название от находившегося на левом берегу реки Мойки, на углу нынешней улицы Глинки, кабака в доме купца....
9. Построенный в 1879 году по проекту военного инженера А. Е. Струве, этот мост был первым в мире мостом постоянного типа с электрическим освещением.
10. Первый наплавной мост через Неву, наведенный в 1727 году по приказу А. Д. Меншикова и наводившийся затем ежегодно 184 года.

Составитель
 Н.П. Матвеев

Сведения об авторах

БЛЮМ Арлен Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры общей библиографии и книговедения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств (СПбГУКИ).

БЕЛОУСОВ Александр Федорович — кандидат филологических наук, доцент кафедры детской литературы СПбГУКИ.

ВАСИЛЬЕВА Елена Евгеньевна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры русского народного песенного искусства СПбГУКИ.

ВЕКСЛЕР А. Ф. — член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга, педагог высшей квалификации общего и дополнительного образования.

КАЛЁНОВ Павел Александрович — исследователь.

КИПНИС Борис Григорьевич — старший преподаватель кафедры истории СПбГУКИ.

ЛЕЙКИН Николай Александрович (1841–1906) — писатель.

ЛУРЬЕ Вячеслав Михайлович — военный историк.

МАРГОЛИС Александр Давидович — кандидат исторических наук, генеральный директор Фонда спасения Петербурга—Ленинграда.

МАСЛЕННИКОВА Наталья Николаевна — доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории СПбГУКИ.

МАТВЕЕВ Николай Петрович — врач-офтальмолог (ВИТУ, г. Пушкин).

НЕКРЫЛОВА Анна Федоровна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры режиссуры массовых праздников, зав. сектором фольклора Российского института истории искусств.

ПАВЛОВ Владимир Егорович — доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета путей сообщения.

ПАВЛОВА Руфина Эммануиловна — старший преподаватель кафедры истории СПбГУКИ.

ПАПКОВА Ольга Борисовна — заведующая отделом развития Музея изобразительных искусств г. Петрозаводска.

ПОДБОЛОТОВ Павел Алексеевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории отечества СПбГУКИ.

ПОЛТОРАК Сергей Николаевич — доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала «История Петербурга».

ПРОТАНСКАЯ Елена Сергеевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии СПбГУКИ.

ПОНОМАРЕВ Игорь Алексеевич — исследователь.

РЕЙСЕР Соломон Абрамович (1905–1989) — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской, выдающийся литературовед, текстолог и библиограф.

СЕРГЕЕВА Надежда Ивановна — профессор, заведующая кафедрой музееведения и экскурсоведения СПбГУКИ.

СОБОЛЕВ Геннадий Леонтьевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

ШЛЯПНИКОВ Владимир Алексеевич — кандидат искусствоведения, доцент кафедры фортепиано СПбГУКИ, руководитель органального совета Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, член Британского института органных исследований (BIOS).

ШОМРАКОВА Инга Александровна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей библиографии и книговедения СПбГУКИ.

*Редколлегия журнала выражает признательность
проректору Санкт-Петербургского государственного университета культуры
и искусств по научной работе профессору В. В. Головину за участие
в подготовке этого номера «Истории Петербурга».*

История Петербурга журнал

№ 4 (14) 2003

Корректор *Т. В. Королева*

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Е. А. Тальянова*

Оригинал-макет подготовлен в издательстве «Нестор»

Подписано в печать 6.10.2003. Формат 60 x 84 1/8

Объем 12,5 п. л. Тираж 3000 (1-й завод 1—1200) экз.

Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,

Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1. Лицензия ПД № 2-69-571.

Заказ № 1074